ИМЛ—Библиотека
ГВ 101
Т32В

Теория госуд
Славянофил.
Спб., 1898г.
418480.
2экз.

ГВ101
Т378

ТЕОРІЯ ГОСУДАРСТВА

У СЛАВЯНОФИЛОВЪ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

И. С. Аксакова, К. С. Аксакова, Ав. В. Васильева, А. Д. Градовскаго, Ю. Ѳ. Самарина и С. Ѳ. Шарапова.

Особое приложеніе къ „Русскому Труду“ 1898 года.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Пороховщикова. Бассейная, 3—5.
1898

2-экз

1984

ГВ101 Р
Т378

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
К. Маркса и Ф. Энгельса

3244
2

418480

Отъ издателя.

Настоящій небольшой сборникъ заключаетъ въ себѣ наиболѣе существенное, высказанное почившими и здравствующими славянофилами по важному теоретическому вопросу о государствѣ. Необходимость собрать въ одно цѣлое разбросанныя по разнымъ періодическимъ изданіямъ и на значительномъ пространствѣ времени хотя нѣкоторыя важнѣйшія статьи—очевидна. Русское общество совсѣмъ не знакомо съ основными идеями славянофиловъ, а противники этого ученія постарались ихъ исказить и представить въ самомъ превратномъ видѣ. Между тѣмъ, если русская самостоятельная мысль по вопросу о государственномъ устройствѣ нашла себѣ выраженіе, то именно у славянофиловъ. Вся остальная русская политическая литература представляетъ изложеніе чужихъ идей, отголосокъ разнообразнѣйшихъ западно-европейскихъ теченій. Съ эрудиціей и талантами, достойными лучшаго примѣненія, проповѣдывали у насъ все что угодно, отъ идеаловъ бюрократическаго полицейскаго государства до соціальнаго благополучія Белламы. И только славянофильская мысль, единственный продуктъ нашего собственнаго національнаго творчества, опирающаяся только на психологію русскаго народа и на изученіе духа родной исторіи, была въ вѣчномъ пренебреженіи.

Ни на какую полноту настоящее изданіе не претендуетъ. Это не научно-критическая и тѣмъ болѣе не литературно-историческая работа, гдѣ должны-бы найти мѣсто *всѣ* мнѣнія славянофиловъ по данному

вопросу, сдѣлана критическая разработка, свѣрка, сопоставленія. Это просто справочное изданіе, излагающее, какъ думали славянофилы о государствѣ. Очень многаго здѣсь нѣтъ, но есть самое главное.

На первомъ планѣ должна быть, конечно, поставлена „Записка“ К. С. Аксакова, огромному большинству публики совсѣмъ неизвѣстная. Ее сначала и предполагалось издать одну. Но затѣмъ было сочтено полезнымъ добавить объяснительную къ ней статью И. С. Аксакова. Далѣе, во избѣжаніе односторонности, приведена критика этой „записки“, сдѣланная въ „Голосѣ“ А. Д. Градовскимъ. и отвѣтная на нее статья И. С. Аксакова. Для полноты добавлена записка Ю. Ѳ. Самарина о конституціи и весьма важная объяснительная статья къ ней И. С. Аксакова. Затѣмъ прибавлена часть статьи Аѳ. В. Васильева изъ „Благовѣста“, и, наконецъ, издатель рѣшился включить одну изъ своихъ статей, освѣщающую вопросъ съ чисто практической стороны.

Намъ думается, что и въ этомъ, совершенно необработанномъ видѣ, настоящая книжка представляетъ нѣчто цѣльное и важное. Наше оправданіе въ томъ, что русскому обществу некогда дожидаться обстоятельнаго изложенія славянофильскаго ученія о государствѣ. Съ другой стороны можетъ быть, что, по прочтеніи этихъ статей, у кого нибудь явится желаніе заняться именно такимъ большимъ трудомъ. Послѣднее и будетъ намъ и полнымъ оправданіемъ, и высшею наградой.

Сергѣй Шараповъ.

С.-Петербургъ, августъ 1898.

I.

Бюрократическое и земское государство.

(Статья И. С. Аксакова изъ № 26 „Руси“ 1881 года).

Высочайшій манифестъ 29 апрѣля *),—это первое слово новаго Царя къ народу, первое Его съ нимъ общеніе,—безъ сомнѣнія, разсѣетъ тѣ ложные толки, мудрованія и недоумѣнія, которыми тяготилась Россія, потрясенная въ своемъ земскомъ мирѣ событіемъ 1 марта. Она вздохнетъ свободно, узнавъ, что историческія основы ея бытія пребываютъ незыблемы, что новый Царь, обѣщая стать бодро на дѣло правленія и хранить неприкосновенною наслѣдованную имъ самодержавную власть, въ то-же время торжественно свидѣтельствуетъ, что въ неразрывномъ союзѣ этой власти съ Русской землей заключается именно та сила, которою Россія препобѣждала искони всякія смуты и бѣдствія. Съ бодростью и упованіемъ можемъ и мы теперь снова приняться за подвигъ нашей общественной жизни... Но жизнь въ своей ежедневности опредѣляется не однѣми общими, хотя бы и существенными, чертами, а слагается изъ частныхъ задачъ, заботъ и трудовъ; государственная дѣятельность, независимо отъ главнаго, всенародно признаннаго направленія, выражается въ совокупности отдѣльныхъ, дробныхъ распоряженій и мѣръ, практически важныхъ для блага народнаго. Отрадно заявить, что относительно новой правительственной дѣятельности тѣ отрывочныя, неполныя извѣстія, которыя доведены до общаго свѣдѣнія нашею ежедневною печатью, всѣ утѣшительнаго свойства, и обществу остается только жалѣть, что оно узнаетъ о нихъ пока только изъ смутнаго газетнаго источника. Они касаются разныхъ законодательныхъ и распорядительныхъ мѣръ, направленныхъ къ подъему крестьянскаго благосостоянія. Мы не можемъ не выразить мнѣнія, что всѣ эти мѣры только-бы выиграли въ практической примѣнимости, еслибы были предварительно разработаны въ печати или-же хоть отчасти людьми мѣстнаго опыта, ближе, по самому

---

*) Подтвержденіе Государемъ Александромъ III въ торжественной формѣ, что Царское самодержавіе будетъ укрѣплено и обезпечено.

своему положенію, знакомыми съ нашимъ селомъ и, вообще, съ русскимъ крестьянскимъ бытомъ. Мы, конечно, рады всякому облегченію податной тягости, въ какомъ-бы видѣ оно ни проявилось, но со своей стороны отдаемъ предпочтеніе проекту Д. Ѳ. Самарина, изложенному имъ въ 20, 21, 23, 24 и 25 №№ нашей газеты. Не мало интересовалось общество и слухами, проникшими въ газеты, о нѣкоторыхъ новыхъ порядкахъ въ сношеніяхъ министровъ съ верховною властью, будто-бы предполагаемыхъ, съ цѣлію придать высшему управленію болѣе единства и однородности. Газеты извѣстнаго пошиба, суевѣры европейскихъ либеральныхъ формъ, уже заговорили было о „кабинетѣ и первомъ министрѣ“, даже назначали лицо, призванное занять эту должность. Ихъ постигло, однако, полное разочарованіе. Не лишена интереса и полемика, возникшая по этому поводу. „Петербургскія Вѣдомости“, не обинуясь, рѣзко заявили и, конечно, справедливо, что при самодержавномъ правленіи немыслимъ „первый министръ“, такъ какъ источникъ власти и всякаго направленія во внутренней и внѣшней политикѣ государства—самъ Государь. На это „Порядокъ“ замѣчаетъ, что „Петербургскія Вѣдомости“ по-своему правы, такъ какъ у насъ учрежденіе перваго министра было-бы въ сущности визиратствомъ. „Но, прибавляетъ „Порядокъ“, и въ этомъ отношеніи намъ остается тотъ-же выборъ, какъ и всему человѣчеству, т. е. отдавать предпочтеніе или Востоку или Западу, невѣжеству или образованности,—чего „только одно притязаніе изобрѣсти какую-то *самобытность* не дозволяетъ многимъ сообразить“. Т. е., другими словами—или турецкіе, а пожалуй и персидскіе или афганистанскіе порядки, или-же европейскія учрежденія извѣстнаго шаблона: середины для Россіи, какъ и *никакой самобытности* для великаго Русскаго народа, имѣющаго тысячелѣтнюю своеобразную исторію, „Порядокъ“ и не признаетъ. Но мы вѣримъ, что Россія удержится на пути самобытнаго развитія. Дай Богъ, чтобъ именно настоящему царствованію удалось возвратить ей свободу—стать и быть самою собою,—эту столь долго, столь давно угнетаемую свободу; совершить своего рода эмансипацію истиннаго русскаго самосознанія отъ искажавшихъ его ложныхъ воззрѣній и всякихъ иноземныхъ рефлекторовъ, и дать возможность историческому народному зиждительному духу окрылиться, проявиться въ силѣ и дѣйствіи.

Возвратимся, однако, къ вопросу объ единствѣ въ высшемъ управленіи“. Безъ малѣйшаго сомнѣнія единство необходимо,—странно и толковать объ этомъ; но примѣры прошлыхъ лѣтъ доказываютъ, что этого единства было мало, что каждое министерство представляло изъ себя какое-то status in statu, дѣйствуя независимо отъ другихъ, совершенно безотвѣтственно и прикрываясь непререкаемымъ авторитетомъ царскаго имени. Любопытно, что отсутствіе этого единства было предсказано при самомъ учрежденіи министерствъ, какъ это видно изъ замѣчательнаго

письма графа С. Р. Воронцова къ Кочубею, въ 1803 г., помѣщеннаго въ послѣдней книжкѣ „Русскаго Архива“. Жаркій сторонникъ учрежденій Петровыхъ, коллегій и Сената, Воронцовъ рѣзко возстаетъ на вновь созданный, по его выраженію, „министерскій деспотизмъ“, пытающійся уклониться отъ всякаго контроля, тогда какъ Петръ, по объясненію Воронцова, именно позаботился о контролѣ. Контроль заключался въ томъ, что коллегіи, изъ которыхъ впослѣдствіи образованы министерства, были подчинены Сенату, отчеты въ своемъ управленіи представляли Сенату-же, высочайшіе указы всѣ шли чрезъ Сенатъ, имѣвшій даже право до обнародованія дѣлать о нихъ Государю представленія, и Сенатъ-же, просмотрѣвъ отчеты коллегій, доводилъ до свѣдѣнія Государя „о томъ, какъ управляются Его подданные“. Иначе,—говоритъ Воронцовъ,—Государь останется въ невѣдѣніи о томъ, какъ управляются подданные, ибо будетъ получать свѣдѣнія только отъ министровъ, т. е. отъ тѣхъ лицъ, которыя будутъ въ одно время и судьями, и подсудимыми. Ему не останется даже способа узнать, хорошій-ли Онъ сдѣлалъ выборъ“. Если указъ,—пишетъ далѣе прямодушный дипломатъ, обнародуется помимо Сената „однимъ изъ министровъ, то можетъ случиться, что онъ состоялся вслѣдствіе одного только личнаго и безъ свидѣтелей доклада, когда Государь могъ быть чѣмъ-нибудь развлеченъ и не расположенъ обсудить доводы за и противъ предложеннаго къ подписанію указа“. На слова Кочубея, что „важные случаи будутъ (отъ министровъ) вноситься въ комитетъ или Его Величеству“, графъ Воронцовъ возражаетъ, что „это „*или*“ уничтожаетъ самый комитетъ“. Не раздѣляя пристрастія гр. Воронцова къ коллегіямъ и Сенату, нисколько, къ сожалѣнію, не оправданнаго исторіей этихъ учрежденій (впрочемъ, умно задуманныхъ,—особенно учрежденіе Сената, какъ административнаго судилища), мы не можемъ, однако, не признать за этимъ государственнымъ человѣкомъ замѣчательной проницательности. Доказательствомъ этому служитъ отчасти и самый вопросъ объ устраненіи неудобства единоличныхъ министерскихъ докладовъ, возбужденный теперь, 78 лѣтъ спустя послѣ предсказаній Воронцова! Если вѣрить нѣкоторымъ газетамъ, предполагается будто бы „поставить правиломъ, чтобы доклады министровъ сколько-нибудь важнаго значенія представлялись на высочайшее утвержденіе не иначе, какъ по обсужденіи ихъ въ Совѣтѣ Министровъ“. Конечно, такая мѣра представляетъ значительное ручательство въ бо́льшемъ единобразіи правительственной системы.

Отклоняя отъ себя разсмотрѣніе технической стороны дѣла, особенно въ виду неопредѣленности сообщаемыхъ извѣстій, мы позволимъ себѣ указать вкратцѣ только на тѣ принципіальные, такъ сказать, недостатки, которые, по нашему мнѣнію, лежатъ въ самомъ основаніи нашего административнаго строя.

Этотъ административный строй — продуктъ Петровской реформы, видоизмѣненной административными нововведеніями Ко-

чубея и Сперанскаго; печальный результатъ сочетанія на русской, національной, исторической почвѣ грубаго, топорной работы, подобія нѣмецкихъ, шведскихъ, голландскихъ порядковъ съ порядками французской бюрократической централизаціи, доведенными во Франціи до такой художественной стройности Наполеономъ I и искаженными у насъ подъ воздѣйствіемъ нашихъ мѣстныхъ условій. Старый *земскій* типъ русскаго государства былъ при Петрѣ смятъ, скомканъ и замѣненъ такъ называемымъ типомъ *полицейскаго* государства, господствовавшимъ тогда почти во всей континентальной Западной Европѣ. Собственно говоря, этотъ „полицейскій принципъ“ отождествился у насъ принципомъ опричнины, введенной ради пробы, на восемь лѣтъ Иваномъ IV и указанной имъ потомству, какъ „учиненный готовый образецъ“. Что́ такое опричнина, какъ начало? Это власть, сознавшая себя и поставившая себя *опричь*, внѣ земли, освободившаяся отъ всякаго на нее тяготѣнія земской стихіи, власть, существующая какъ бы для себя и для своихъ цѣлей. Разумѣется, Петръ имѣлъ въ жизни одну единственную цѣль—благо Россіи, но онъ понималъ его *по-своему*. Это былъ самый смѣлый, самый отчаянный идеалистъ, какого только видалъ міръ, идеалистъ съ непреклонною, необузданною волею, да еще надѣленный притомъ отъ судьбы реальною властью въ объемѣ, соотвѣтствовшемъ его исполинскому идеализму. Такого деспота не знавала вселенная ни прежде, ни послѣ. Ради успѣха своей „исторической миссіи“, ради осуществленія своихъ идеаловъ, онъ долженъ былъ сломить всякое противодѣйствіе земской жизни, всякое проявленіе какой-либо самобытности, своеобразности, все обратить въ покорный, безотвѣтный матеріалъ, пригодный для лѣпки излюбленной имъ формы европейскаго государства. Но государство, какъ хорошо понималъ Петръ, образуется не одними законами и учрежденіями, но и нравами: онъ не остановился и передъ этою задачей и рѣшился силою внѣшней принудительной власти пересоздать и нравы. Онъ проникъ, со своей полиціей, во всѣ изгибы общественнаго бытія, гдѣ только укрывалась самостоятельность духа, ничего не оставилъ въ покоѣ, все регламентировалъ, все взялъ въ казну, все подчинилъ командѣ—и нравы, и обычай, и совѣсть, и прическу, и церковь, и одежду, и грамоту, и языкъ,— законодатель, портной, академикъ, цирульникъ, церковный реформаторъ, кузнецъ, полководецъ, учитель „комплиментовъ“ и танцевъ, заводчикъ флота, ассамблей, покоритель Шведовъ, завоеватель, градостроитель и устроитель шутовскихъ маскерадовъ въ Кремлевскомъ Успенскомъ соборѣ. Но дѣло не въ томъ, что великій идеалистъ-преобразователь увлекъ въ путь преобразованій свою страну, а въ томъ, что весь государственный строй былъ переиначенъ, что дѣйствіе свободной земской стихіи было заглушено въ конецъ, что совершенъ глубокій, доселѣ пребывающій разрывъ между народными массами и новосозданнымъ при Петрѣ обществомъ. Страна перестала жить *о себѣ*, по выраженію древ-

нихъ грамотъ, а только—*о начальствѣ*. Общество явилось взнузданнымъ, затянутымъ въ мундиръ, причесаннымъ, выбритымъ, одѣтымъ по указу, расписаннымъ по рангамъ, дѣйствующимъ лишь по командѣ,—руки по швамъ. Для того, чтобы этого автомата приводить въ дѣйствіе, потребовалась цѣлая армія, многочисленнѣйшая армія чиновниковъ, поставленная въ „супротивное“ отношеніе къ жизни, если не прямо враждебное, — армія *опекуновъ*: вездѣ, повсюду, кругомъ сверху до-низу, только начальства, да власти, — тучи властей и начальства. Никогда ни одно правительство въ мірѣ, какъ русское со временъ Петра, не взваливало на себя такой огромной обузы, такой громадной опеки, не расширяло такъ безпредѣльно круга своей дѣятельности, да и не было такъ неугомонно дѣятельно: иначе и быть не могло, когда приходилось исполнять должность самой жизни и постоянно, на каждомъ шагу чинить, поправлять и переиначивать плохо дѣйствующій механизмъ. А онъ дѣйствовалъ плохо, хоть и не переставалъ дѣйствовать. Насилованіе жизни не могло удасться даже такому лютому идеалисту, каковъ былъ геніальнѣйшій изъ людей Петръ: дисгармоніей, разладомъ, скудостью жизненнаго творчества и самодѣятельности страждетъ Россія и до сихъ поръ. Наименѣе „казенный человѣкъ“ по своей личной природѣ, Петръ породилъ ту казенщину, которая глушила, глушитъ отчасти и до сихъ поръ все живое, и которая достигла своего апогея въ царствованіе Императора Николая.

При всѣхъ высокихъ царственныхъ качествахъ этого Государя, дошло при Немъ до того, что въ печатной инструкціи военно-учебнымъ заведеніямъ сказано нѣчто странное для христіанскаго общества ,именно, что „Государь для подданнаго есть верховная *совѣсть*“, чѣмъ какъ-бы упразднялась личная совѣсть; нѣкоторые государственные люди были одержимы вожделѣніемъ подвергнуть цензурѣ само Евангеліе и пустить его въ народное обращеніе въ очищенномъ казною видѣ; бродила даже (признаваемая, впрочемъ, несбыточною) мечта объ установленіи казенныхъ, властію одобряемыхъ модъ...

Мы не станемъ здѣсь говорить объ исторической необходимости, которой Петръ послужилъ орудіемъ, ни о положительныхъ, свѣтлыхъ сторонахъ его дѣла, о насажденіи просвѣщенія, о возбужденіи работы самосознанія, и т. д., и т. д. Мы желаемъ намѣтить здѣсь въ главныхъ чертахъ только тотъ особый характеръ, который напечатлѣлъ онъ правительству, въ его отношеніяхъ къ жизни, и который, хотя-бы значительно видоизмѣненный, еще продолжаетъ держаться въ пріемахъ, привычкахъ, преданіяхъ, отчасти даже безсознательно, и понынѣ.

Взбудораженная, перековерканная, взбаломученная Петромъ, Россія пришла послѣ него, при его преемникахъ, въ истинно хаотическое состояніе, изъ котораго нѣсколько вывела ее Екатерина II, упорядочивъ и облагообразивъ хаосъ, умѣривъ жестокость правительственной опеки, но зато водворивъ въ Россіи начало

сословное, въ смыслѣ иностранномъ, одновременно съ нѣкоторой децентрализаціей. Эта децентрализація, однако-жъ, при народномъ безправіи и на подкладкѣ крѣпостного права, послужила къ развитію не самоуправленія, а мѣстнаго самоуправства, въ странѣ къ тому-же совершенно безгласной.

Наступаетъ царствованіе Александра I, и съ нимъ учрежденіе министерствъ по образу и подобію Франціи. Въ лицѣ Императора, называвшаго себя „начальникомъ благородной націи“ и одушевленнаго самыми благими намѣреніями, въ лицѣ слугъ его Кочубея и Сперанскаго, подобострастныхъ поклонниковъ французской администраціи, при содѣйствіи заведеннаго Петромъ общества (въ это время совсѣмъ почти объевропеившагося и ставшаго чуждымъ родной землѣ, удачно и безболѣзненно вытравившаго въ себѣ смыслъ и разумѣніе народнаго духа), началась для Россія эра новыхъ экспериментовъ, предпринятыхъ властію. Ей былъ заданъ новый, сильный пріемъ казенщины, хотя и въ позолоченныхъ пилюляхъ; наложена на нее новая, усиленная опека, хотя и въ болѣе щегольской формѣ. Вся Россія расписана была по министерствамъ, изъ которыхъ каждое, имѣя, въ особѣ министра, макушку въ Петербургѣ, корнями упиралось чуть не въ самую подпочву Русской земли. Всякое явленіе, всякое отправленіе общественной жизни должно было пріурочиться для порядка къ какому-либо вѣдомству,—все жило и существовало центростремительно, а центръ этотъ былъ зданіе у Чернышева моста или иное какое-либо министерское помѣщеніе тамъ, на берегахъ Невы, въ прежней Нигерманландіи. Это было воцареніе самовластнаго бюрократизма или, точнѣе, бюрократическаго самовластія. Всякое министерство уподобилось чему-то вродѣ государства въ государствѣ: каждое управляло, подтягивало, вѣдало, опекало, писало, выпускало чуть не до ста тысячъ исходящихъ №№ въ годъ, одержимое ревностною административною дѣятельностью: ибо въ этой „дѣятельности“, хотя-бы и безсодержательной и безплодной, заключался смыслъ, raison d'être его бытія и призванія. Стройно и строго водворилась самая удушливая административная централизація, несравненно удушливѣе даже французской, потому что стремилась не только взять въ опеку и направить, но еще замѣнить собой функціи мѣстной жизни. Число чиновниковъ удвоилось; администрація, освобожденная отъ тормозящаго коллегіальнаго дѣлопроизводства и всякаго коллегіальнаго контроля, легко двигалась на оси личной бюрократической власти.

Никогда централизація и бюрократизмъ не достигали такихъ размѣровъ, какъ со времени учрежденія министерствъ. Нѣтъ сомнѣнія, что коллегіальное устройство неудобно для быстраго отправленія административныхъ дѣлъ, — но еще неудобнѣе такая экзуберація, такая гипертрофія администраціи, какая была создана министерствами. По плану Кочубея и Сперанскаго, заимствованному у Наполеона I, глава государства являлся и главою администраціи, главнокомандующимъ всей этой арміи чиновни-

ковъ и, какъ солнце въ малой каплѣ воды, долженъ былъ отражаться, преломляясь лучами своей власти по іерархическимъ ступенямъ, даже въ лицѣ мизиннѣйшаго „агента“ и пребывать съ нимъ въ прямой солидарности. Выходило, что верховная власть, т. е. прямо власть царская, спускалась, административными каналами черезъ министра и градацію властей, до самыхъ мельчайшихъ отправленій мѣстной, не только общественной, но даже и частной жизни. Нельзя было построить дома болѣе, чѣмъ о пяти окнахъ, даже въ какомъ-нибудь Царевококочшайскѣ, безъ разрѣшенія Петербурга, дававшагося отъ высочайшаго имени; израсходовать Углицкой, напримѣръ, думѣ сверхъ годовой смѣты какихъ-нибудь ста рублей безъ сношенія съ Петербургомъ! И во всю подобную администрацію вмѣшивалось всуе такъ высоко чтимое страною Царское имя!.. Въ этомъ отношеніи особенно уродливо развилось министерство внутреннихъ дѣлъ. Министерство военное, финансовое, иностранныхъ дѣлъ — все это спеціальности, и притомъ спеціальности общегосударственнаго характера, не соприкасающіяся непосредственно съ самою жизнью населенія. Но шутка сказать: „внутреннія дѣла!“ Это не только внутренняя правительственная политика, — это притязаніе администрировать, держать на поводьяхъ, муштровать самую внутреннюю жизнь страны,—ибо что-же не входитъ въ область „дѣлъ внутреннихъ?!“ Разумѣется, если-бы идеалы Петра и учредителей министерствъ могли осуществиться вполнѣ, то жизнь была-бы задушена. Къ счастію для Россіи—она была только изуродована. Она спасалась именно правительственною *непослѣдовательностью*, недостаткомъ *систематичности* и, наконецъ, просто невозможностью содержать дѣйствительную опеку на такой громадной дистанціи и сыскать потребное для сего число подходящихъ орудій. Ибо большая часть орудій никогда не была сама проникнута реформаторскимъ духомъ Петра или административными вожделѣніями министровъ, а исполняла свои обязанности пассивно, „по приказанію“, „по волѣ начальства“. Россія къ тому-же такъ обширна, что, провалившись куда-нибудь въ нутро ея, въ глушь Тамбовской губерніи или заволжскихъ степей, можно было и при самой лихорадочной, всевидящей, всюду проникающей дѣятельности администраціи, почувствовать себя довольно свободно, вдали отъ всякихъ властей и начальствъ, имѣя въ своемъ уѣздѣ, на пространствѣ, равномъ иногда цѣлой Саксоніи, какихъ нибудь двѣнадцать инвалидовъ войска, да двухъ-трехъ пьяничужекъ или дешевыхъ взяточниковъ—верховныхъ блюстителей... Насъ обыкновенно упрекаютъ въ недостаткѣ чувства *легальности*, но, если-бы можно было себѣ представить такую губернію, въ которой-бы строго-настрого, безукоризненно честно стали-бы примѣняться всѣ тысячи статей всѣхъ пятнадцати томовъ Свода законовъ, то, конечно, отъ такого навожденія легальности — все населеніе бѣжало-бы вонъ, куда-нибудь въ Азію, въ безлюдную, безчиновную степь.

Насъ спасаетъ именно то, что вся эта казенщина претитъ

нашей русской природѣ; что трудно даже найти, между *штатскими*, чиновника, который-бы имѣлъ культъ своего мундира, вѣрилъ благоговѣйно въ букву закона и въ формальную правду; обыкновенно такъ: мундиръ на-распашку, а изъ-подъ мундира халатъ! Все это, конечно, безобразно, исполнено внутренняго противорѣчія, но казенное благообразіе было-бы едва-ли не хуже. Это уже благообразіе смерти. Тяжелы для народа всѣ эти разгильдяи и негодяи, но еще антипатичнѣе ему совсѣмъ бездушные, новѣйшаго фасона, чиновники, вполнѣ увѣровавшіе въ свой мундиръ, надменные своимъ званіемъ, свято чтущіе и неумолимо исполняющіе букву и форму, чуждаго народу по духу, закона, хотя-бы pereat mundus!

Какъ-бы то ни было, но, какъ растительная сила природы, несмотря на морозы, жары и всякія невзгоды, все-же одѣваетъ кое-какъ поля зеленью, а деревья—листвой,—такъ и ядро жизни, утаившееся въ отверженномъ и замкнувшемся въ себя народѣ, не переставало прозябать и пускать ростки, не столь роскошные, конечно, какіе дало-бы приволье тепла и свѣта, но однако-жъ довольно могучіе, соотвѣтственные, хоть въ нѣкоторой степени, мощи самого ядра. Организмъ, хоть и сдавленный, все-таки совершалъ кое-какъ свои отправленія; духъ все-таки росъ, хоть криво и косо. Благодаря Богу, уцѣлѣлъ, болѣе или менѣе, отъ реформы и ея нравственныхъ искаженій хоть простой народъ,—этотъ чуть-ли пока не единственный хранитель силъ русскаго духа, еще непочатыхъ, въ которыхъ однѣхъ только и видится намъ залогъ нашего будущаго самостоятельнаго развитія. Вопреки всему, историческая внутренная формація не останавливалась и вырабатывала тѣ основы, на которыхъ возможно будетъ осѣсть и утвердиться нашему государственному строю. Мы уже подробно объяснили эту нашу мысль въ 1 мъ-же № „Руси“... Начало внутренней соціально-земской эманципаціи положено покойнымъ Государемъ—да будетъ благословенна Его память!

Но только еще начало.

Вся создавшаяся послѣ Петра система административной опеки и бюрократическаго управленія — совершенно противна, повторяемъ, политической природѣ Русской земли и идеалу русскаго государства. Нашъ Царь не Наполеонитъ, которому нужно взнуздать административной уздой всю страну ради интересовъ своей узурпаторской династіи. У насъ нѣтъ, какъ въ иныхъ странахъ, политическихъ партій, которыя борются вѣчно изъ-за власти, и, какъ скоро какая партія успѣетъ посадить министра во главу правительства, такъ тотъ и принимается ворочать страною, посредствомъ административнаго снаряда, по мысли и планамъ партіи, служа доктринѣ, цѣлямъ и интересамъ небольшой, сравнительно, группы людей. Русскій Царь со своею прирожденною, наслѣдственною властію—не честолюбецъ и не властолюбецъ: власть для него—повинность и бремя; царскій санъ—истинный подвигъ. Русскій Царь въ глазахъ народа вовсе не верховный чиновникъ,—

высшая ступень администраціи,—непремѣнно солидарный со всею іерархіею своихъ слугъ, отъ перваго до послѣдняго. Въ Русской исторіи, какъ замѣчаетъ въ своей, помѣщенной въ этомъ-же № „Запискѣ“ К. С. Аксаковъ, политическихъ возстаній народныхъ противъ царской власти никогда не бывало; возстанія бывали только противъ воеводъ, бояръ, служилыхъ людей, но никогда въ понятіи народномъ Царь не сливался съ ними. (А между тѣмъ именно эта-то солидарность и положена въ основаніе учрежденія министерствъ, какъ оно существовало у насъ до настоящаго царствованія!). Царь—глава и вождь своего народа, первый человѣкъ Русской земли, ея блюститель и защитникъ. Ея благо, ея миръ и разумная свобода жизни, та свобода, безъ которой и жизни нѣтъ, а возможно лишь прозябаніе,—интересъ царскій; другихъ интересовъ у Царя и нѣтъ. Администрація должна быть сподручнымъ орудіемъ самой жизни, облегчающимъ и оберегающимъ просторъ ея естественныхъ законныхъ отправленій, а не становиться къ жизни въ какое-то начальственно-враждебное или назойливо-опекунское отношеніе, и не становить ее подъ свою команду. Да такая попытка заставить жить по командѣ и невозможна: она только вноситъ анархію въ самую жизнь, лишаетъ само правительство необходимыхъ содѣйствующихъ ему силъ. Въ тщетной погонѣ окутать администраціей всѣ движенія и явленія жизни, правительство неизбѣжно упуститъ изъ виду самыя существенныя задачи, именно верховному правительству свойственныя. Это и доказано нашимъ горестнымъ опытомъ.

Выводъ изъ этого слѣдующій:

Независимо отъ принятыхъ нынѣ мѣръ относительно министерскихъ докладовъ, было-бы, кажется, желательно точнѣе опредѣлить кругъ дѣятельности и правъ различныхъ министерствъ, подумать объ усиленіи центральной власти и сосредоточеніи верховнаго управленія именно черезъ отсѣченіе всѣхъ излишнихъ, навязанныхъ и присвоенныхъ ею себѣ обязанностей. Наилучшимъ для этого средствомъ служитъ именно правильная постановка *мѣстнаго самоуправленія*, которое теперь стоитъ совершенно невѣрно. Нужно, чтобы это мѣстное самоуправленіе стало дѣйствительною правдою, которая не менѣе *желанна для самого правительства*, сколько и для самой нашей страны. Правильное развитіе самоуправленія тотчасъ-же облегчитъ задачи центральнаго управленія, тотчасъ-же сократитъ чрезмѣрный объемъ и размахъ министерской власти, — эту непомѣрную экстензивность административной надъ мѣстною жизнью опеки, особенно министерства внутреннихъ дѣлъ. Заботы послѣдняго сосредоточились-бы тогда, главнымъ образомъ, на охраненіи общегосударственныхъ и частныхъ интересовъ отъ мѣстнаго провинціальнаго эгоизма. Та бюрократическая отвлеченность, отъ которой такъ много страдаетъ Россія и которая является необходимымъ послѣдствіемъ отвлеченія функцій мѣстной жизни къ центру, упразднится сама собою, когда этой жизни будетъ возвращенъ необходимый просторъ.

Самоуправляющаяся мѣстно земля съ самодержавнымъ Царемъ во главѣ—вотъ русскій политическій идеалъ. Поэтому, въ интересѣ самой власти необходимо, чтобы земское, мѣстное самоуправленіе было не пасынкомъ, а дорогимъ для самого правительства дѣтищемъ.

Необходимо понять, что со стороны правительства здѣсь нѣтъ *уступки* власти, а лишь возвращеніе власти въ ея истинные предѣлы, въ тѣ предѣлы, гдѣ только она и можетъ быть *вполнѣ могущественна*, на благо родной землѣ. Необходимо, повторяемъ, чтобы это самоуправленіе стало жизненной правдой, дѣломъ серьезнымъ и, главное, любимымъ авторитетнымъ въ понятіяхъ самого народа учрежденіемъ,—а теперь (этого не слѣдуетъ забывать) оно далеко, далеко еще не таково! Только тогда и правительство получитъ возможность узнавать въ нужныхъ случаяхъ дѣствительную мысль народную, опираться въ своихъ общегосударственныхъ мѣропріятіяхъ на указанія мѣстнаго опыта и на содѣйствіе не чиновниковъ, а самой земли; только тогда, безъ труда, можетъ оно и призывать ее, когда сочтетъ полезнымъ и благовременнымъ, къ совѣту. Но для того, чтобы всего этого достигнуть, необходимо, чтобы упразднилось у насъ то безплодное, фальшиво-либеральное европейничанье, которое не можетъ до сихъ поръ отречься отъ духа и системы Петровыхъ преобразованій и только смущаетъ правительство, придавая ложную, антинаціональную окраску многимъ, вполнѣ прирожденнымъ намъ и идущимъ совершенно въ ладъ съ нашею исторической формой правленія, историческимъ-же формамъ земской жизни! Дорожа больше либеральной внѣшностью, чѣмъ существомъ дѣла, наши недальновидные „либералы“ только тормозятъ правильное развитіе нашего государственнаго и земскаго строя

II.

По поводу „Записки“ К. С. Аксакова.

(Статья И. С. Аксакова изъ № 28 «Руси» за 1881 годъ).

Мы заканчиваемъ въ нынѣшнемъ № печатаніе „Записки“ и „Дополненія къ ней“, представленныхъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ покойному Императору Константиномъ Сергѣевичемъ Аксаковымъ. Благословенна память и Царя, умѣвшаго слышать истину,—почтившаго въ подданномъ святѣйшее человѣческое право—право искренности, независимости мнѣнія,—и подданнаго, почтившаго своего Государя величайшею и самою рѣдкою для царей честью — прямодушнымъ, полнымъ уваженія и любви, но вмѣстѣ и смѣлымъ изъясненіемъ правды! Надѣяться-ли, что этотъ посмертный голосъ чистѣйшаго и свободнѣйшаго изъ людей, такъ задушевно, такъ живо, во все-услышаніе нынѣ звучащій, проникнетъ въ сердца и правящихъ, и правимыхъ и поможетъ водворенію единства въ разнообразныхъ политическихъ воззрѣніяхъ русскаго общества? Хотѣлось-бы надѣяться, но мы не обольщаемъ себя такою мечтою, потому что мало людей, серьезно и самостоятельно ищущихъ истины, и наоборотъ, такъ много ихъ, рабствующихъ патентованной „либеральной“ доктринѣ и, не утруждая головы, увѣровавшихъ въ готовую заемную формулу!.. Тѣмъ не менѣе было-бы желательно устранить для искренно недоразумѣвающихъ всякія недоразумѣнія, договориться до конца и выяснить наконецъ до непререкаемости (что̀ такъ нужно общественному сознанію) общія основы русской народной политической мысли... Въ этомъ отношеніи,—мы думаемъ,—записка К. С., несмотря на то, что написана четверть вѣка тому назадъ, является во *благовременьи*, и теперь именно болѣе во благовременьи, нежели въ 1855 году. Она ставитъ и по-своему рѣшаетъ тѣ именно принципіальные вопросы, которые теперь не только глухо,—даже явно волнуютъ умы, но которые почти и не поднимались въ началѣ царствованія покойнаго Государя, когда на череду стояли другія неотложныя задачи первенствующей важности—уничтоженіе крѣпостного права, судебной кривды и пр. Мы хорошо знаемъ тотъ отзывъ, которымъ очень многіе поверхност-

ные умы станутъ отдѣлываться отъ логическихъ опредѣленій и выводовъ этой записки: „это сочиненіе *идеалиста*, не имѣющаго ничего общаго съ *реальною* жизнію, это *теорія* принциповъ, а не практическія указанія“, и т. д. Но что́ такое практика безъ идеализма? Это дѣйствіе и движеніе ощупью въ темнотѣ. Величайшіе практики міра, дѣйствительные преобразователи своихъ странъ, потому только и велики, что были не только практики, но и идеалисты, были одушевлены завѣтною мечтою, имѣли въ виду идеальную внѣ личныхъ разсчетовъ поставленную, цѣль, въ достиженіи которой и полагали свой личный подвигъ.

Такимъ практикомъ былъ Петръ; таковъ и Бисмаркъ со своимъ идеаломъ единодержавной Германіи. Дѣло не въ идеализмѣ, а въ содержаніи самого идеала. Если идеалъ самъ по себѣ оказывается доброкачественъ, вѣренъ и истиненъ и неудобопримѣнимымъ представляется лишь потому, что слишкомъ возвышенъ, то это еще не причина заключать объ его непригодности. Напротивъ: тѣмъ-то онъ и хорошъ. Бѣденъ тотъ идеалъ, который легко и удобно воплощается въ несовершенство внѣшняго дѣла или явленія человѣческаго; но благотворенъ именно тотъ, который предносится предъ несовершенствомъ людскимъ, служитъ людямъ повѣркою, критеріемъ ихъ дѣйствій и учрежденій, вѣчнымъ двигателемъ къ совершенствованію. Что фальшиво въ сферѣ принципа, то ужь непремѣнно фальшиво и въ жизни. Поэтому тамъ и въ такія времена, гдѣ историческимъ факторомъ является уже не одно непосредственное творчество жизни, не одно дѣйствіе инстинкта, но и дѣятельность сознанія, нельзя пренебрегать постановкою вопросовъ въ принципѣ и презрительно относиться къ идеальному ихъ разрѣшенію, а слѣдуетъ лишь провѣрять его истинность—историческими данными прошлаго и настоящаго.

Да, авторъ „Записки“—идеалистъ, но этотъ идеалистъ оказался пророкомъ, и печальная правда его пророчества сама собою свидѣтельствуетъ о реальной истинѣ, которая лежала въ основѣ его идеализма... Объяснивъ, что Петръ измѣнилъ самыя отношенія власти къ народу, установилъ именно ту административную опеку, надъ жизью частною и общественною, которую мы подробно обрисовали въ передовой статьѣ 26 № „Руси“,—или по словамъ К. С. Аксакова, ту „систему вмѣшательства въ общественную, внутреннюю свободу жизни“, которая, порождая въ людяхъ „рабское чувство“, вмѣстѣ съ рабскимъ чувствомъ вызываетъ въ нихъ, какъ рабскую похоть, „политическое властолюбіе“,—этотъ свободный духомъ подданный предъ лицомъ своего Государя исповѣдуетъ далѣе слѣдующее: „Какъ скоро правительство отнимаетъ постоянно *внутреннюю, общественную* свободу народа, оно заставитъ наконецъ искать свободы внѣшней, политической. Чѣмъ далѣе будетъ продолжаться Петровская правительственная система,—хотя по наружности и не столь рѣзкая, какъ при немъ,—система столь противоположная русскому народу, вторгающаяся въ общественную свободу жизни, стѣсняющая свободу духа, мысли, мнѣнія,

и дѣлающая изъ подданнаго *раба: тѣмъ болье будутъ входить въ Россію чуждыя начала*, тѣмъ болѣе людей будетъ отставать отъ народной русской почвы, тѣмъ болѣе будутъ колебаться основы Русской земли, — тѣмъ грознѣе будутъ революціонныя попытки, которыя сокрушатъ, наконецъ, Россію, *когда она перестанетъ быть Россіей*. Да, опасность для Россіи одна: если она перестанетъ быть Россіей,—къ чему ведетъ ее постоянно теперешняя Петровская правительственная система. Дай-же Богъ, чтобъ этого не было".

О революціонныхъ попыткахъ въ то время не было и помина, но авторъ имѣлъ передъ своими глазами тридцать лѣтъ предшествовавшаго царствованія, въ которое, какъ мы замѣтили, въ своей вышеуказаной статьѣ, система Петровской правительственной надъ жизнью опеки дошла до своего апогея. Пророчество автора вѣрно не по отношенію къ послѣдовавшей за царствованіемъ Николая I правительственной системѣ Александра II-го, а къ продолжавшемуся дѣйствію самихъ началъ реформы Петровой, слишкомъ глубоко втравленныхъ въ русскую государственную и даже общественную жизнь — безъ малаго двумя вѣками насилія и соблазновъ. Никто такъ радостно не привѣтствовалъ освободительныя начинанія покойнаго Государя, какъ именно К. С. Аксаковъ. „Въ Россію вѣруя",—писалъ онъ, обращаясь къ Царю (впрочемъ самъ про себя) въ стихахъ, найденныхъ въ черновой рукописи и напечатанныхъ лишь послѣ кончины автора,—

На бой съ лукавой ложью
Въ честь правды и добра безъ страха Ты идешь.
Чти слова даръ святой, люби свободу Божью:
Свѣтъ нуженъ истинѣ; мракъ прикрываетъ ложь.
Любовь и истину дать Русь Тебѣ готова,
Любовь и истина надежнѣй всякихъ узъ...
Ты возвратишь, о Царь, землѣ свободу слова,
И Богъ благословитъ съ народомъ Твой союзъ!

Скончавшись на шестой годъ царствованія Государя Александра II, К. С. не могъ, конечно, провидѣть всѣ новыя усложненія общественнаго организма и строя, но въ послѣдніе годы своей жизни онъ смущался уже не столько дѣйствіями правительства, сколько недостаточностью разумѣнія истинныхъ народныхъ началъ въ самой *общественной* средѣ, призванной правительствомъ къ дѣятельности. Его строгая взыскательность относительно вѣрности этимъ началамъ выразилась, между прочимъ, въ критическомъ разборѣ нѣкоторыхъ докладовъ редакціонныхъ комиссій по административному устройству крестьянъ.

Кто сколько-нибудь помнитъ царствованіе Императора Николая, тотъ не можетъ не надивиться тѣмъ исполинскимъ шагамъ, которые совершила наша личная и общественная свобода въ послѣдовавшее и теперь уже минувшее царствованіе. Еслибы кому, хоть за годъ до вступленія на престолъ Александра II, представили въ перспективѣ и земскія учрежденія, и суды, и

развитіе періодической печати, и даже тотъ просторъ слова, которымъ мы теперь пользуемся,—онъ-бы призналъ это несбыточною мечтой. Но внутреннее цѣленіе, но врачеваніе болѣзней духа, причиненныхъ Петровской реформой и разрывомъ прежняго союза земли съ государствомъ,—все это не могло, конечно, совершиться такъ-же скоро, какъ доступныя внѣшней власти внѣшнія нововведенія. „Прямое цѣленіе на современное зло, возникшее въ Россіи — это *понять* Россію и возвратиться къ *русскимъ* основамъ, согласнымъ съ ея духомъ, къ образу дѣйствій согласному съ понятіями, съ существомъ Россіи“, говоритъ въ своей „Запискѣ“ К. С. Аксаковъ. Это-то и оказалось наитруднѣйшей задачей, потому что зло пустило слишкомъ глубокіе корни въ духовную почву русскаго общества. Реформы Александра II были истинно благодѣтельны, ослабили въ сильной степени прежнюю административную опеку, создали основанія для свободной дѣятельности жизни внутренней, земской,—но, къ сожалѣнію, самое *пониманіе* Россіи и ея государственнаго идеала было еще слишкомъ слабо въ правящихъ и руководящихъ общественныхъ сферахъ. Если историческое сѣмя и пустило стебли, и самые стебли кое-какъ пробились сквозь мусоръ и хламъ полуразрушенныхъ прежнихъ сооруженій, сквозь плотныя наслоенія лживыхъ понятій,—то все-же этого неубраннаго мусора и хлама, этихъ не разбитыхъ наслоеній было такъ много, что стебли не перемогли ихъ, не пересилили своею растительностью,—какъ пересиливаетъ весною старую ветошь луговъ новая, молодая трава. Въ новизнахъ царствованія дѣйствительно слышалась старина — по выраженію старообрядцевъ,—это выраженіе вѣрно,—но еще только слышалась и вскорѣ затѣмъ заглушена новизною или, точнѣе, Петровскою недавнею стариною въ ея-же послѣдовательномъ развитіи, въ ея новомъ фазисѣ. Виною тому: „новопреобразованные Петромъ русскіе,—которые—какъ говоритъ „Записка“—увлеченные частію насиліемъ, частію соблазномъ на иностраный путь, сжились со своимъ положеніемъ, полюбили его и другого пути для себя не признали, да и не признаютъ“...

Существуетъ мнѣніе, что благодѣтельныя реформы прошлаго царствованія, освобождая общественную жизнь, ослабляя административный гнетъ, въ то-же время ослабили значеніе, необходимый авторитетъ власти. Это мнѣніе не лишено основательности, и вотъ почему: сущность Петровскаго переворота состояла въ томъ, что *земскій* типъ государства былъ замѣненъ типомъ *полицейскимъ*; что въ его лицѣ государство оторвалось отъ народныхъ началъ и для осуществленія этого своего новаго, чуждаго русскому духу, идеала посягнуло на свободу внутренней, бытовой и нравственной жизни народа. Другими словами или словами К. С. Аксакова: при Петрѣ совершился разрывъ власти съ народомъ, „разрушился древній союзъ земли и государства“ и смѣнился „*игомъ* государства надъ землею; Русская земля стала какъ-бы завоеванною“, а государство съ арміею чиновниковъ—„завоева-

телемъ"; древнее самодержавіе возведено не только на практикѣ (въ силу случайности), но въ *принципъ*—въ деспотизмъ (каковымъ оно, впрочемъ, было почти вездѣ на современномъ Петру континентальномъ Западѣ), а свободно-подданный русскій народъ, свободно и сознательно призвавшій къ себѣ власть и давшій ей неограниченный просторъ въ свойственной ей сферѣ правленія, „получилъ значеніе раба—невольника въ своей землѣ". Къ чему привелъ этотъ новый, внесенный Петромъ строй государственной жизни—къ концу царствованія Императора Николая, извѣстно всѣмъ. Необходимо было измѣнить этотъ строй. Ликвидація Петровскаго переворота могла совершиться двумя способами: или *сознательнымъ отреченіемъ отъ иностраннаго пути*, на который двинулъ Россію Петръ; уразумѣніемъ истинныхъ русскихъ основъ государственнаго строя; возвращеніемъ на прежній, оставленный русскій путь (что́ вовсе не означаетъ возвращенія ко всѣмъ внѣшнимъ, старымъ формамъ жизни, къ невѣжеству, къ суевѣрію, къ деревянной лавкѣ вмѣсто плетенаго стула и т. п., какъ думаютъ въ своей мудрости нѣкоторые наши западники!); однимъ словомъ—возстановленіемъ прежняго, полнаго довѣренности и искренности союза между государствомъ и землею, съ предоставленіемъ первому неограниченной свободы внѣшней политической власти или „правленія", а послѣдней—свободы внутренней, бытовой жизни, свободы духа и слова; или же *дальнѣйшимъ движеніемъ по тому-же иностранному* пути, на который двинулъ Россію Петръ, т. е. тѣмъ процессомъ, которымъ ликвидировался въ Европѣ всякій политическій деспотизмъ,—процессомъ *западно-европейскаго либерализма*. Этотъ путь извѣстенъ. „Новопреобразованные Петромъ Русскіе", поясняетъ „Записка",—„ставъ въ новое рабское отношеніе къ власти, ощутили въ себѣ политическое властолюбіе: въ классахъ, оторванныхъ отъ народнаго быта, сейчасъ обнаружилось стремленіе къ государственной власти": при этомъ указывается на конституціонныя аристократическія попытки при Аннѣ Іоанновнѣ и на 14-е декабря. Къ дальнѣйшему движенію по *этому* пути и относятся тѣ строки въ „Запискѣ", которыя мы назвали пророческими въ виду событій послѣднихъ лѣтъ. Благодѣтельному успѣху реформъ прошлаго царствованія вредило именно то, что какъ государственные дѣятели, такъ и верхній, образованный классъ общества и вобще такъ называемая „интеллигенція" заражены у насъ духомъ именно западно-европейскаго *либерализма*. На всѣ новыя учрежденія смотрѣли они сквозь призму западно-европейскихъ либеральныхъ доктринъ, какъ на *уступки* власти, какъ на ея политическое ограниченіе. Эти учрежденія, эта доля свободы, предоставленная обществу, окрашивалась ложной окраской. „Идти по пути реформъ" въ понятіяхъ нашихъ такъ называемыхъ либераловъ вовсе не значило возвратиться къ древнему саюзу власти съ землею, а значило: идти къ „увѣнчанію зданія" учрежденіемъ (по любимому выраженію нашихъ газетъ) „однородным" съ учрежденіями европейскихъ, „просвѣщенныхъ, во главѣ

прогресса и цивилизаціи стоящихъ, странъ". Это значитъ въ то-же время: стать на путь, который совершенно претитъ духовной природѣ русскаго народа, замѣнить искренность и довѣріе взаимныхъ его отношеній съ правительствомъ началомъ антагонизма, умѣряемаго взаимнымъ искусственнымъ компромиссомъ; это значитъ установить господчину чуждой народному духу интеллигенціи надъ народными массами, тиранію условно-либеральныхъ чуждыхъ доктринъ надъ свободою жизни, надъ народною духовною самобытностью.

Это значитъ осудить Россію на должность духовнаго прихвостня Европы, повторять ея зады, вкушать похмѣлье въ чужомъ пиру, ибо смѣшно думать, что, ставъ однажды на путь „европейскаго либерализма"; нашъ государственный строй осядетъ на нѣчто несокрушимое и прочное, такъ какъ, за исключеніемъ Англіи (по истинѣ въ своемъ историческомъ устройствѣ „неподражаемой"), въ остальной Западной Европѣ таковыхъ прочныхъ основъ государственнаго строя не имѣется: на Францію даже и изъ нашихъ „либераловъ" никто не отважится сослаться; а въ Германіи возникаетъ общественный протестъ противъ парламентаризма или парламентской бюрократіи, грозящей разрушеніемъ единству, величію и мощи имперіи.

Итакъ, вредная сторона преобразованій минувшаго царствованія заключается въ параллельной съ ними слабости національнаго самосознанія въ самомъ правительствѣ, и еще болѣе въ образованномъ русскомъ обществѣ; въ томъ, что они совершались большею частію (кромѣ надѣленія крестьянъ землею) въ духѣ *европейскаго либерализма*, какъ уступки со стороны власти „современнымъ либеральнымъ вѣяніямъ". Другими словами, какъ въ нѣкоторомъ смыслѣ уступки *политическому властолюбію*, созрѣвшему въ верхнихъ слояхъ народныхъ, въ такъ называемой интеллигенціи,—а не какъ созиданіе истинной, чуждой политическихъ властолюбивыхъ похотей, жизненной русской свободы. Сдѣланы различныя и благодѣтельныя ослабленія, но самый путь, которымъ слѣдовала Россія со временъ Петра, не измѣненъ, а упорно оставаясь на этомъ пути, она обрекаетъ себя на тотъ-же логическій исходъ, на который осуждена и Западная Европа, и о которомъ пророчитъ К. С. Аксаковъ. Всѣ внѣшнія дѣла Петра и его преемниковъ,—говоритъ „Записка",—совершены силами той Россіи, которая возрастала и окрѣпла на древней почвѣ, на другихъ началахъ. „Доселѣ солдаты наши берутся изъ народа", доселѣ не вовсе исчезли русскія начала и въ преобразованныхъ русскихъ людяхъ, подвергшихся иностранному вліянію, и иногда просыпаются въ нихъ, въ великія историческія мгновенія. „Петровское государство побѣждаетъ съ силами еще до-Петровской Россіи". „Россія держится долго потому, что еще не исчезла ея внутренняя долговѣчная сила", постоянно ослабляемая и растлѣваемая дѣйствіемъ Петровскихъ началъ,—„потому что еще не исчезла въ ней до-Петровская Россія"... „Народъ, простой народъ собственно

еще держится своихъ древнихъ основъ и противится доселѣ и рабскому чувству, и иностранному вліянію верхнихъ классовъ", но „Петровская система начинаетъ проникать и въ народъ своею, повидимому, пустою, но вредною стороною", вмѣстѣ съ которою „входятъ чуждыя понятія и шатаются исподволь русскія начала"... А чѣмъ болѣе, благодаря Петровской системѣ, *антирусскаго* гнета жизни и вызываемаго этою системою (вполнѣ естественно и логически) либеральнаго, но въ то-же время *антирусскаго*-же протеста, будутъ входить въ Россію чуждыя начала; чѣмъ болѣе будетъ отставать людей отъ народной русской почвы, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе будутъ ультра-либеральныя, до самаго крайняго радикализма доводимыя попытки, которыя—говоритъ К. С. Аксаковъ—„сокрушатъ, наконецъ, Россію, когда она перестанетъ быть Россіею".

Да, повторимъ мы вмѣстѣ съ нимъ, „опасность для Россіи одна: если она перестанетъ быть сама собою—къ чему именно ведетъ ее Петровская правительственная система". Что-же изъ всего этого слѣдуетъ? Изъ этого слѣдуетъ, прежде всего, необходимость, какъ для правительства, такъ и для общества, сознательнаго отреченія отъ Петровской системы государственнаго ига, административной опеки надъ жизнію, разрыва власти съ народомъ (народъ самъ со своей стороны остался вѣренъ своимъ началамъ, своему идеалу); необходимость отрѣшиться какъ отъ Петровскаго деспотизма, такъ и отъ его законнорожденнаго дѣтища—протестующаго рабства, западно-европейскаго *политическаго либерализма*. Со стороны самой Верховной власти, благодаря ея исторической, пребывающей въ ней стихіи, и вразумленію опыта, всего менѣе, можетъ быть, слѣдуетъ ожидать въ наши дни препятствій къ возвращенію на истинный русскій путь. Серьезнѣе препятствіе въ нашемъ фальшивомъ европейскомъ либеральничаньи, въ привитомъ намъ изъ-чужи, совершенно намъ несвойственномъ и къ тому-же совершенно абстрактномъ политическомъ властолюбіи, не сумѣвшемъ даже и выработать себѣ сколько-нибудь оригинальныхъ формъ. Въ немъ, въ порождаемой имъ путаницѣ мыслей видимъ мы главный тормазъ для возстановленія вполнѣ искренняго, полнаго довѣрія союза Царя съ землею, взаимнаго общенія и гармоническаго сочетанія, на народной, исторической почвѣ, свободы личной власти и свободы общественной жизни, внутренней и внѣшней. Рано или поздно придется убѣдиться, что петербургскому періоду русской исторіи долженъ быть положенъ конецъ. Въ этомъ смыслѣ и говорили мы: „пора домой!"

Записка К. С. Аксакова „О внутреннемъ состояніи Россіи“ *),

представленная Государю Императору Александру II въ 1855 году.

Эта записка была представлена при слѣдующемъ письмѣ:

Государь!

Ты вступилъ на престолъ. Эти первыя минуты драгоцѣнны и важны не только для Тебя, но и для Твоихъ подданныхъ.

Облекшись мгновенно въ санъ царскій, Ты еще не привыкъ быть царемъ. Внутренній слухъ Твой имѣетъ всю свою свѣжесть и тонкость, внутреннее зрѣніе—всю остроту и дальновидность; скажу болѣе: и слухъ Твой, и зрѣніе напряжены въ эти первыя минуты царствованія сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Надѣемся, что Ты постоянно будешь напрягать всѣ силы души для узнанія истины, ко благу Твоего народа; но всякое мгновеніе имѣетъ свой смыслъ и свою честь, собственно ему подобающіе: таковы и эти первыя минуты власти царской, свѣжесть и чуткость которыхъ не можетъ повториться. Благое употребленіе этихъ минутъ, конечно, будетъ имѣть для Тебя и, слѣдовательно, для Твоихъ подданныхъ, важное значеніе.

Въ эти первыя минуты Государь и подданный — ближе другъ къ другу. Потому что воцареніе Самодержавнаго Государя есть уже великое историческое событіе для страны, гдѣ Онъ царствуетъ; а великое историческое событіе сближаетъ Царя съ народомъ болѣе, чѣмъ обыкновенно. И хотя это событіе кладетъ между Тобою, Государь, и нами неизмѣримую разницу, дѣлая Тебя Государемъ, а насъ подданными, но именно въ эту минуту

*) Въ этой запискѣ, представленной покойному Государю въ годъ восшествія Его на престолъ чрезъ графа Д. Н. Блудова, К. С. касается только общихъ основъ государственнаго строя, не вдаваясь въ обсужденіе подробностей состоянія Россіи, не касаясь даже вопроса о крѣпостномъ правѣ. Въ виду значительнаго объема „Записки“, мы раздѣляемъ ее на двѣ половины, изъ которыхъ первая разсматриваетъ принципъ Государевой власти, вторая — земскаго начала. Затѣмъ послѣдуетъ: „Дополненіе къ Запискѣ“. *Прим. И. С. Аксакова.*

мы чувствуемъ, что мы носимъ одно общее званіе человѣка и различаемся волею святого Промысла.

Ты становишься Царемъ, а мы подданными.

Что можетъ лучшаго сдѣлать гражданинъ, какъ принести своему Отечеству всѣ свои силы и всю любовь свою? Что можетъ лучшаго сдѣлать подданный, какъ принести своему Государю правду и неизмѣнность? Постоянная дань правды отъ подданнаго своему Государю становится особеннымъ долгомъ въ первыя минуты царствованія. Всякій, въ эти минуты, долженъ сказать правду своему Государю, всякій, кто видитъ въ настоящемъ состояніи Россіи что-либо, о чемъ объявить Государю считаетъ онъ нужнымъ и полезнымъ.

Встрѣчаясь съ людьми всѣхъ сословій, любя простой народъ и дорожа всякимъ случаемъ узнавать его, не въ качествѣ господина или чиновника, а сколько возможно въ качествѣ ближняго, брата по вѣрѣ и родной землѣ, занимавшись много лѣтъ и постоянно нашими лѣтописями, нашею древнею исторіею, я имѣлъ возможность увидать самостоятельную сторону въ Русскомъ народѣ. Самостоятельность эту, кажется, такъ не трудно понять: но долго, долго была она не понята, вслѣдствіе привившихся къ намъ нерусскихъ взглядовъ. Какъ-бы-то ни было, весь плодъ моихъ наблюденій и замѣчаній, всю истину о Россіи, какъ я ее понимаю, считаю я долгомъ сказать Тебѣ, Государь, сказать со всею силою правды.

Государь! Тебѣ не можетъ быть противно, что подданный говоритъ Тебѣ правду и обращается къ Тебѣ съ искреннею, задушевною, откровенною рѣчью. Прошу только вниманія Твоего на слова мои, по возможности краткія; пусть они говорятъ сами за себя.

Мое дѣло было сказать Тебѣ истину, какъ я ее понимаю. Твое дѣло будетъ воспользоваться моими словами или оставить ихъ въ сторонѣ.

Вѣрноподданный

Константинъ Аксаковъ.

Для того, чтобы говорить о внутреннемъ состояніи страны, отъ котораго зависитъ и внѣшнее,—надо прежде всего узнать и опредѣлить ея общія народныя основанія, которыя отражаются въ каждой частности, дробятся и отзываются въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ, считающемъ эту страну отечествомъ. Отсюда уже легче будетъ опредѣлить общественные недостатки и пороки, которые происходятъ, большею частію, отъ непониманія общихъ народныхъ основаній или отъ ложнаго ихъ примѣненія, или отъ неправильнаго проявленія.

I.

Русскій народъ есть народъ не государственный, т. е. не стремящійся къ государственной власти, не желающій для себя политическихъ правъ, не имѣющій въ себѣ даже зародыша народнаго властолюбія. Самымъ первымъ доказательствомъ тому служитъ начало нашей исторіи: добровольное призваніе чужой государственной власти въ лицѣ Варяговъ, Рюрика съ братьями. Еще сильнѣйшимъ доказательствомъ служитъ тому Россія 1612 года, когда не было Царя, когда все государственное устройство лежало вокругъ разбитое въ дребезги, и когда побѣдоносный народъ стоялъ, еще вооруженный, въ умиленіи торжества надъ врагами, освободивъ свою Москву: что сдѣлалъ этотъ могучій народъ, побѣжденный при Царѣ и боярахъ, побѣдившій безъ Царя и бояръ, съ стольникомъ княземъ Пожарскимъ, да мясникомъ Козьмою Мининымъ во главѣ, выбранными имъ-же? Что сдѣлалъ онъ? Какъ нѣкогда въ 862 году, такъ въ 1612 году народъ призвалъ государственную власть, избралъ Царя и поручилъ ему неограниченно судьбу свою, мирно сложивъ оружіе и разошедшись по домамъ. Эти два доказательства такъ ярки, что прибавлять къ нимъ, кажется, ничего не нужно. Но если мы посмотримъ на всю Русскую исторію, то убѣдимся еще болѣе въ истинѣ сказаннаго.

Въ Русской исторіи нѣтъ ни одного возстанія противъ власти въ пользу народныхъ политическихъ правъ. Самъ Новгородъ, разъ признавъ надъ собою власть Царя Московскаго, уже не возставалъ противъ него въ пользу своего прежняго устройства.

Въ Русской исторіи встрѣчаются возстанія за законную власть противъ беззаконной; законность иногда понимается ошибочно; но, тѣмъ не менѣе, такія возстанія свидѣтельствуютъ о духѣ законности въ Русскомъ народѣ. Нѣтъ ни одной попытки народной принять какое-нибудь участіе въ правленіи. Были жалкія аристократическія попытки въ этомъ родѣ еще при Іоаннѣ IV и при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, но слабыя и незамѣтныя. Потомъ была явная попытка при Аннѣ. Но ни одна такая попытка не нашла сочувствія въ народѣ и исчезла быстро и безъ слѣда.

Таковы указанія, почерпаемыя въ исторіи. Отъ исторіи перейдемъ къ современному состоянію. Кто слышалъ, чтобы простой народъ въ Россіи бунтовалъ или замышлялъ противъ Царя? Никто, конечно: ибо этого не было и не бываетъ. Самымъ лучшимъ доказательствомъ можетъ здѣсь служить расколъ: извѣстно, что онъ гнѣздится въ простомъ народѣ, между крестьянами, мѣщанами, купцами. Расколъ составляетъ въ Россіи огромную силу, многочисленъ, богатъ и распространенъ по всему краю. И, между тѣмъ, расколъ никогда не принималъ и не принимаетъ политическаго значенія; а казалось-бы, это очень легко могло быть. Въ Англіи, напримѣръ, это-бы такъ и было. Было-бы и въ Россіи,

если-бы былъ въ ней хотя малѣйшій элементъ политическій. Но политическаго элемента въ Русскомъ народѣ нѣтъ, и расколъ русскій только страдательно противится, хотя въ энергіи у раскольниковъ нѣтъ недостатка. Русскіе раскольники скрываются, бѣгутъ, готовы идти на мученичество, но никогда не принимаютъ политическаго значенія.

Не правительственныя мѣры предосторожности удерживали и удерживаютъ порядокъ въ Россіи, а духъ народный не хочетъ нарушать его; безъ этого обстоятельства не помогли бы никакія стѣснительныя мѣры, а скорѣе послужили-бы поводомъ къ нарушенію порядка. Залогъ тишины въ Россіи и безопасности для правительственной власти — въ духѣ народномъ. Будь это хоть немного иначе,—давно-бы въ Россіи была конституція; случаевъ и возможностей исторія Русская и внутреннее состояніе Россіи давали къ тому довольно; но Русскій народъ государствовать не хочетъ.

Эта особенность духа Русскаго народа несомнѣнна. Одни могутъ огорчаться и называть это духомъ рабства, другіе радоваться и называть это духомъ законнаго порядка, но и тѣ и другіе ошибаются, ибо судятъ такъ о Россіи по западнымъ взглядамъ либерализма и консерватизма. Трудно понять Россію, не отрѣшившись отъ западныхъ понятій, на основаніи которыхъ всѣ мы хотимъ видѣть въ каждой странѣ, и поэтому въ Россіи, или революціонный, или консервативный элементы; но и тотъ, и другой суть точки зрѣнія намъ чуждыя; и тотъ и другой, суть противуположныя стороны политическаго духа; ни того, ни другого, нѣтъ въ Русскомъ народѣ, ибо въ немъ нѣтъ самаго духа политическаго. Какъ-бы ни объясняли отсутствіе политическаго духа и проистекающую отсюда неограниченность правительственной власти въ Россіи,—мы оставляемъ пока всѣ такіе толки въ сторонѣ. Довольно для насъ уже того, что *такъ* понимаетъ дѣло, того требуетъ Россія.

Для того, чтобы Россія исполнила свое назначеніе, нужно, чтобы она поступала не по чуждымъ ей теоріямъ, заемнымъ или доморощеннымъ теоріямъ ,часто обращаемымъ исторіею въ смѣхъ, а по своимъ собственнымъ понятіямъ и требованіямъ. Быть можетъ, Россія пристыдитъ теоретиковъ и явитъ такую сторону величія, какой никто и не ожидалъ. Мудрость правительства состоитъ въ томъ, чтобы способствовать всѣми мѣрами странѣ, имъ управляемой, достигнуть своего назначенія и совершить свое благое дѣло на землѣ; состоитъ въ томъ, чтобы понять духъ народный, который долженъ быть постояннымъ путеводителемъ правительства. Отъ непониманія потребностей духа народнаго и отъ препятствія этимъ потребностямъ, происходятъ или внутреннія волненія, или медленное изнуреніе и разстройство силъ народныхъ и Государевыхъ.

Итакъ, первый, явственный до очевидности, выводъ изъ исторіи и свойства Русскаго народа есть тотъ, что это народъ *не*

государственный, не ищущій участія въ правленіи, не желающій условіями ограничивать правительственную власть, не имѣющій, однимъ словомъ, въ себѣ никакого политическаго элемента, слѣдовательно, не содержащій въ себѣ даже зерна революціи или устройства конституціоннаго.

Не странно-ли, послѣ этого, что правительство въ Россіи беретъ постоянно какія-то мѣры противъ возможности революціи, опасается какого-то политическаго возстанія, которое, прежде всего, противно существу Русскаго народа!

Всѣ такія опасенія какъ въ правительствѣ, такъ и въ обществѣ, происходятъ отъ того, что не знаютъ Россіи и короче знакомы съ исторіею Западно-Европейской, чѣмъ съ Русской, а потому видятъ въ Россіи западные призраки, которыхъ въ ней и быть не можетъ. Такія мѣры предосторожности со стороны нашего правительства, мѣры не нужныя, не имѣющія никакого основанія,—непремѣнно вредны, какъ лѣкарство, даваемое здоровому, не нуждающемуся въ немъ человѣку. Если онѣ и не произведутъ того, противъ чего безъ нужды принимаются, то онѣ разрушаютъ довѣренность между правительствомъ и народомъ; а это одно вредъ великій, и вредъ напрасный, ибо русскій народъ, по существу своему никогда не посягнетъ на власть правительственную.

II.

Но чего-же хочетъ Русскій народъ для себя? Какая-же основа, цѣль, забота его народной жизни, если нѣтъ въ немъ вовсе политическаго элемента, столь дѣятельнаго у другихъ народовъ? Чего хотѣлъ нашъ народъ, когда добровольно призывалъ Варяжскихъ князей: „княжить и володѣть имъ“? Что хотѣлъ онъ оставить для себя?

Онъ хотѣлъ оставить для себя свою не-политическую, свою внутреннюю общественную жизнь, свои обычаи, свой бытъ, жизнь мирную духа.

Еще до христіанства, готовый къ его принятію, предчувствуя его великія истины, — народъ нашъ образовалъ въ себѣ жизнь общины, освященную потомъ принятіемъ христіанства. Отдѣливъ отъ себя правленіе государственное, народъ Русской оставилъ себѣ общественную жизнь и поручилъ государству давать ему (народу) возможность жить этой общественною жизнью. Не желая *править*, народъ нашъ желаетъ *жить*, разумѣется, не въ одномъ животномъ смыслѣ, а въ смыслѣ человѣческомъ. Не ища свободы политической, онъ ищетъ свободы нравственной, свободы духа, свободы общественной,—народной жизни внутри себя.

Какъ единый, можетъ быть, на землѣ народъ христіанскій (въ истинномъ смыслѣ слова), — онъ помнитъ слова Христа: *воздайте Кесарева Кесареви*, а *Божія Богови;* и другія слова Христа: *Царство Мое нѣсть отъ міра сего:* — и потому, предоставивъ государству царство отъ міра сего, онъ, какъ народъ христіанскій,

избираетъ для себя иной путь, путь къ внутренней свободѣ и духу, къ царству Христову: *Царство Божіе внутрь васъ есть.*

Вотъ причина его безпримѣрнаго повиновенія власти, вотъ причина совершенной безопасности Русскаго правительства, вотъ причина невозможности никакой революціи въ Русскомъ народѣ, вотъ причина тишины внутри Россіи.

Это не значитъ, что Русскій народъ состоитъ изъ праведниковъ. Люди Русскаго народа грѣшны, ибо человѣкъ грѣшенъ. Но основанія Русскаго народа истинны, но вѣрованія его святы, но путь его правъ. Всякій христіанинъ грѣшенъ, какъ человѣкъ, но путь его, какъ христіанина,—правъ.

Это не значитъ также, что правительство, власть отъ міра сего, заграждаетъ, по свойству своему, путь христіанскій тѣмъ лицамъ, на которыхъ возлежитъ правительственная власть. Подвигъ человѣка и христіанина возможенъ для каждого лица правительственнаго, какъ для человѣка и христіанина. Подвигъ общественный для правительства заключается въ томъ, что оно обезпечиваетъ для народа нравственную жизнь и блюдетъ его духовную свободу отъ всякихъ нарушеній. Высокій подвигъ совершаетъ тотъ, кто бодрственно стоитъ на стражѣ храма въ то время, какъ въ немъ совершается богослуженіе и возсылается общественная молитва,—стоитъ на стражѣ и отстраняетъ всякое враждебное нарушеніе отъ этого молитвеннаго подвига. Но сравненіе это еще недостаточно полно, ибо правительство отдѣляется отъ общественной, не правительственной жизни, — какъ *устройство*: всякое-же отдѣльное правительственное лицо можетъ, какъ *человѣкъ*, принимать участіе въ народной, не-государственной, жизни. Итакъ, Русскій народъ, отдѣливъ отъ себя государственный элементъ, предоставивъ полную государственную власть правительству, предоставилъ себѣ *жизнь*, свободу нравственно-общественную, высокая цѣль которой есть: общество христіанское.

Хотя слова эти не требуютъ доказательствъ,—ибо здѣсь достаточно одного пристальнаго взгляда на русскую исторію и на современный русскій народъ, однако можно указать на нѣкоторыя, особенно ярко выдающіяся черты. Такою чертою можетъ служить древнее раздѣленіе всей Россіи, въ пониманіи русскаго человѣка, на *Государство* и *Землю* (правительство и народъ), —и, оттуда явившееся, выраженіе: *Государево и земское дѣло*. Подъ *государевымъ дѣломъ* разумѣлось все дѣло *управленія* государственнаго, и внѣшняго, и внутренняго,—и по преимуществу дѣло военное, какъ самое яркое выраженіе государственной силы. Государева служба доселѣ значитъ въ народѣ:—служба военная. Подъ *государевымъ* дѣломъ разумѣлось, однимъ словомъ, все правительство, все государство. Подъ *земскимъ дѣломъ* разумѣлся весь бытъ народный, вся *жизнь* народа, куда относится, кромѣ духовной, общественной его жизни, и матеріальное его благосостояніе: земледѣліе, промышленность, торговля.

Поэтому людьми *государевыми* или *служилыми* назывались всѣ

тѣ, которые служатъ въ государственной службѣ; а людьми *земскими*—всѣ тѣ, которые въ государственной службѣ не служатъ и составляютъ ядро государства: крестьяне, мѣщане (посадскіе), купцы. Замѣчательно, что и служилые, и земскіе люди имѣли свои оффиціальныя наименованія: служилые люди, въ просьбахъ Государю, напримѣръ, назывались его *холопями* отъ перваго боярина до послѣдняго стрѣльца. Земскіе люди назывались его *сиротами*; такъ писались они въ своихъ просьбахъ Государю. Именованія эти вполнѣ выражали значеніе и того, и другого отдѣла или класса. Слово *холопъ* получило у насъ теперь унизительное и почти бранное значеніе, но первоначально оно значило не болѣе, какъ слуга; холопъ государевъ значило—слуга государевъ. Итакъ, весьма понятно, что служилые люди назывались слугами государевыми, слугами начальника государства, къ кругу дѣятельности котораго они принадлежали. Что-же значило слово *сирота*? Сирота, на русскомъ языкѣ, не значитъ orphelin, ибо часто о родителяхъ, лишившихся дѣтей, говорятъ, что они осиротѣли. Слѣдовательно, сиротствомъ выражается безпомощное состояніе; сирота есть безпомощный, нуждающійся въ опорѣ, въ защитѣ. Понятно отсюда, почему земскіе люди называются сиротами. Земля нуждается въ защитѣ государства и, называя его своимъ защитникомъ, называетъ себя нуждающеюся въ защитѣ или его сиротою. Такъ, въ 1612 году, когда еще не вступалъ на престолъ Михаилъ Ѳеодоровичъ, когда государство еще не было возстановлено, земля называла себя *сирою*, *безгосударною* и скорбѣла о томъ.

Также, какъ доказательство тѣхъ-же основъ русскаго народа, можно привести мнѣніе Поляковъ, современниковъ 1612 года. Они съ удивленіемъ говорятъ, что русскій народъ только и толкуетъ, что о вѣрѣ, а не о политическихъ условіяхъ.

III.

Итакъ, земля Русская поручила свою защиту государству, въ лицѣ Государя, да подъ сѣнію его поживетъ она тихое и благоденственное житіе. Отдѣливъ себя отъ государства, какъ защищаемое отъ защищающаго, народъ или земля не хочетъ переходить рубежа, имъ-же положеннаго, и желаетъ для себя не правленія, но жизни, разумѣется, человѣческой, разумной: что можетъ быть истиннѣе и мудрѣе такихъ отношеній! Какъ высоко призваніе государства, стремящагося обезпечить народу жизнь человѣческую, мирное и безмятежное житіе, вытекающее изъ нравственной свободы, преуспѣяніе въ христіанскомъ совершенствованіи и разработку всѣхъ талантовъ, данныхъ отъ Бога! Какъ высоко стоитъ народъ, откинувшій отъ себя всякое честолюбіе, всякое стремленіе къ власти міра сего, и желающій не политической свободы, а свободы жизни духовной и мирнаго благосостоянія! Такой взглядъ есть залогъ мира и тишины,—и таковъ взглядъ Россіи и только Россіи. Всѣ иные народы стремятся къ народовластію.

IV.

Кромѣ того, что такое устройство согласно съ духомъ Россіи, слѣдовательно, уже по одному этому для нея необходимо,—утвердительно можно сказать, что такое устройство, само по себѣ, есть единое, истинное устройство на землѣ. Великій вопросъ государственно-народный лучше рѣшенъ быть не можетъ, какъ рѣшилъ его Русскій народъ. Призваніе человѣка есть нравственное приближеніе къ Богу, къ Спасителю своему; законъ человѣка—внутри его самого; этотъ законъ:—полная любовь къ Богу и ближнему. Если бы таковы были люди, еслибъ они были святы, то тогда не нужно было-бы государства, тогда было-бы уже царство Божіе на землѣ. Но люди не таковы, и сверхъ того не таковы въ разной степени; законъ внутренній для нихъ недостаточенъ, и недостаточенъ опять въ разной степени. Разбойникъ, не имѣющій въ душѣ внутренняго закона и не сдерживаемый закономъ внѣшнимъ, можетъ убить честнаго, добродѣтельнаго человѣка и творить всякое зло. Итакъ, ради слабости и грѣховности людской, необходимъ законъ внѣшній, необходимо государство,—власть отъ міра сего. Но призваніе человѣка остается все то-же, нравственное, внутреннее: государство служитъ къ тому только пособіемъ.

Чѣмъ-же должно быть государство въ понятіи народа, который нравственное стремленіе ставитъ выше всего, который стремится къ свободѣ духа, свободѣ Христовой,—однимъ словомъ, чѣмъ должно быть государство въ понятіи народа, въ истинномъ смыслѣ христіанскаго? *Защитою*, а отнюдь не цѣлью властолюбивыхъ желаній. Всякое стремленіе народа къ государственной власти отвлекаетъ его отъ внутренняго, нравственнаго пути и подрываетъ свободою политической, внѣшней,—свободу духа внутреннюю. Государствованіе становится тогда цѣлію для народа,—и исчезаетъ высшая цѣль: внутренняя правда, внутренняя свобода, духовный подвигъ жизни. Правительствомъ народъ быть не долженъ. Если народъ—государь, народъ—правительство,—тогда нѣтъ народа.

Съ другой стороны, если государство въ понятіи народа,—защита, а не цѣль желаній, то и государство само должно быть этою защитою для народа, должно оберегать свободу его жизни, да на просторѣ развиваются въ немъ всѣ духовныя его силы подъ хранительною сѣнію государства.

V.

Государственная власть при такихъ началахъ, при невмѣшательствѣ въ нее народа, должна быть неограниченною. Какую-же именно форму должно имѣть такое неограниченное правительство? Отвѣтъ не труденъ: форму монархическую. Всякая другая форма: демократическая, аристократическая,—допускаетъ участіе народа, одна болѣе, другая менѣе, и непремѣнное ограниченіе государ-

ственной власти, слѣдовательно, не соотвѣтствуетъ ни требованію невмѣшательства народа въ правительственную власть, ни требованію неограниченности правительства. Очевидно, что смѣшанная конституція, въ родѣ англійской, точно такъ-же не соотвѣтствуетъ тѣмъ требованіямъ. Еслибъ даже выбраны были, какъ нѣкогда въ Аѳинахъ, десять архонтовъ, и имъ предоставлена была-бы полная власть, то и здѣсь, составляя совѣтъ, они не могли-бы представить вполнѣ неограниченной власти, они образовали-бы правительственное общество, слѣдовательно, форму *народной* жизни—и вышло-бы, что огромное народное общество управляется обществомъ-же, только въ маломъ видѣ. Но общество подлежитъ своимъ законамъ жизни, и лишь жизнь можетъ вносить въ него свободное единство; общество-же правительственное такого единства имѣть не можетъ; единство это сейчасъ измѣняется отъ правительственнаго значенія, становится или невозможнымъ или принудительнымъ. Очевидно, что общество правительствомъ быть не можетъ.

Внѣ народа, внѣ общественной жизни, можетъ быть только-лицо (individuum). Одно только лицо можетъ быть неограниченнымъ правительствомъ, только лицо освобождаетъ народъ отъ всякаго вмѣшательства въ правительство. Поэтому здѣсь необходимъ Государь, Монархъ. Только власть Монарха есть власть неограниченная. Только при неограниченной власти монархической народъ можетъ отдѣлить отъ себя государство и избавить себя отъ всякаго участія въ правительствѣ, отъ всякаго политическаго значенія, предоставивъ себѣ жизнь нравственно-общественную и стремленіе къ духовной свободѣ. Такое монархическое правительство и поставилъ себѣ народъ Русскій.

Сей взглядъ русскаго человѣка есть взглядъ человѣка *свободнаго*. Признавая государственную неограниченную власть, онъ удерживаетъ за собою свою совершенную независимость духа, совѣсти, мысли. Слыша въ себѣ эту независимость нравственную, русскій человѣкъ, по справедливости, не есть рабъ, а человѣкъ свободный. Монархическое неограниченное правительство въ русскомъ пониманіи является не врагомъ, не противникомъ, а другомъ и защитникомъ свободы, свободы духовной, истинной, выражающейся въ открыто возвѣщаемомъ мнѣніи. Только при такой полной свободѣ можетъ быть народъ полезенъ правительству. Свобода политическая не есть свобода. Только при совершенномъ отрѣшеніи народа отъ государственной власти, только при неограниченной монархіи, вполнѣ предоставляющей народу всю его нравственную жизнь, — можетъ на землѣ существовать свобода истинная народа, та, наконецъ, свобода, которую даровалъ намъ Искупитель нашъ: *идѣ-же духъ Господень,—ту свобода.*

VI.

Считая правительство благодѣтельною, нужною для себя властію, неограниченною никакими условіями, признавая его не насиль-

ственно, а добровольно и сознательно,—русскій народъ считаетъ правительство, по словамъ Спасителя, властію отъ міра сего: только царство Христово не отъ міра сего. Воздаетъ русскій народъ Кесарева — Кесареви, а Божіе—Богови. Правительство, какъ человѣческое устройство міра сего, не признаетъ онъ за совершенство. Поэтому русскій народъ не воздаетъ царю Божеской почести, изъ царя не творитъ себѣ идола и не повиненъ въ идолопоклонствѣ власти, въ которомъ теперь хочетъ сдѣлать его повиннымъ непомѣрная лесть, явившаяся въ Россіи вмѣстѣ съ западнымъ вліяніемъ. Эта лесть употребляетъ самыя священныя титла—достояніе Божіе—на прославленіе и возвеличеніе царской власти, для народа, понимающаго святыню въ настоящемъ значеніи! Такъ, напримѣръ, Ломоносовъ, въ одной своей одѣ, говоритъ о Петрѣ: *онъ Богъ, онъ Богъ твой былъ, Россія; онъ члены взялъ въ тебѣ плотскіе, сошелъ къ тебѣ отъ горнихъ мѣстъ*; а у раскольниковъ эти самыя слова Ломоносова приводятся противъ православія, какъ обвиненіе. Несмотря на эту лесть, сильно умножившуюся, русскій народъ (въ массѣ) не измѣняетъ своего истиннаго воззрѣнія на правительство. Это воззрѣніе, обезпечивая съ одной стороны вѣрную, непремѣнную покорность народа правительству, съ другой стороны обнажаетъ правительство отъ того чрезмѣрнаго, иногда нечестиваго блеска, которымъ позволяетъ оно льстецамъ окружать себя,—отъ того священнаго сіянія, которое присвоивается ему даже въ христіанскомъ мірѣ, такъ что названіе Государя *земной Богъ*, хотя не вошло въ титулъ, однако допускается какъ толкованіе власти царской.

Христіанство повелѣваетъ повиноваться властямъ предержащимъ и тѣмъ утверждаетъ ихъ: но оно не даетъ власти того чрезмѣрнаго священнаго значенія, которое возникло впослѣдствіи. Это понимаетъ русскій народъ и согласно съ тѣмъ смотритъ и на власть правительственную, какъ-бы ни старалась лесть увѣрять и подданныхъ, и Государя, что Русскіе видятъ въ царѣ земного Бога. Русскій народъ знаетъ, что *„нѣсть власть, аще не отъ Бога“*. Какъ христіанинъ, молится за нее, повинуется ей, чтитъ царя, но не боготворитъ. Только поэтому и повиновеніе и почитаніе власти въ немъ прочно, и революція въ немъ невозможна.

VII.

Таковъ трезвый взглядъ русскаго народа на правительство. Но посмотрите на Западъ. Народы, оставивъ тамъ внутренній путь вѣры и духа, увлеклись тщеславными побужденіями народнаго властолюбія повѣрили въ возможность правительственнаго совершенства, надѣлали республикъ, настроили конституцій всѣхъ родовъ, развили въ себѣ гордость и тщеславіе власти міра сего,—и обѣднѣли душою, утратили вѣру и, несмотря на мнимое совершенство своего политическаго устройства, готовы рухнуть и предаться, если не окончательному паденію, то страшнымъ потрясеніямъ каждую минуту.

VIII.

Намъ ясно теперь, какое значеніе имѣетъ въ Россіи правительство и какое—народъ. Другими словами, намъ ясно, что Россія представляетъ въ себѣ двѣ стороны: Государство и Землю. Правительство и народъ или Государство и Земля, хотя ясно разграничены въ Россіи, тѣмъ не менѣе, если не смѣшиваются, то соприкасаются. Какое-же взаимное ихъ отношеніе?

Прежде всего: народъ не вмѣшивается въ правительство, въ порядокъ управленія; государство не вмѣшивается въ жизнь и бытъ народа, не заставляетъ народъ жить насильственно, по сдѣланнымъ отъ государства правиламъ: странно было-бы, еслибъ государство требовало отъ народа, чтобъ онъ вставалъ въ 7 часовъ, обѣдалъ въ 2, и тому подобное; не менѣе странно, еслибъ оно требовало, чтобъ народъ такъ причесывалъ свои волосы или носилъ-бы такую одежду. Итакъ, первое отношеніе между правительствомъ и народомъ есть отношеніе *взаимнаго невмѣшательства*. Но такое отношеніе (отрицательное) еще не полно; оно должно быть дополнено отношеніемъ положительнымъ между Государствомъ и Землею. Положительная обязанность государства относительно народа есть защита и охраненіе жизни народа, есть внѣшнее его обезпеченіе, доставленіе ему всѣхъ способовъ и средствъ, да процвѣтаетъ его благосостояніе, да выразитъ онъ все свое значеніе и исполнитъ свое нравственное призваніе на землѣ. Администрація, судопроизводство, законодательство,—все это, понятое въ предѣлахъ *чисто государственныхъ*, принадлежитъ неотъемлемо къ области правительства.

Не подлежитъ спору, что правительство существуетъ для народа, а не народъ для правительства. Понявъ это добросовѣстно, правительство никогда не посягнетъ на самостоятельность народной жизни и народнаго духа. Положительная обязанность народа относительно государства есть исполненіе государственныхъ требованій, доставленіе ему силъ для приведенія въ дѣйствіе государственныхъ намѣреній, снабженіе государства деньгами и людьми, если они нужны. Такое отношеніе народа къ государству есть только прямое необходимое слѣдствіе признанія государства: это отношеніе, подчиненное, а не самостоятельное; при такомъ отношеніи *народъ самъ* государству еще *не видънъ*. Какое-же *самостоятельное* отношеніе неполитическаго народа къ государству? Гдѣ государство, такъ сказать *видитъ народъ самый*? Самостоятельное отношеніе безвластнаго народа къ полновластному государству есть только одно:—*общественное мнѣніе*. Въ общественномъ или народномъ мнѣніи нѣтъ политическаго элемента нѣтъ другой силы, кромѣ нравственной, слѣдовательно, нѣтъ и принудительнаго свойства, противоположнаго нравственной силѣ. Въ общественномъ мнѣніи (разумѣется, выражающемъ себя гласно) видитъ государство, чего желаетъ страна, какъ понимаетъ она свое значеніе, какія ея нравственныя требованія и чѣмъ, слѣдовательно,

должно руководиться государство, ибо цѣль его—способствовать странѣ исполнить свое призваніе. Охраненіе свободы общественнаго мнѣнія, какъ нравственной дѣятельности страны, есть, такимъ образомъ, одна изъ обязанностей государства. Въ важныхъ случаяхъ государственной и земской жизни, для правительства бываетъ нужно самому вызывать мнѣніе страны, но только *мнѣніе*, которое (разумѣется) правительство свободно принять и не принять. *Общественное мнѣніе*,—вотъ чѣмъ самостоятельно можетъ и долженъ служить народъ своему правительству, и вотъ та живая нравственная и нисколько не политическая связь, которая можетъ и должна быть между народомъ и правительствомъ.

Мудрые цари наши это понимали: да будетъ имъ вѣчная за то благодарность! Они знали, что при искреннемъ и разумномъ желаніи счастья и блага странѣ, нужно знать и въ извѣстныхъ случаяхъ вызывать ея мнѣніе. И потому цари наши часто созывали земскіе соборы, состоявшіе изъ выборныхъ отъ всѣхъ сословій Россіи, гдѣ предлагали на обсужденіе тотъ или другой вопросъ, касающійся государства и земли. Цари наши, хорошо понимая Россію, ни мало не затруднялись созывать такіе соборы. Правительство знало, что оно черезъ то не теряетъ и не стѣсняетъ никакихъ правъ своихъ, а народъ зналъ, что онъ черезъ то никакихъ правъ ни пріобрѣтаетъ, ни распространяетъ. Связь между правительствомъ и народомъ не только отъ того не колебалась, но еще тѣснѣе скрѣплялась. Это были дружественныя, полныя довѣренности отношенія правительства и народа.

На земскіе соборы созывались не одни земскіе люди, но и служилые или государевы: бояре, окольничіе, стольники, дворяне и пр.; но созывались они здѣсь въ своемъ земскомъ значеніи, въ качествѣ народа, на совѣтъ. На земскомъ соборѣ присутствовало и духовенство, необходимое для общей полноты земли Русской.

Такимъ образомъ, на этотъ соборъ собиралась какъ-бы вся Россія,—и, собранная вся, получала она въ этотъ часъ основное свое значеніе, *Земли*, отчего и соборъ называется „*земскимъ*“.

Стоитъ только обратить вниманіе на эти достопамятные соборы, на отвѣты выборныхъ, на нихъ присутствовавшихъ, тогда смыслъ этихъ соборовъ, смыслъ *только мнѣнія* очевиденъ. Всѣ отвѣты начинаются въ такомъ родѣ: „Какъ поступить въ этомъ случаѣ, это зависитъ отъ тебя, Государь. *Дѣлай* какъ тебѣ угодно,—а наша *мысль* такова“... Итакъ, дѣйствіе — право государево; мнѣніе — право страны. Для возможно полнаго благоденствія нужно, чтобъ и та, и другая сторона пользовалась своимъ правомъ: чтобъ Земля не стѣсняла дѣйствій Государя, чтобъ Государь не стѣснялъ мнѣнія Земли.

Такъ какъ Россія, по призыву своего Государя, сходилась на эти соборы не изъ тщеславнаго желанія говорить рѣчи въ родѣ парламентскихъ, не изъ властолюбія народнаго, однимъ словомъ, не по охотѣ своей,—то она нерѣдко считала такіе соборы тяжелымъ долгомъ и собиралась на нихъ не всегда скоро: по крайней

мѣрѣ въ грамотахъ встрѣчаются понужденія въ отдаленные города, Пермь или Вятку, о скорѣйшей присылкѣ выборныхъ для того, что „изъ-за нихъ стоитъ государево и земское дѣло“.

Но, кромѣ этихъ соборовъ, основатели русскаго могущества, незабвенные цари наши, вездѣ, гдѣ только можно, спрашивали народнаго мнѣнія. Въ Москвѣ поднялся хлѣбъ въ цѣнѣ, и Царь Алексѣй Михайловичъ созываетъ на Красную площадь купцовъ посовѣтоваться съ ними о томъ, какъ помочь дѣлу. Общественное мнѣніе вызывается правительствомъ при всякомъ удобномъ случаѣ: нужно написать уставъ о *станичной* или *полевой* воинской службѣ,—и повелѣвается боярину посовѣтоваться о томъ со всѣмъ станичнымъ войскомъ; выходитъ постановленіе правительства,— и поручается боярину узнать, какъ говоритъ о томъ народъ. Наши цари давали ходъ общественному голосу и между крестьянами, поручая имъ выбирать судей, дѣлая повальный обыскъ, имѣвшій при царяхъ огромное значеніе, дозволяя, кромѣ выбраныхъ судей, выборнымъ отъ народа *присутствовать* на судахъ и, наконецъ, давая просторъ крестьянской сходкѣ, во всѣхъ внутреннихъ распорядкахъ крестьянъ.

Такъ поступая, цари наши передали Императорамъ Россію, освобожденную отъ ига татаръ, присоединившую къ себѣ три царства, перенесшую со славою годину 1612 года, возвратившую къ себѣ Малороссію, написавшую Уложеніе, уничтожившую мѣстничество, которое мѣшало правительственнымъ распоряженіямъ, возродившуюся въ новой силѣ и свободную отъ всякихъ элементовъ внутренняго разложенія, — крѣпкую, сильную. Безъ сомнѣнія, никто не усомнится въ неограниченности власти царей нашихъ ни въ совершенномъ отсутствіи революціонности въ древней Россіи. Многаго еще не могли успѣть сдѣлать наши цари: надо было долго укрѣплять Россію послѣ страшныхъ бѣдствій.

Неторопливо, постепенно и прочно совершали мудрые государи свой подвигъ, не сходя съ русскихъ началъ, не измѣняя русскаго пути. Они не чуждались иностранцевъ, которыхъ никогда не чуждался и народъ русскій, и старались догнать Европу на пути того просвѣщенія, отъ котораго отстала Россія въ двѣсти лѣтъ монгольскаго ига. Они знали, что для того не нужно переставать быть русскими, не нужно отказываться отъ своихъ обычаевъ, отъ языка, отъ одежды, а еще менѣе отъ началъ своихъ. Они знали, что просвѣщеніе тогда только истинно полезно, когда человѣкъ принимаетъ его не подражательно, а самостоятельно. Царь Алексѣй Михайловичъ усилилъ дипломатическія сношенія съ европейскими державами, выписалъ иностранные журналы; при немъ построенъ былъ первый русскій корабль „Орелъ“, его бояре были уже люди образованные; просвѣщеніе тихо и мирно начинало распространяться. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ положилъ въ Москвѣ начало высшему училищу или университету, хотя подъ другимъ названіемъ; а именно: онъ завелъ Славяно-Греко-Латинскую академію, уставъ которой былъ написанъ знаменитымъ Симеономъ Полоцкимъ.

IX.

Теперь должно сказать о той эпохѣ, когда со стороны правительства, а не народа, были нарушены начала гражданскаго устройства Россіи, когда былъ оставленъ *русскій* путь. Послѣдній царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ созывалъ въ короткое царствованіе свое два собора: соборъ однихъ служилыхъ людей, о мѣстничествѣ, какъ дѣлѣ, касавшемся только людей служилыхъ, а не Земли,— и соборъ земскій для уравненія податей и службъ по всей Россіи. Во время этого второго собора, царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ умеръ. Извѣстно, что, по желанію царя, меньшой братъ его, Петръ, былъ выбранъ на царство.

Вѣроятно, этотъ же земскій соборъ, находившійся въ то время въ Москвѣ, утвердилъ Петра царемъ, согласно желанію Ѳеодора Алексѣевича. Какъ-бы-то ни было, только этотъ земскій соборъ распускается отъ имени Петра, тогда еще малолѣтняго, но черезъ нѣсколько лѣтъ Петръ началъ и самъ дѣйствовать.

У меня нѣтъ намѣренія входить въ исторію Петровскаго переворота; нѣтъ намѣренія возставать на величіе Петра, величайшаго изъ великихъ людей. Но переворотъ Петра, несмотря на весь внѣшній блескъ свой, свидѣтельствуетъ, какое глубокое внутреннее зло производитъ величайшій геній, какъ скоро онъ дѣйствуетъ одиноко, отдаляется отъ народа и смотритъ на него, какъ архитекторъ на кирпичи. При Петрѣ началось то зло, которое есть зло и нашего времени. Какъ всякое неизлѣченное зло, оно усилилось съ теченіемъ времени и составляетъ опасную коренную язву нашей Россіи. Я долженъ опредѣлить это зло.

Если народъ не посягаетъ на государство, то и государство не должно посягать на народъ. Только тогда союзъ ихъ прочень и благодатенъ.—На Западѣ идетъ эта постоянная вражда и тяжба между государствомъ и народомъ, не понимающими своихъ отношеній. Въ Россіи этой вражды и тяжбы не было. Народъ и правительство, не смѣшиваясь, жили въ благодѣтельномъ союзѣ: бѣдствія были или внѣшнія, или происходили отъ несовершенства природы человѣческой, а не отъ ложнаго пути, не отъ смѣшенія понятій. Русскій народъ такъ и остался вѣренъ своему взгляду и не посягнулъ на государство;— но государство, въ лицѣ Петра, посягнуло на народъ, вторглось въ его жизнь, въ его бытъ, измѣняло насильственно его нравы, его обычаи, самую его одежду; сгоняло черезъ полицію на ассамблеи; ссылало въ Сибирь даже портныхъ, шившихъ русское платье. Служилые люди, соединенные прежде, въ своемъ частномъ, не-государственномъ значеніи, съ Землею единствомъ понятій, образа жизни, обычаевъ и одежды,— всего болѣе подверглись насильственнымъ требованіямъ Петра, именно со стороны жизненной, нравственной, и переворотъ осуществился въ нихъ во всей силѣ. Хотя тѣ же требованія отъ правительства простирались и на всѣ сословія, даже на крестьянъ,

но не столь настойчиво, и впослѣдствіи оставлено было намѣреніе, уже высказанное, чтобъ ни одинъ крестьянинъ не смѣлъ въѣзжать въ городъ съ бородою: за бороду стали, вмѣсто того, брать пошлину. Наконецъ земскимъ людямъ оставлена была возможность ходить и жить попрежнему; но положеніе ихъ въ Россіи совершенно измѣнилось. Произошелъ общественный разрывъ. Служилые люди, или верхніе классы, оторвались отъ русскихъ началъ, понятій, обычаевъ, и вмѣстѣ отъ русскаго народа,—зажили, одѣлись и заговорили по иностранному. Москва стала неугодна Государю, и онъ перенесъ столицу на край Россіи въ новый, построенный имъ городъ, Санктъ-Петербургъ, которому онъ далъ и названіе нѣмецкое. Въ Петербургѣ, около Государя образовалось цѣлое пришлое населеніе новопреобразованныхъ Русскихъ,—чиновниковъ, лишенныхъ даже почвы народной, ибо туземное населеніе Петербурга—иностранное.

Такъ совершился разрывъ царя съ народомъ, такъ разрушился этотъ древній союзъ Земли и государства; такъ вмѣсто прежняго союза, образовалось *иго* государства надъ Землею, и Русская земля стала какъ-бы завоеванною, а государство завоевательнымъ. Такъ русскій монархъ получилъ значеніе деспота, а свободно подданный народъ значеніе раба-невольника въ своей землѣ!

Новопреобразованные Русскіе, увлеченные частью насиліемъ, частію соблазномъ на иностранный путь, скоро сжились со своимъ положеніемъ, ибо вольность заемныхъ нравовъ, тщеславіе, блескъ свѣта, наконецъ, новыя права дворянскія, сильно льстили страстямъ и слабости человѣческой. Презрѣніе къ Россіи и къ русскому народу скоро стало какъ-бы принадлежностью образованнаго русскаго человѣка, цѣлью котораго было—подражаніе Западной Европѣ. Въ то-же время, новопреобразованные русскіе, подпавъ государственному гнету даже со своей жизненной, съ нравственной стороны, и ставъ въ новое, рабское отношеніе къ власти, ощутили въ себѣ политическое властолюбіе. Въ классахъ оторванныхъ отъ народнаго быта, преимущественно въ дворянствѣ, сейчасъ обнаружилось стремленіе къ государственной власти; пошли революціонныя попытки, и, чего не бывало прежде, престолъ россійскій сталъ беззаконнымъ игралищемъ партій. Беззаконно вошла на престолъ Екатерина I, беззаконно призвана была Анна, причемъ аристократія задумала-было и конституцію, но конституція, къ счастію, не состоялась. Съ помощью солдатъ вошла на престолъ Елизавета. Нужно-ли говорить о низложеніи Петра III? Наконецъ, какъ плодъ не-русскихъ началъ, внесенныхъ Петромъ, явилось возстаніе 14 декабря, возстаніе верхняго, оторваннаго отъ народа, класса, ибо солдаты, какъ извѣстно, были обмануты.

Такъ дѣйствовало верхнее сословіе, отказавшееся отъ русскихъ началъ—Какъ-же дѣйствавалъ народъ, не измѣнившій русскимъ началамъ: купцы, мѣщане и, въ особенности, крестьяне, которые болѣе всѣхъ остались вѣрны русскому быту и духу!

Народъ все это время, какъ и слѣдовало ожидать,—былъ спокоенъ. Это спокойствіе—не лучшее-ли доказательство, какъ противна всякая революція русскому духу? Возставали дворяне, но когда возставалъ крестьянинъ противъ Государя? Возставала бритая борода и нѣмецкій костюмъ, но когда-же возставала русская борода и кафтанъ?—Стрѣлецкіе бунты, при Петрѣ, составляютъ явленіе особое; это было скорѣе буйство, чѣмъ бунтъ; къ тому-же стрѣльцы не нашли себѣ опоры въ народѣ; напротивъ, войско, набранное изъ народа (изъ даточныхъ) ревностно стало противъ стрѣльцовъ и разбило ихъ. Чтобы привлечь на свою сторону холопей, стрѣльцы изорвали кабальныя записи и разбросали по улицамъ, но и холопи объявили, что они не хотятъ такой свободы, и пошли на стрѣльцовъ.

Итакъ, самовольное стрѣлецкое буйство оскорбляло прежде всего народъ, и онъ не только стрѣльцовъ не поддерживалъ, но даже былъ противъ нихъ. Въ позднѣйшее время можно, правда, указать на одно страшное возстаніе, но чье имя было обманчивымъ знаменемъ этого возстанія?—Имя Государя Петра III, имя законнаго Государя. Ужели и это не убѣдитъ въ совершенной анти-революціонности русскаго народа—истинной опоры престола?

Да! Пока русскій народъ остается русскимъ, до тѣхъ поръ тишина внутренняя и безопасность правительства обезпечены. Но Петровская система и вмѣстѣ иностранный духъ, съ нею нераздѣльный, продолжаютъ дѣйствовать, и мы видѣли, какое дѣйствіе производятъ они въ той массѣ русскихъ людей, которую увлекли. Мы видѣли, какъ съ чувствомъ рабскимъ, которое порождаетъ власть правительственная, входящая въ самую жизнь человѣка,—какъ съ этимъ рабскимъ чувствомъ соединяется чувство бунтовщика, ибо рабъ не видитъ рубежа между собою и правительствомъ, который видитъ человѣкъ свободный, живущій внутреннею самостоятельною жизнью; рабъ видитъ только одну разницу между собою и правительствомъ: онъ угнетенъ, а правительство угнетаетъ; назкая подлость во всякую минуту готова перейти въ наглую дерзость; рабы сегодня,—бунтовщики завтра: изъ цѣпей рабства куются безпощадные ножи бунта. Русскій народъ, простой народъ собственно, держится своихъ древнихъ началъ и противится доселѣ и рабскому чувству, и иностранному вліянію верхняго класса. Но Петровская система продолжается уже полтораста лѣтъ; она начинаетъ, наконецъ, проникать и въ народъ своею, повидимому, пустою, но вредною стороною. Уже и въ нѣкоторыхъ селахъ бросаютъ русскую одежду, уже и крестьяне начинаютъ говорить о модѣ,—а вмѣстѣ съ этими пустыми, повидимому, дѣлами, входитъ чуждый образъ жизни, чуждыя понятія и шатаются исподволь русскія начала. Какъ скоро правительство отнимаетъ постоянно *внутреннюю общественную* свободу народа, оно заставитъ, наконецъ, искать свободы внѣшней, политической. Чѣмъ долѣе будетъ продолжаться Петровская правительственная система,—хотя по наружности и не столь рѣзкая, какъ при немъ,—система

столь противоположная русскому народу, вторгающаяся въ общественную свободу жизни, стѣсняющая свободу духа, мысли, мнѣнія и дѣлающая изъ подданнаго раба: тѣмъ болѣе будутъ входить въ Россію чуждыя начала; тѣмъ болѣе людей будетъ отставать отъ народной русской почвы; тѣмъ болѣе будутъ колебаться основы Русской земли, тѣмъ грознѣе будутъ революціонныя попытки, которыя сокрушатъ, наконецъ, Россію, когда она перестанетъ быть Россіею. Да, опасность для Россіи одна: *если она перестанетъ быть Россіею*,—къ чему,ведетъ ее постоянно теперешняя Петровская правительственная система. Дай-же Богъ, чтобъ этого не было.

Петръ, скажутъ, возвеличилъ Россію. Точно, онъ много придалъ ей внѣшняго величія, но внутреннюю ея цѣлость онъ поразилъ растлѣніемъ; онъ внесъ въ ея жизнь сѣмена разрушенія, вражды. Да и всѣ внѣшнія славныя дѣла совершилъ онъ и преемники его силами той Россіи, которая возрастала и окрѣпла на древней почвѣ, на другихъ началахъ. Доселѣ солдаты наши берутся изъ народа, доселѣ еще не вовсе исчезли русскія начала и въ преобразованныхъ русскихъ людяхъ, подверженныхъ иностранному вліянію. Итакъ, Петровское государство побѣждаетъ съ силами еще до-Петровской Россіи; но силы эти слабѣютъ, ибо Петровское вліяніе растетъ въ народѣ, несмотря на то, что правительство стало говорить о русской національности и даже требовать ея. Но для того, чтобы благое слово обратилось въ благое дѣло, нужно понять духъ Россіи и стать на русскія начала, отвергнутыя со времени Петра. Внѣшнее величіе Россіи при императорахъ, точно, блестяще, но внѣшнее величіе тогда прочно, когда истекаетъ изъ внутренняго. Нужно, чтобы источникъ былъ не засоренъ и не оскудѣвалъ. Да и какой внѣшній блескъ можетъ вознаградить за внутреннее благо, за внутреннюю стройность? Какое внѣшнее, непрочное величіе и внѣшняя ненадежная сила могутъ сравниться съ внутреннимъ прочнымъ величіемъ, съ внутреннею надежною силою?

Внѣшняя сила можетъ существовать, пока еще внутренняя, хотя и подрываемая, не исчезла. Если внутренность дерева вся истлѣла, то наружная кора, какъ-бы ни была крѣпка и толста, не устоитъ, и при первомъ вѣтрѣ дерево рухнетъ къ всеобщему изумленію. Россія держится долго потому, что еще не исчезла ея внутренняя долговѣчная сила, постоянно ослабляемая и уничтожаемая; потому, что еще не исчезла въ ней до-Петровская Россія. Итакъ, внутреннее величіе—вотъ что должно быть первою главною цѣлью народа и, конечно, правительства.

X.

Современное состояніе Россіи представляетъ внутренній разладъ, прикрываемый безсовѣстною ложью. Правительство, а съ нимъ и верхніе классы, отдалилось отъ народа и стало ему чужимъ И народъ, и правительство стоятъ теперь на разныхъ путяхъ,

на разныхъ началахъ. Не только не спрашивается мнѣнія народа, но всякій частный человѣкъ опасается говорить свое мнѣніе. Народъ не имѣетъ довѣренности къ правительству; правительство не имѣетъ довѣренности къ народу. Народъ въ каждомъ дѣйствіи правительства готовъ видѣть новое угнетеніе; правительство постоянно опасается революціи и въ каждомъ самостоятельномъ выраженіи мнѣнія готово видѣть бунтъ; просьбы, подписанныя многими или нѣсколькими лицами, у насъ теперь не допускаются, тогда какъ въ древней Россіи онѣ-то-бы и были уважены. Правительство и народъ не понимаютъ другъ друга, и отношенія ихъ не дружественны. И на этомъ то внутреннемъ разладѣ, какъ дурная трава, выросла непомѣрная безсовѣстная лесть, увѣряющая во всеобщемъ благоденствіи, обращающая почтеніе къ Царю въ идолопоклонство, воздающая Ему, какъ идолу, божескую честь. Одинъ писатель выразился въ „Вѣдомостяхъ“ подобными словами: „Дѣтская больница была освящена по обряду Православной Церкви; въ другой разъ была освящена посѣщеніемъ Государя Императора“. Принято выраженіе, что „Государь *изволилъ* пріобщаться Св. Таинъ“, тогда какъ христіанинъ иначе сказать не можетъ, что онъ *сподобился* или *удостоился* *). Скажутъ, это нѣкоторые случаи; нѣтъ, таковъ у насъ всеобщій духъ отношенія къ правительству. Это только легкіе примѣры поклоненія земной власти; этихъ примѣровъ имѣется слишкомъ довольно и въ словахъ, и въ дѣлахъ; ихъ исчисленіе составило-бы цѣлую книгу. При потерѣ взаимной искренности и довѣренности, все объяла ложь, вездѣ обманъ.

Правительство не можетъ при всей своей неограниченности добиться правды и честности; безъ свободы общественнаго мнѣнія это и невозможно. Всѣ лгутъ другъ другу, видятъ это, продолжаютъ лгать, и неизвѣстно, до чего дойдутъ.

Всеобщее развращеніе или ослабленіе нравственныхъ началъ въ обществѣ дошло до огромныхъ размѣровъ. Взяточничество и чиновный организованный грабежъ—страшны. Это до того вошло, такъ сказать, въ воздухъ, что у насъ не только тѣ воры, кто безчестные люди, нѣтъ, очень часто прекрасные, добрые, даже въ своемъ родѣ честные люди—тоже воры: исключеній немного. Это сдѣлалось уже не личнымъ грѣхомъ, а общественнымъ; здѣсь является безнравственность самаго положенія общественнаго, цѣлаго внутренняго устройства.

XI.

Все зло происходитъ главнѣйшимъ образомъ отъ угнетательной системы нашего правительства, угнетательной относительно свободы жизни, свободы мнѣнія, свободы нравственной, ибо на свободу политическую и притязаній въ Россіи нѣтъ. Гнетъ вея-

*) Вскорѣ затѣмъ, кажется въ 1856 г., сдѣлано было распоряженіе объ отмѣнѣ выраженія «изволилъ», и оно теперь уже не употребляется.
Прим. И. С. Аксакова.

каго мнѣнія, всякаго проявленія мысли дошелъ до того, что иные представители власти государственной запрещаютъ изъявлять мнѣніе, даже благопріятное правительству, ибо запрещаютъ всякое мнѣніе. Они не позволяютъ даже хвалить распоряженія начальства, утверждая, что до одобренія подчиненныхъ начальству дѣла нѣтъ, что подчиненные не должны смѣть разсуждать и даже находить хорошимъ то или другое въ своемъ правительствѣ или начальствѣ. Къ чему-же ведетъ такая система? Къ полному безучастію, къ полному уничтоженію всякаго человѣческаго чувства въ человѣкѣ; отъ человѣка не требуютъ даже того, чтобы онъ имѣлъ хорошія мысли, а чтобы онъ не имѣлъ никакихъ мыслей. Эта система, если-бы могла успѣть, то обратила-бы человѣка въ животное, которое повинуется, не разсуждая и не по убѣжденію!

Но если-бы люди могли быть доведены до такого состоянія, то неужели найдется правительство, которое предположитъ себѣ такую цѣль?

Тогда въ человѣкѣ погибъ-бы человѣкъ: изъ чего-же живетъ человѣкъ на землѣ, какъ не изъ того, чтобы быть человѣкомъ, въ возможно-полномъ, возможно-высшемъ смыслѣ? Да и къ тому-же люди, у которыхъ отнято человѣческое достоинство, не спасутъ правительства. Въ минуты великихъ испытаній понадобятся люди, въ настоящемъ смыслѣ,—а гдѣ оно тогда возьметъ людей, гдѣ возьметъ оно сочувствія, отъ котораго отучило, дарованій, одушевленія, духа, наконецъ?..

Но доведеніе людей до животнаго состоянія не можетъ быть сознательною цѣлью правительства. Да и дойти до состоянія животныхъ люди не могутъ; но въ нихъ можетъ быть унижено человѣческое достоинство, можетъ отупѣть умъ, огрубѣть чувство, и, слѣдовательно, человѣкъ приблизится къ скоту. Къ тому ведетъ, по крайней мѣрѣ, система угнетенія въ человѣкѣ самобытности, жизни общественной, мысли, слова. Такая система, пагубно дѣйствуя на умъ, на дарованія, на всѣ нравственныя силы, на нравственное достоинство человѣка, порождаетъ внутреннее неудовольствіе и уныніе. Та-же угнетательная правительственная система изъ Государя дѣлаетъ идола, которому приносятъ въ жертву всѣ нравственныя убѣжденія и силы. „Моя совѣсть“, — скажетъ человѣкъ.—„Нѣтъ у тебя совѣсти“, — возражаютъ ему, — „какъ смѣешь ты имѣть свою совѣсть? Твоя совѣсть—Государь, о которомъ ты и разсуждать не долженъ“.—„Мое отечество“,—скажетъ человѣкъ.—„Это не твое дѣло“,—говорятъ ему, — „что касается Россіи—до тебя, безъ дозволенія, не касается; твое отечество — Государь, котораго ты и любить свободно не смѣешь, а которому ты долженъ быть рабски преданнымъ“.—„Моя вѣра“, — скажетъ человѣкъ.—„Государь есть глава Церкви“, — отвѣтятъ ему (вопреки православному ученію, по которому глава Церкви — Христосъ).—„Твоя вѣра—Государь“.—„Могъ Богъ“,—скажетъ, наконецъ, человѣкъ,—„Богъ твой—Государь: онъ есть земной Богъ!“

И Государь является какою-то невѣдомою силою, ибо объ ней и говорить, и разсуждать нельзя, и которая, между тѣмъ, вытѣсняетъ всѣ нравственныя силы. Лишенный нравственныхъ силъ, человѣкъ становится бездушнымъ и, съ инстинктивною хитростью, гдѣ можетъ,—грабитъ, воруетъ, плутуетъ.

Эта система не всегда обнаруживается ярко и откровенно; но внутренній смыслъ ея, но духъ ея таковъ и нисколько не преувеличенъ.

Велика внутренняя порча Россіи, порча, которую лесть старается скрыть отъ взоровъ Государя; сильно отчужденіе правительства и народа другъ отъ друга, которое также скрываютъ громкія слова рабской лести. Вторженіе правительственной власти въ общественную жизнь продолжается; народъ заражается болѣе и болѣе, и общественное развращеніе усиливается въ разныхъ своихъ проявленіяхъ, изъ которыхъ взяточничество и служебное воровство стало почти всеобщимъ и какъ-бы дѣломъ признаннымъ. Тайное неудовольствіе всѣхъ сословій растетъ ..

XII,

И отчего все это?

— Все это даромъ! Все это отъ непониманія народа, отъ нарушенія правительствомъ того необходимаго разграниченія между имъ и народомъ, при которомъ только и возможенъ крѣпкій, благодатный союзъ съ обѣихъ сторонъ. Все это можетъ поправиться легко, по крайней мѣрѣ, въ существенныхъ отношеніяхъ.

Прямое цѣленіе на современное зло, возникшее въ Россіи, — это *понять Россію* и возвратиться къ русскимъ основамъ, согласнымъ съ ея духомъ. Прямое цѣленіе противъ болѣзни, порождаемой противоестественнымъ для Россіи образомъ дѣйствій, — это: оставить противоестественный образъ дѣйствій и возвратиться къ образу дѣйствій, согласному съ понятіями, съ существомъ Россіи.

Какъ скоро правительство пойметъ Россію, такъ оно пойметъ, что всякое побужденіе къ государственной власти противно духу русскаго народа; что страхъ какой-нибудь революціи въ Россіи есть страхъ, не имѣющій ни малѣйшаго основанія, и что множество шпіоновъ распространяютъ около себя только безнравственность, что правительство неограниченно и безопасно именно по убѣжденію русскаго народа. Народъ желаетъ для себя одного: свободы жизни, духа и слова. Не вмѣшиваясь въ государственную власть, онъ желаетъ, чтобъ государство не вмѣшивалось въ самостоятельную жизнь быта его духа, въ которую вмѣшивалось и которую гнело правительство полтораста лѣтъ, доходя до мелочей, даже до одежды. Нужно, чтобы правительство поняло вновь свои коренныя отношенія къ народу, древнія отношенія государства и земли, и возстановило ихъ. Ничего болѣе не нужно. Такъ какъ эти отношенія нарушены только со стороны правительства, вторгнувшагося въ народъ, то оно можетъ это нарушеніе

отстранить. Это не трудно и не сопряжено ни съ какимъ насильственнымъ дѣйствіемъ. Стоитъ лишь уничтожить гнетъ, наложенный государствомъ на землю, и тогда легко можно стать въ истинныя русскія отношенія къ народу.

Тогда возобновится самъ собою полный довѣренности и искренній союзъ между государемъ и народомъ. Наконецъ, въ довершеніе этого союза надобно, чтобы правительство, не удовлетворяясь тѣмъ, что мнѣніе народное существуетъ, само захотѣло знать это народное мнѣніе, и въ извѣстныхъ случаяхъ само-бы вызывало и требовало отъ страны мнѣнія, какъ это было нѣкогда при царяхъ.

Я сказалъ, что правительству слѣдуетъ иногда самому вызывать мнѣнія страны. Значитъ-ли это, что нужно созвать земскій соборъ?

Нѣтъ. Созвать въ настоящее время земскій соборъ было-бы дѣломъ безполезнымъ. Изъ кого состоялъ-бы онъ? Изъ дворянъ, купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ. Но стоитъ написать имена этихъ сословій, чтобы почувствовать, какъ далеки они въ настоящее время другъ отъ друга, какъ мало единства между ними. Дворяне полтораста лѣтъ уже, какъ отдалились отъ основъ народныхъ и смотрятъ на крестьянъ, большею частію, или съ гордымъ презрѣніемъ, или какъ на источникъ своихъ доходовъ.

Купцы съ одной стороны подражаютъ дворянамъ и, подобно имъ, увлекаются Западомъ,—съ другой стороны, держаться какой-то своей ими самими установленной старины, которая носитъ жилетъ сверхъ русской рубахи, и при русскихъ сапогахъ — галстухъ и длинополый сюртукъ; такая одежда служитъ символомъ ихъ понятій, представляющихъ подобную-же смѣсь. Мѣщане составляютъ блѣдное подобіе купцовъ; это самый жалкій классъ во всей Россіи и притомъ самый разнохарактеный.

Крестьяне, давно удаленные отъ всякаго соприкосновенія съ исторіею, участвуютъ въ ней лишь податями, рекрутами; они одни преимущественно сохранили основы русскаго быта въ его чистотѣ; но что́ могли-бы сказать они, такъ долго молчавшіе? На земскомъ соборѣ долженъ быть голосъ всей Русской земли, а сословія дать теперь такого голоса не могутъ.

Итакъ, въ настоящую минуту земскій соборъ безполезенъ и созывать его теперь не нужно. Въ настоящее время возможно и было-бы истинно полезно, еслибъ правительство созывало отдѣльныя собранія сословій въ извѣстныхъ случаяхъ, по какому-нибудь вопросу, касающемуся отдѣльно того или другого сословія, напримѣръ, собраніе выборныхъ отъ купечества по вопросу о торговлѣ. Надобно, чтобъ правительство созывало такія собранія, нарочно съ этою цѣлію, предлагая тотъ или другой вопросъ на обсужденіе. Существующія собранія дворянства, купечества, мѣщанства получили уже особенный свой смыслъ въ полуторастолѣтній періодъ,—и мнѣніе не привыкло быть на нихъ правдивымъ и откровеннымъ; оно не будетъ, можетъ быть, такимъ даже и тогда,

еслибъ правительство вздумало на нихъ предложить какой-нибудь вопросъ на разсужденіе. Поэтому, думаю я, лучше собирать нарочныя собранія того или другого сословія, когда представится вопросъ, на который правительство сочтетъ нужнымъ спросить мнѣніе сословія. Такія собранія, какъ и земскіе соборы (когда земскіе соборы станутъ возможны) не должны быть обязанностью для правительства и не должны быть періодичными. Правительство созываетъ соборы и требуетъ мнѣнія, когда вздумаетъ.

Въ настоящее время земскій соборъ можетъ быть для правительства замѣненъ до нѣкоторой степени общественнымъ мнѣніемъ. Въ настоящее время въ общественномъ мнѣніи можетъ правительство почерпать тѣ нужныя для него указанія и свѣдѣнія, которыя яснѣе способенъ изложить земскій соборъ, когда онъ будетъ возможенъ.

Давая свободу жизни и свободу духа странѣ, правительство даетъ свободу общественному мнѣнію. Какъ-же можетъ выразиться общественная мысль?—Словомъ, устнымъ и письменнымъ. Слѣдовательно, необходимо снять гнетъ съ устнаго и письменнаго слова. Пусть государство возвратитъ землѣ, ей принадлежащее: мысль и слово, и тогда земля возвратитъ правительству то, что ему принадлежитъ: свою довѣренность и силу.

Человѣкъ созданъ отъ Бога существомъ разумнымъ и говорящимъ. Дѣятельность разумной мысли, духовная свобода есть призваніе человѣка.

Свобода духа болѣе всего и достойнѣе всего выражается въ свободѣ слова. Поэтому свобода слова—вотъ неотъемлемое право человѣка.

Въ настоящее время, слово, этотъ единственный органъ земли, находится подъ тяжкимъ гнетомъ. Наибольшій гнетъ тяготѣетъ надъ словомъ письменнымъ (я разумѣю и печатное слово). Понятно, что при такой системѣ цензура должна была дойти до невѣроятныхъ несообразностей.

И точно, многочисленные примѣры такихъ несообразностей извѣстны всѣмъ. Надобно, чтобъ этотъ тяжкій гнетъ, лежащій на словѣ, былъ снятъ.

Разумѣется-ли подъ этимъ уничтоженіе цензуры? Нѣтъ. Цензура должна остаться, чтобы охранять личность человѣка. Но цензура должна быть какъ можно болѣе свободна относительно мысли и всякаго мнѣнія, какъ скоро оно не касается личности. Я не вхожу въ обозначеніе предѣловъ этой свободы, но скажу только, что чѣмъ шире будутъ они, тѣмъ лучше. Если найдутся злонамѣренные люди, которые захотятъ распространять вредныя мысли, то найдутся люди благонамѣренные, которые обличатъ ихъ, уничтожатъ вредъ и тѣмъ доставятъ новое торжество и новую силу правдѣ.

Истина, дѣйствующая свободно, всегда довольно сильна, чтобъ защитить себя и разбить въ прахъ всякую ложь. А если истина не въ силахъ сама защитить себя, то ее ничто защитить не мо-

жетъ. Но не вѣрить въ побѣдоносную силу истины значило-бы не вѣрить въ истину. Это безбожіе своего рода: ибо Богъ есть истина.

Со временемъ должна быть полная свобода слова и устнаго, и письменнаго, когда будетъ понято, что свобода слова неразрывно соединена съ неограниченною монархіею, есть ея вѣрная опора, ручательство за порядокъ и тишину и необходимая принадлежность нравственнаго улучшенія людей и человѣческаго достоинства.

Есть въ Россіи отдѣльныя внутреннія язвы, требующія особыхъ усилій для исцѣленія. Таковы: расколъ, крѣпостное состояніе, взяточничество. Я не предлагаю здѣсь о томъ своихъ мыслей, ибо это не было моею цѣлью при сочиненіи этой записки. Я указываю здѣсь на самыя основы внутренняго состоянія Россіи, на то, что́ составляетъ главный вопросъ и имѣетъ важнѣйшее общее дѣйствіе на всю Россію. Скажу только, что истинныя отношенія, въ которыя станетъ государство къ землѣ, что общественное мнѣніе, которому дается ходъ, оживя весь организмъ Россіи, подѣйствуютъ цѣлительно и на эти язвы, въ особенности-же на взяточничество, для котораго такъ страшна гласность общественнаго мнѣнія. Сверхъ того, общественное мнѣніе можетъ указать на средства противъ золъ народныхъ и государственныхъ, какъ и противъ всякихъ золъ.

Да возстановится древній союзъ правительства съ народомъ, государства съ землею, на прочномъ основаніи истинныхъ коренныхъ русскихъ началъ.

Правительству—неограниченная свобода *правленія*, исключительно ему принадлежащая; народу — полная свобода *жизни* и внѣшней, и внутренней, которую охраняетъ правительство. *Правительству—право дѣйствія*—и, слѣдовательно, закона; *народу—право мнѣнія*—и, слѣдовательно, слова.

Вотъ русское гражданское устройство! Вотъ единое истинное гражданское устройство.

1855 года.

Константинъ Аксаковъ.

IV.

Дополненіе къ „Запискѣ о внутреннемъ состояніи Россіи“.

Въ „Запискѣ о внутреннемъ состояніи Россіи“ я указалъ на *основныя начала русскія*, на то, что эти начала *были нарушены*, вслѣдствіе чего и произошло великое зло,—и, наконецъ, на то, что эти начала *должны быть возстановлены*, для исцѣленія отъ этого великаго зла и для блага Россіи.

Но, скажутъ, кромѣ общихъ началъ, нужно ихъ примѣненіе въ жизни, нужна *практическая* сторона дѣла.

Цѣль этого дополненія къ „Запискѣ“—сказать о томъ, какого рода практическія указанія возможны въ настоящую минуту.

На это даетъ отвѣтъ самая „Записка“, если извлечь изъ нея основной смыслъ.

Христіанину, имѣющему вѣру истинную, истинныя общія начала христіанскія, можно указать на тѣ или другія его дѣйствія, несогласныя съ его собственною вѣрою, можно дать частные, *практическіе* (чтобы употребить любимое многими слово) совѣты, и этого будетъ довольно.

Но что́ скажу я ренегату, отступившему отъ истинной вѣры? Одно: обратись къ истинной вѣрѣ, начни вновь исповѣдывать истинную. Это первый и единственно-возможный совѣтъ для ренегата. Ужели упрекнутъ, что въ этомъ совѣтѣ нѣтъ практической стороны?

Между тѣмъ, въ немъ лежитъ высшій смыслъ жизни. Жизнь не называется-же практикой, но что́-же существеннѣе и дѣйствительнѣе жизни? Она источникъ всего и объемлетъ собою все.

Россія въ такомъ точно положеніи, какъ ренегатъ: она отступила отъ основныхъ истинныхъ русскихъ началъ. Ей, какъ ренегату, одинъ совѣтъ: обратиться вновь къ русскимъ началамъ.

Вотъ первый и единственно-существенный совѣтъ для Россіи; ибо при удержаніи теперешней системы—никакое улучшеніе, никакая польза и никакіе совѣты невозможны.

Ужели упрекнутъ опять, что въ этомъ совѣтѣ нѣтъ практической стороны? Но опять въ немъ лежитъ высшій смыслъ жизни. Страна, народъ движется нравственною силою, вѣруетъ, молится,

слабѣетъ и крѣпнетъ въ вѣрѣ, падаетъ и возвышается духомъ, слѣдовательно, *живетъ* и, слѣдовательно, вопросъ *жизни* есть для народа первый всеобъемлющій вопросъ.

Если-же подъ практическою стороною разумѣть осуществленіе чего-бы-то ни было на дѣлѣ, то этотъ жизненный совѣтъ: *обратиться къ истиннымъ русскимъ началамъ*—имѣетъ, безспорно, свою практическую сторону, и эта практическая сторона должна быть указана.

Итакъ, дѣло въ томъ теперь, какія-же основныя истинныя русскія начала. Объ этомъ говоритъ моя „Записка о внутреннемъ состояніи Россіи". Но „Запискѣ" недостаетъ сосредоточеннаго вывода, извлеченнаго изъ общихъ указаній и необходимаго для надлежащей ясности и для ощутительнаго показанія дѣйствительнаго, жизненнаго и въ этомъ смыслѣ практическаго значенія.

Вотъ этотъ выводъ, оправданіе котораго находится въ самой „Запискѣ о внутреннемъ состояніи Россіи".

I. Русскій народъ, не имѣющій въ себѣ политическаго элемента, отдѣлилъ государство отъ себя и государствовать не хочетъ.

II. Не желая государствовать, народъ предоставляетъ правительству неограниченную власть государственную.

III. Взамѣнъ того, русскій народъ предоставляетъ себѣ нравственную свободу, свободу жизни и духа. .

IV. Государственная неограниченная власть, безъ вмѣшательства въ нее народа, — можетъ быть только неограниченная монархія.

V. На основаніи такихъ началъ зиждется русское гражданское устроиство: правительству (необходимо монархическому)—неограниченная власть государственная, политическая; народу—полная свобода нравственная, свобода жизни и духа (мысли, слова). Единственно, что самостоятельно можетъ и долженъ предлагать безвластный народъ полновластному правительству, это *мнѣніе* (слѣдовательно, сила чисто-нравственная), мнѣніе, которое правительство вольно принять и не принять.

VI. Эти истинныя начала могутъ быть нарушены и съ той, и съ другой стороны.

VII. При нарушеніи ихъ со стороны народа, при ограниченіи власти правительства слѣдовательно, при вмѣшательствѣ народа въ правительство,—не можетъ быть нравственной свободы народной. Вмѣшиваясь въ правительство, народъ прибѣгаетъ къ внѣшней, принудительной силѣ, измѣняетъ своему пути внутренней, духовной свободы и силы—и непремѣнно портится нравственно.

VIII. При нарушеніи этихъ началъ со стороны правительства, при стѣсненіи правительствомъ въ народѣ свободы нравственной, свободы жизни и духа,—неограниченная монархія обращается въ деспотизмъ, въ правительство безнравственное, гнетущее всѣ нравственныя силы и развращающее душу народа.

IX. Начала русскаго гражданскаго устройства не были нару-

шены въ Россіи со стороны народа (ибо это его коренныя, народныя начала); —но были нарушены со стороны правительства. То-есть: правительство вмѣшалось въ нравственную свободу народа, стѣснило свободу жизни и духа (мысли, слова) и перешло такимъ образомъ въ душевредный деспотизмъ, гнетущій духовный міръ и человѣческое достоинство народа, и, наконецъ, обозначившійся упадкомъ нравственныхъ силъ въ Россіи и общественнымъ развращеніемъ. Впереди-же этотъ деспотизмъ угрожаетъ или совершеннымъ разслабленіемъ и паденіемъ Россіи, на радость враговъ ея, или-же искаженіемъ русскихъ началъ въ самомъ народѣ, который, не находя свободы нравственной, захочетъ, наконецъ, свободы политической, прибѣгнетъ къ революціи и оставитъ свой истинный путь. И тотъ, и другой исходъ ужасны, ибо и тотъ, и другой гибельны: одинъ въ матеріальномъ и нравственномъ, другой въ одномъ нравственномъ отношеніи.

X. Итакъ, нарушеніе со стороны правительства русскаго гражданскаго устройства, похищеніе у народа нравственной его свободы, однимъ словомъ, отступленіе правительства отъ истинныхъ русскихъ началъ,—вотъ источникъ всякаго зла въ Россіи.

XI. Поправленіе дѣла, очевидно, зависитъ отъ правительства.

XII. Правительство наложило нравственный и жизненный гнетъ на Россію; но должно снять этотъ гнетъ. Правительство отступило отъ истинныхъ началъ русскаго гражданскаго устройства; оно должно воротиться къ этимъ началамъ, а именно:

Правительству — неограниченная власть государственная: народу — полная свобода нравственная, свобода жизни и духа. Правительству—право дѣйствія и, слѣдовательно, закона; народу—право мнѣнія и, слѣдовательно, слова.

Вотъ единственный существенно-жизненный совѣтъ для Россіи въ настоящее время.

XIII. Но какъ-же его привести въ исполненіе?

Отвѣтъ на это находится въ самомъ указаніи общихъ началъ. Духъ живетъ и выражается въ словѣ. Свобода духовная или нравственная народа есть *свобода слова.*

XIV. Итакъ, *свобода слова*, вотъ что̀ нужно Россіи, вотъ прямое приложеніе общаго начала къ дѣлу, до того съ нимъ нераздѣльное, что свобода слова есть и начало (принципъ), и явленіе (фактъ).

XV. Но и не удовлетворяясь тѣмъ, что свобода слова, а потому и общественное мнѣніе, существуетъ, правительство чувствуетъ иногда нужду само вызывать общественное мнѣніе. Какимъ образомъ можетъ правительство вызвать это мнѣніе?

Древняя Русь указываетъ намъ и на дѣло самое, и на способъ. Цари наши вызывали, въ важныхъ случаяхъ, общественное мнѣніе всей Россіи и созывали для того *Земскіе Соборы*, на которыхъ были выборные всѣхъ сословій и со всѣхъ концовъ Россіи. Такой земскій соборъ имѣетъ значеніе *только мнѣнія*, которое Государь можетъ принять и не принять.

Итакъ, изъ всего сказаннаго въ моей „Запискѣ“ и объясненнаго въ этомъ „Дополненіи“ вытекаетъ ясное, опредѣленное, прилагаемое къ дѣлу и, въ этомъ смыслѣ, *практическое* указаніе: что́ нужно для внутренняго состоянія Россіи, отъ котораго зависитъ и внѣшнее ея состояніе.

Именно:

Полная *свобода слова* устнаго, письменнаго и печатнаго — всегда и постоянно; и *Земскій Соборъ* — въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство захочетъ спросить мнѣніе страны.

Внутренній общій союзъ жизни, — сказалъ я въ своей „Запискѣ“, до того ослабѣлъ въ Россіи, сословія въ ней то того отдалились другъ отъ друга, вслѣдствіе полуторастолѣтней деспотической системы правительства, что земскій соборъ, въ настоящую минуту, не могъ-бы принести своей пользы. Я говорю: *въ настоящую минуту*, то-есть, немедленно. Земскій соборъ непремѣнно полезенъ для государства и земли, и нужно пройти нѣкоторому только времени, чтобы правительство могло воспользоваться мудрымъ указаніемъ древней Руси и созвать земскій соборъ.

Открыто возвѣщаемое общественное мнѣніе — вотъ чѣмъ въ настоящую минуту можетъ быть замѣненъ для правительства земскій соборъ; но для того необходима свобода слова, которая дастъ правительству возможность созвать вскорѣ, съ полною пользою для себя и народа земскій соборъ. Въ запискѣ своей призналъ я нужнымъ нѣкоторый переходъ къ полной свободѣ слова,—переходъ черезъ наибольшее смягченіе цензуры относительно всякой мысли и всякаго мнѣнія и чрезъ удержаніе цензуры покуда, какъ огражденія личности. Переходъ этотъ долженъ быть непродолжителенъ и привести къ полной свободѣ слова.

Въ „Запискѣ“ своей показываю я неосновательность страха тѣхъ, которые боятся свободы слова.

Этотъ страхъ есть невѣріе въ истину, въ ея побѣдоносную силу, есть безбожіе своего рода, ибо Богъ есть истина. Христіанская проповѣдь имѣла противъ себя всю свободу языческаго слова, и побѣдила. Ужели мы невѣрною, малодушною душою смутимся за Божію истину (ибо нѣтъ другой)? Не знаемъ-ли мы, что Господь нашъ съ нами до скончанія вѣка?

При нравственной свободѣ и нераздѣльной съ нею свободѣ слова, только и возможна неограниченная благодѣтельная монархія; безъ нея, она—губительный, душевредный и недолговѣчный деспотизмъ, конецъ котораго—или паденіе государства, или революція. Свобода слова есть вѣрная опора неограниченной монархіи: безъ нея, она (монархія)—непрочна.

Времена и событія мчатся съ необычайною быстротою. Настала строгая минута для Россіи. Россіи нужна правда. Медлить—некогда. Не обинуясь скажу я, что, по моему мнѣнію, свобода слова необходима безъ отлагательствъ. Вслѣдъ за нею правительство съ пользою можетъ созвать Земскій Соборъ.

Итакъ, еще разъ:

Свобода слова необходима.

Земскій Соборъ нуженъ и полезенъ.

Вотъ практическій выводъ моей „Записки о внутреннемъ состояніи Россіи“ и „Дополненія“ къ ней.

Считаю должнымъ еще прибавить два примѣчанія.

1) Какую-же пользу принесетъ свобода слова, спросятъ, быть можетъ, нѣкоторые?

Это объяснить, кажется, не трудно.

Откуда происходитъ внутренній развратъ, взяточничество, грабительство и ложь, переполнившія Россію? Отъ общаго униженія нравственнаго. Слѣдовательно, надобно нравственно возвысить Россію. Какъ-же возвысить нравственно? Признать и уважать въ человѣкѣ человѣка, а это иначе быть не можетъ, какъ тогда, когда признаютъ за человѣкомъ право слова, свободнаго слова, неразлучнаго съ нравственной, духовной свободой, которая есть неотъемлемая принадлежность высокаго духовнаго существа человѣческаго.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ иначе избавиться отъ взяточничества и другихъ неправдъ?

Вы устраните однихъ взяточниковъ,— на мѣсто ихъ явятся другіе, еще хуже, порождаемые безпрерывно испорченною нравственною почвою, образующіеся изъ униженія человѣческаго достоинства. Одно средство противъ этого зла—возвысить нравственно человѣка; а безъ свободы слова это невозможно.

Итакъ, свобода слова, уже сама по себѣ, непремѣнно возвыситъ нравственно человѣка.

Конечно, воры всегда будутъ встрѣчаться; но это уже будетъ частный, личный грѣхъ; тогда какъ теперь взяточничество и другія подобныя гнусныя дѣла — грѣхъ общественный. Кромѣ того, когда по всей Россіи грянетъ одинъ общій открытый голосъ на взятки и грабежъ, когда вся Россія укажетъ всенародно на піявицъ, сосущихъ ея лучшую кровь, тогда по неволѣ придутъ въ ужасъ самые отчаянные воры и взяточники. Правда любитъ день и свѣтъ, а неправда—ночь и темноту. Стѣсненіе общественнаго слова, распространяло въ Россіи столь благопріятную для неправды ночь.

Со свободою слова взойдетъ день, котораго такъ боится неправда; свѣтъ вдругъ озаритъ безбожныя дѣла въ обществѣ на показъ всему міру; имъ негдѣ будетъ укрыться, и они должны будутъ бѣжать изъ общества. Къ тому-же все станетъ видно и для правительства, праведный громъ котораго грянетъ вѣрно.

Наконецъ, при свободѣ слова, общественное мнѣніе укажетъ на многія полезныя мѣры, на многихъ достойныхъ людей, равно какъ и на многія ошибки и на многихъ людей недостойныхъ.

2) Нравственная свобода человѣка, признанная правительствомъ въ свободѣ слова, будетъ, само собою разумѣется, признана имъ и въ другихъ, хотя и мелкихъ, ея проявленіяхъ въ

жизни. Одно изъ такихъ проявленій, напримѣръ, есть частная (партикулярная) одежда.

Я разумѣю здѣсь не одно платье, но способъ носить волосы, бороду, однимъ словомъ, я разумѣю здѣсь *костюмъ* (нарядъ) человѣка. Частная одежда есть прямое проявленіе жизни, быта, вкуса и государственнаго въ себѣ не имѣетъ.

Но доселѣ такъ еще стѣснена свобода жизни, что даже одежда частнаго человѣка подлежитъ у насъ запрещенію.

Одежда не важна сама по себѣ, но, какъ скоро правительство даже вмѣшивается въ одежду народа, то одежда, именно по своей незначительности, становится тогда важнымъ указателемъ, до какой степени стѣснена свобода жизни въ народѣ.

Доселѣ русскій дворянинъ, даже внѣ службы, не можетъ носить русской одежды. Съ нѣкоторыхъ дворянъ русскихъ, надѣвшихъ-было русскую одежду, взята черезъ полицію подписка: *бороды не носить*, отчего они и принуждены были снять русское платье, ибо борода есть часть русскаго наряда*).

Итакъ, даже въ этомъ пустомъ проявленіи жизни, въ одеждѣ, правительство наше продолжаетъ стѣснять свободу жизни, свободу вкуса, свободу народнаго чувства,—однимъ словомъ, нравственную.

Говорю съ совершенной откровенностью свои мысли, какъ въ „Запискѣ“, такъ и въ „Дополненіи“—и исполняю тѣмъ долгъ свой къ Отечеству и Государю.

---

*) Таковая подписка взята была съ Хомякова. Отецъ автора записки, больной старикъ, почти не выѣзжавшій изъ дому и отпустившій себѣ бороду, также былъ обязанъ подпискою у себя на дому: «бороду сбрить и впредь оную не отпускать“. *Прим. И. С. Аксакова.*

V.

Самодержавіе и правовой порядокъ.

(Изъ статьи Аѳ. В. Васильева въ „Благовѣстѣ“ за 1890 г., озаглавленной „Задачи и стремленія славянофильства“).

Правовой порядокъ“ есть не что иное, какъ царство закона, къ установленію котораго обязано стремиться каждое государство, безъ различія политическихъ формъ. Государство по самой своей идеѣ есть явленіе правоваго порядка,—правовое, а потому воевать въ какомъ-бы-то ни было государствѣ съ правовымъ порядкомъ могутъ только злонамѣренность или неразумѣе, ибо это значитъ — воевать именно съ государствомъ, возставать на самую его сущность!

Изъ того, что русскій народъ возлагаетъ свои надежды на самодержавнаго Государя, вовсе не слѣдуетъ, чтобы этотъ народъ не тяготился своимъ безправіемъ и всяческимъ надъ нимъ самоуправствомъ; чтобы онъ не замѣчалъ и не сознавалъ господствующаго надъ нимъ безпорядка вещей, которымъ терзается и растлѣвается его родная земля, и чтобы онъ не желалъ для себя и для нея выхода изъ этого положенія—въ устраненіи произвола и установленіи твердаго правоваго порядка, при которомъ голосъ народа доходилъ-бы безпрепятственно до слуха Царя, и обратно—велѣнія царскія не утрачивали своей силы на пути къ народу. Народъ не желаетъ, чтобы царская власть передала часть своихъ правъ и обязанностей въ руки какихъ-либо партій; но онъ не желаетъ этого именно потому, что онъ видитъ и чтитъ въ своемъ Царѣ не суроваго, пристрастнаго и неразборчиваго въ средствахъ деспота, какими зачастую бываютъ вожаки и главы политическихъ партій, а равно о всѣхъ своихъ дѣтяхъ заботливаго, справедливаго и милостиваго къ нимъ отца. Никто не осуждалъ такъ деспотизма во всѣхъ его видахъ и проявленіяхъ, какъ истинное славянофильство, которое въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ всегда стремилось быть и было вѣрнымъ выразителемъ народнаго духа. Взглядъ славянофиловъ на царя-деспота достаточно ярко выраженъ отцомъ славянофильства А. С. Хомяковымъ въ образѣ библейскаго царя Новуходоносора, и славянофильству всегда будетъ чужда мысль, — какими-бы ни была она обставлена ограниченіями и оговорками, — что деспотизмъ

можетъ, когда-бы-то ни было и при какихъ-бы-то ни было обстоятельствахъ, быть полезенъ государству или Государю.

Русскій народъ, олицетворяя въ образѣ православнаго самодержавнаго Царя всю свою народную мощь, придаетъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ и опредѣленный нравственный обликъ, надѣляетъ его, кромѣ вещественной силы, и опредѣленными нравственными качествами, безъ которыхъ онъ своего Царя и не мыслитъ. Славянофильство, оставаясь въ этомъ отношеніи вѣрнымъ народу, идеалъ царскаго самодержавія представляетъ себѣ такъ:

Родной народу по крови и духу, православный Русскій Государь, неограниченный въ своей дѣятельности какими-либо формальными условіями, но въ согласіи съ свободнымъ и сознательно участвующимъ въ дѣлѣ государственнаго строенія народомъ, свободно располагающій всѣми государственными силами; правящій по внушеніямъ своей личной совѣсти, сообразно духу Православія, свѣтлымъ преданіямъ исторіи и нуждамъ народа; почтительный къ Церкви, высоко несущій народное имя, грозно стерегущій народное достояніе и честь; съ чужими осторожный, своимъ соотечественникамъ всегда доступный, уважающій ихъ достоинство и мысль, чуткій къ ихъ нуждамъ и желаніямъ, о рѣшительныхъ для государства и народа дѣлахъ совѣтующійся съ Церковью и народомъ: таковъ идеалъ самодержавнаго Государя въ сердцахъ русскаго народа и въ умахъ истинныхъ представителей славянофильства.

Такое самодержавіе Государя не только можетъ и должно уживаться съ церковною и гражданскою свободою народа и съ самымъ широкимъ и полнымъ его самоуправленіемъ; но безъ такой свободы и самоуправленія, по мнѣнію славянофильства, истинное самодержавіе и невозможно.

Честолюбцы и хищники, надѣвая на себя личину особеннаго оффиціальнаго благочестія и казеннаго патріотизма, посредствомъ наушничества и продажной печати, стараются внушить и утвердить ту ложную мысль, что, будто-бы, для народнаго благочестія и полноты царской власти, необходимы административный и сословный произволъ, нѣмота и безправіе народа. Но эти мнимые „охранители“ Церкви и Престола подкапываются подъ нихъ хуже анархистовъ. Ибо ничто не подрываетъ такъ въ народѣ уваженія къ Церкви и религіознаго чувства, какъ кощунственно-набожныя рѣчи разныхъ содомитовъ и ханжей и притязанія ихъ покровительствовать Церкви, и ничто не въ состояніи такъ уронить обаяніе власти, какъ постоянное противуположеніе ея людьми, объявляющими себя особенно ревностными ея защитниками и слугами, всему тому, что дорого каждому не утратившему своего достоинства человѣку: личной безопасности, равенству всѣхъ передъ закономъ, самоуправленію и независимому суду.

Истинное славянофильство никогда не было глашатаемъ и проводникомъ ни идей такъ называемаго „просвѣщеннаго абсолютизма“, ни новѣйшей теоріи абсолютизма, свободнаго даже и отъ

просвѣщенія. Славянофильство никогда не было сторонникомъ и защитникомъ переносившихся къ намъ изъ чужи формъ противуположившаго себя народу полицейскаго и солдатскаго государства. По убѣжденію славянофильства, для правильнаго, благополучнаго и прочнаго существованія государства и народа необходимо ладное и стройное сочетаніе свободной въ своихъ рѣшеніяхъ Государевой власти съ земскимъ самоуправленіемъ, народною и личною свободой. Этотъ свой государственный идеалъ славянофильство не измыслило, а взяло его изъ дѣйствиной жизни — изъ нашей отечественной исторіи. Владиміръ Мономахъ — князь, и Михаилъ Романовъ — Царь одинаково уважали земское, соборное начало, и ихъ власть и достоинство такъ-же, какъ польза народная, отъ того не страдали. Заимствованные-же изъ чужи понятія и порядки стали тою искусственною преградою, тѣмъ „средостѣніемъ“ между властью и народомъ, которыя справедливо считаются главнѣйшею причиною всѣхъ нашихъ государственныхъ и народныхъ бѣдъ и злоключеній.

VI.

По поводу записки Ю. Ѳ. Самарина о конституціи.

(Статья И. С. Аксакова изъ № 29 „Руси“ 1881 года).

Вотъ и еще замогильный голосъ, такъ во-время, въ назиданіе намъ звучащій,—голосъ, которому въ дни оны и нельзя было раздаться во всеуслышаніе, какъ будто сама судьба задерживала его до настоящей нашей поры, когда онъ именно нуженъ и нужнѣй, чѣмъ въ ту пору, — когда, кажется, самый общественный слухъ, благодаря вразумленію событій, пріобрѣлъ бо́льшую чуткость и воспріимчивость ко всякому трезвому и строгому слову правды. Мы говоримъ про помѣщенную ниже, въ этомъ-же нумерѣ, статью покойнаго Ю. Ѳ. Самарина, друга и сподвижника К. С. Аксакова,—къ „Запискѣ“ котораго, уже знакомой читателямъ, эта статья служитъ какъ-бы дополненіемъ. Никто, конечно, не упрекнетъ Самарина (котораго, какъ гражданскаго дѣятеля, такъ единодушно почтило, послѣ его кончины, русское общество, безъ различія направленій и партій) въ избыткѣ *идеализма*, въ чемъ привыкли винить его друга, и потому единство выводовъ, къ каковымъ они пришли оба, отправившись отъ разныхъ точекъ зрѣнія, представляется тѣмъ болѣе замѣчательнымъ и, думаемъ мы, убѣдительнымъ. Это, впрочемъ, не статья, а черновой проектъ заявленія, которое, по мнѣнію Юрія Ѳедоровича, было-бы полезно пустить въ обращеніе (за подписью его и нѣкоторыхъ единомышленниковъ), какъ протестъ противъ предполагавшагося адреса или ходатайства о дарованіи „конституціи“. Адресъ, впрочемъ, не состоялся, а потому не было и надобности въ подобномъ протестѣ; печатной-же полемики о такомъ предметѣ въ то время и не допускалось. Все это происходило въ самомъ началѣ 1862 или въ самомъ концѣ 1861 года, стало быть, вскорѣ послѣ великаго законодательнаго акта 19 февраля, когда Самаринъ, — одинъ изъ главныхъ участниковъ въ приготовительныхъ работахъ, которыхъ этотъ актъ былъ завершеніемъ, — находился въ званіи члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, въ Самарѣ.

Какъ ни страннымъ кажется это конституціонное поползновеніе

именно въ ту историческую минуту, когда самодержавная русская власть явила себя по истинѣ вполнѣ достойною своего призванія, когда было до очевидности ясно, что колоссальный соціальный переворотъ—освобожденіе отъ крѣпостной зависимости и надѣленіе землею 20 милліоновъ русскихъ людей—только благодаря ей, могъ совершиться путемъ мирнымъ и спокойнымъ, а не революціоннымъ, — однако-жъ этого факта отрицать нельзя.

Съ одной стороны, въ понятіяхъ нѣкоторыхъ, не мирившихся съ утратою крѣпостного права, уничтоженіе этой привилегіи какъбы упраздняло вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ солидарность съ правительствомъ, ограждавшимъ до сихъ поръ ихъ землевладѣльческія преимущества!

Поколебленное соціальное положеніе и матеріальныя жертвы, принесенныя ими на пользу всего государства, открывали, казалось имъ, вполнѣ законный просторъ ихъ политическому властолюбію и аристократическимъ вожделѣніямъ, съ другой, —параллельно съ великой работой освобожденія, подготовительной и исполнительной, поглощавшей, повидимому, вниманіе всего русскаго общества,—параллельно съ нею, не принимая въ ней ровнехонько никакого участія, шла неустанная пропаганда отвлеченнаго радикализма.

Основоположники современнаго нигилизма занимали почти господствующее положеніе въ тогдашней литературѣ и, несмотря на цензуру, съ замѣчательнымъ искусствомъ вели широкую проповѣдь революціонно-соціалистическаго свойства, которая, не имѣя никакой реальной исторической для себя почвы, сѣяла только отвлеченность и пустоту, — умственное и нравственное растлѣніе, плоды котораго не замедлили сказаться, — сказываются и нынѣ. Имъ—этимъ „дѣятелямъ“, этимъ кумирамъ и учителямъ молодежи—не было никакого дѣла ни до той тяжкой задачи, разрѣшеніемъ которой болѣла Россія,—т. е. эмансипаціи крестьянъ, ни до дѣйствительныхъ нуждъ народныхъ, ни до тѣхъ великихъ благихъ реформъ, которыя виднѣлись въ перспективѣ и дѣйствительно были исполнены,—которыя нуждались въ молодыхъ труженикахъ, но къ которымъ эти проповѣдники не призывали, не направляли своихъ молодыхъ адептовъ, толкая ихъ лишь въ озлобленное отрицаніе. Въ оправданіе этихъ сѣятелей зла начала шестидесятыхъ годовъ можно сказать только, что сами они были продуктомъ предшествовавшаго царствованія, — не тѣмъ протестомъ здоровыхъ силъ организма, которыя освобождаютъ его изъподъ власти недуга, а явленіемъ самого недуга, его уродливымъ, злокачественнымъ порожденіемъ.

Не они и не ихъ послѣдователи вынесли на своихъ плечахъ реформы Александра II, а большею частью люди въ родѣ Самарина, который на пятомъ десяткѣ лѣтъ не побрезговалъ кропотливымъ скромнымъ трудомъ и пошелъ въ чернорабочіе, — вмѣстѣ съ тою сравнительно малочисленною фалангою молодыхъ, которая уберегласъ отъ вліянія петербургской журналистики и удалилась въ провинцію на должности мировыхъ посредниковъ.

Вѣрно, пророчески выразился 20 лѣтъ тому назадъ, въ своемъ проектѣ заявленія, Самаринъ о той „общественной силѣ“, передъ которою трусили, за которою, какъ водится, ухаживали даже многіе представители власти того времени, жаждавшіе популярности—сопричисленія къ лику „либераловъ“. „До какой-бы степени помѣшательства ни дошли въ настоящую минуту разгоряченные умы,—говоритъ онъ,—нельзя считать казенныхъ учебныхъ заведеній и литературныхъ кружковъ того или другого цвѣта—силою“. Положимъ, всѣ они могутъ сдѣлать много зла, нагнавъ на Русскую землю *тучу дикихъ понятій, извративъ общественный смыслъ,* сбивъ съ историческаго пути и *сдѣлавъ негодными для жизни нѣсколько поколѣній*“ (сбылась, къ несчастью, печальная правда этихъ словъ!),—„но все это проявленіе *силы чисто отрицательной,* а не творческой и не зиждущей. *Ядъ есть тоже сила,* но сила умерщвляющая, а не дающая жизнь“. Къ этимъ строкамъ можно прибавить лишь одно замѣчаніе, что Самаринъ, хотя и уподобилъ дѣятельность тогдашнихъ нѣкоторыхъ проповѣдниковъ дѣйствію яда, но все-таки, очевидно, не предполагалъ возможности отравы въ такомъ широкомъ объемѣ и въ такой сильной степени, какъ это обнаружено новѣйшими нашими событіями.

Но радикалы того времени, какъ и радикалы нашей позднѣйшей поры, въ сущности о конституціи мало заботились, хотя *мирились* и съ мыслью о конституціи, какъ со средствомъ ослабленія власти и поводомъ къ внутренней смутѣ. Сочувствіе къ конституціи,—явно или тайно выражаемое, смотря по общественному положенію,—было тѣмъ звеномъ, которое соединяло тогдашнихъ людей „прогресса“, людей „благоразумнаго“, „умѣреннаго либерализма, большею частію изъ бюрократической рати, съ одной стороны съ радикалами, съ другой—съ партіею, восчувствовавшею въ себѣ политическое властолюбіе вслѣдъ за утратою извѣстныхъ привилегій. Не питая, конечно, лично никакой симпатіи къ революціоннымъ тенденціямъ, эта партія, „умѣренные“ бюрократы-либералы и иные, важничавшіе „разумнымъ прогрессомъ“ люди,—думали воспользоваться радикализмомъ, какъ пугаломъ, и въ видахъ предотвращенія отъ сей опасности—предложить власти компромиссъ въ родѣ какой-то конституціи, формы которой они, впрочемъ, и сами себѣ не выяснили (да никѣмъ не выяснена она и до сихъ поръ). Радикалы, какъ сказано, со своей стороны не были врагами этого компромисса. Будущій историкъ немало подивится тому, что одновременно съ совершеніемъ великаго, всемірно-историческаго труда, который, казалось, долженъ-бы приковать къ себѣ все вниманіе, притянуть къ себѣ всѣ умственныя и духовныя силы Россіи,—въ ту самую пору, какъ въ уѣздахъ кипѣла живая, честная практическая работа,—въ столицахъ происходило такое колобродство мыслей и чувствъ, такая антипатріотическая, антинаціональная, „либеральная“ *свистопляска* (слово, тогда-же изобрѣтенное), которая уподобляла общество чуть не дому умалишенныхъ. Въ это самое время подготовлялся въ Пе-

тербургѣ въ помощью Сѣраковскихъ, Огрызокъ и одураченныхъ русскихъ „либераловъ“ польскій мятежъ... Мы помнимъ также, какъ внезапно прибылъ въ Москву изъ-за границы и явился къ намъ съ горячею рекомендаціей одного изъ нашихъ талантливыхъ художниковъ, добродушнѣйшаго изъ Русскихъ*), но отличавшагося органическимъ отсутствіемъ всякаго политическаго смысла, — юный *иностранецъ* чуть-ли не польскаго происхожденія, нѣкто Артуръ Бенни, съ заготовленнымъ проектомъ адреса отъ Русскихъ къ Государю. Рекомендовалась, разумѣется, конституція! Этотъ непрошенный, а можетъ быть, даже и прошенный аттестовавшими его Русскими, радѣтель о Россіи предполагалъ собрать для своего адреса *„по крайней мѣрѣ сорокъ тысячъ подписей“!..* Такъ какъ мы уже въ принципѣ не могли допустить никакого иностраннаго вмѣшательства въ русское дѣло, то наше свиданіе съ г. Бенни было коротко, и мы съ тѣхъ поръ его не видали; знаемъ только, что онъ былъ радушно принятъ въ нѣкоторыхъ кругахъ, но адресъ его, конечно, потерпѣлъ полнѣйшее fiasco. Мы упоминаемъ объ этомъ эпизодѣ, какъ о характеристическомъ признакѣ времени, какъ о свидѣтельствѣ; до чего доходила не столько дерзость, сколько наивность, и не юноши Бенни только, но и Русскихъ, съ нимъ няньчившихся: многознаменательная, краснорѣчивая по истинѣ *варварская*,—и въ концѣ концовъ все-таки преступная наивность, заслуживающая историко-психологическаго изслѣдованія!

Такъ какъ посылать адресъ Русскому Царю отъ *публики* было неудобно,—притомъ-же адресъ, хотя-бы и былъ подписанъ всѣми, приписавшими себя къ „прогрессу“ или къ интеллигенціи, какъ выражаются въ наши дни, однако не представилъ-бы не только сорока тысячъ, но и четырехъ сотъ подписей (ибо состоящимъ на государственной службѣ подписываться было-бы прямо невыгодно), то и возникла агитація о сочиненіи адреса отъ какой-нибудь организованной корпораціи или сословія. Имѣлся въ виду съѣздъ дворянъ на выборы, въ первый разъ послѣ изданія манифеста 19 февраля 1861 г. Но отъ словъ перейти къ дѣлу—шагъ великій,—да и политическій тактъ дворянства не допустилъ его на сей разъ до такой грубой политической ошибки... Черезъ годъ вспыхнуло польское возстаніе, подготовленное отчасти самими нашими, обмороченными „либералами“ и разсчитывавшее на содѣйствіе, Поляками-же взлелѣянной, русской революціонной партіи. Разсчеты оказались ошибочными, потому что, когда изъ области внутренней глухой борьбы, изъ нѣдръ внутренняго общественнаго духовнаго броженія, вопросъ выплылъ наружу, въ формѣ доступной общенародному пониманію, т. е. когда дѣло коснулось внѣшней чести, достоинства и цѣлости государства,—пробудились историческіе инстинкты, и духъ народный воспрянулъ во всей силѣ, а отрицательно-либеральныя, разлагающія силы присмирѣли на время, въ ожиданіи

*) И. С. Тургенева. *Прим. изд.*

благопріятной поры. (Она и наступила вслѣдъ за минованіемъ опасности).

Въ этотъ-то промежутокъ времени, между освобожденіемъ крестьянъ и польскимъ возстаніемъ, когда слухи о готовившемся конституціонномъ адресѣ дошли до Самары, Ю. Ѳ. Самаринъ и прислалъ къ намъ (мы тогда приступили къ изданію „Дня“), на наше распоряженіе, напечатанный въ этомъ № проектъ заявленія. Такъ какъ заявленіе имѣло характеръ гражданскаго дѣйствія, протеста, вынужденнаго гражданскимъ-же дѣйствіемъ противуположнаго направленія, то въ такого рода дѣйствіи, по нашему соображенію, и не представлялось уже достаточнаго основанія, какъ скоро мысль объ адресѣ была оставлена: мы признали болѣе приличнымъ ограничиться чисто литературною, хотя нѣсколько и отвлеченною борьбою съ принципами, разъѣдавшими русское общество, и вызовомъ къ жизни, по мѣрѣ возможности, положительныхъ стремленій и силъ.

Въ то время отсутствіе свободы печатнаго слова,—той доли свободы, которою мы теперь пользуемся,—являлось однимъ изъ самыхъ крѣпкихъ оплотовъ отрицательнаго и западно-либеральнаго направленія. Защитникамъ русскаго историческаго и народнаго принципа приходилось сдерживать свои нападенія, съ одной стороны, для того, чтобы по недосказанности избѣжать смѣшенія съ толпою подлыхъ человѣкоугодниковъ,—съ другой—для того, чтобы не подать противникамъ дешеваго способа уклоняться отъ спора, съ видомъ лежачаго или жертвы, которая, будто-бы, имѣла нѣчто сказать ниспровергающее и неопровержимое, но осуждена на молчаніе. Этимъ въ высшей степени выгоднымъ положеніемъ наши противники и пользовались, ловко проводя между строкъ свои теоріи, пріучивъ публику разумѣть ихъ по одному неуловимому для цензуры намеку,— и въ то-же время преграждая возможность всякаго честнаго возраженія—обвиненіемъ противника въ „доносѣ“, средство несовсѣмъ добросовѣстное, но достигавшее цѣли. Въ то время событія еще не ставили вопроса объ упомянутомъ историческомъ принципѣ такъ рѣзко и повелительно, какъ въ наши дни, когда самое благо нашей страны требуетъ, чтобы каждый исповѣдалъ прямо и открыто свои убѣжденія, заявилъ себя по ту или по другую сторону; когда имѣется возможность спора почти безъ недомолвокъ, и нѣтъ опасности, по недосказанности, подать поводъ къ оскорбительнымъ недоразумѣніямъ. Конечно, никто теперь не дерзнетъ причислить К. С. Аксакова и Ю. Ѳ. Самарина къ сонму льстецовъ и человѣкоугодниковъ. Но въ то время, когда Самаринъ писалъ этотъ проектъ публичнаго заявленія, такое заявленіе представлялось дѣломъ своего рода гражданскаго мужества и вело прямо къ утратѣ „популярности“ въ средѣ большинства русскаго общества. Этимъ и объясняются слѣдующія строки Самарина: „Какъ ни ничтожны два-три голоса въ массѣ голосовъ, поднявшихъ современную разноголосицу, какъ ни несомнѣнно, что эти одинокіе голоса будутъ заглушены крикомъ, топаньемъ, сви-

стомъ и *всѣми орудіями убѣжденія современныхъ „прогрессистовъ“* (современныхъ „либераловъ“, можно-бы сказать теперь), однако въ настоящую минуту *молчать грѣшно*. Мы настолько устарѣли въ своихъ понятіяхъ, что для насъ свистъ не опроверженіе, рукоплесканіе не доказательство, а успѣхъ не мѣрило убѣжденія. Безъ всякой надежды на успѣхъ, мы просто считаемъ долгомъ совѣсти, гласно и безъ всякихъ недомолвокъ высказать то, что мы думаемъ по поводу современныхъ толковъ объ ограниченіи самодержавія въ Россіи“.

Хотя заявленіе Самарина написано двадцать лѣтъ тому назадъ, однако-же, къ сожалѣнію, мало того—къ истинному ужасу—оно, кажется за исключеніемъ нѣкоторыхъ частностей, написаннымъ какъ-бы вчера! Мы говоримъ „къ ужасу“ потому, что этимъ доказывается, какъ мало подвинулось русское общественное сознаніе въ эти двадцать лѣтъ, какъ, напротивъ, только усиливался и росъ, указанный Самаринымъ, недугъ... Конечно, *внѣшней* опасности сойти съ историческаго національнаго пути Россіи не грозитъ, какъ не грозило и тогда, а теперь, можно думать, грозитъ и еще менѣе послѣ того, какъ недугъ объявился воочію такимъ страшнымъ пароксизмомъ, какъ событіе 1 марта. Можно даже уповать, что этотъ пароксизмъ—въ то-же время и благодѣтельный кризисъ, но слишкомъ предаваться такому упованію было-бы еще рано. Несомнѣнно одно, что власть въ союзѣ съ народомъ, вполнѣ могущественная, для предотвращенія всякой внѣшней опасности, въ то-же время своими внѣшними средствами не можетъ спасти общество безъ него самого, безъ усилія его собственной воли, отъ нравственныхъ, духовныхъ золъ, его разъѣдающихъ. Та отрицательная сила, о которой пишетъ Самаринъ, развѣ она не продолжаетъ, какъ въ 1862 г., „нагонять на Русскую землю тучу дикихъ понятій, извращать общественный смыслъ, сбивать съ исторической колеи и дѣлать негодными для жизни цѣлыя поколѣнія“?! Нельзя внѣшними средствами велѣть отрицательной силѣ стать положительною или перестать быть и творить, разъ ужь она завелась. Для этого необходимо внутреннее перевоспитаніе самого общества и тотъ въ немъ самомъ преизбытокъ началъ положительныхъ, который-бы и помимо власти, свободно, органически удерживалъ въ предѣлахъ развитіе отрицательнаго начала. Къ этому и должны быть направлены усилія всѣхъ честныхъ, любящихъ родную землю людей. Но многое, конечно, можетъ и власть, движимая духомъ любви и истины. Признавая вмѣстѣ съ Самаринымъ, что Верховная власть и народъ представляютъ пока у насъ единственныя историческія положительныя силы, мы думаемъ, однако, что первая со временъ Петра была сама не свободна отъ ржавчины отрицанія, отрицанія не какихъ-либо высшихъ отвлеченныхъ, но историческихъ, жизненныхъ, народныхъ началъ. Отъ этой-то ржавчины и необходимо ей вполнѣ избавиться, чтобъ стать снова и вполнѣ силою творческою и зиждущею. Нужно, чтобъ освѣжился союзъ Царя съ на-

родомъ новымъ, тѣснѣйшимъ сближеніемъ; нужно, чтобъ земля не чувствовала себя сирою, отчужденною, отдаленною, какъ прежде, чтобъ черствое слово Петровской нѣмецкой команды смѣнилось словомъ—властнымъ вполнѣ, но однако-же роднымъ, внятнымъ, любовнымъ, чтобъ не холодомъ вѣяло отъ власти, но чтобъ власть свѣтила, живила и грѣла, являя себя вездѣ, всюду дѣятельно и благотворно, чтобъ неправдою, наконецъ, стала скорбная народная поговорка: „до Царя—далеко“!...

VII.

По поводу толковъ о конституціи.

(Проектъ заявленія, написанный въ 1862 г. Юріемъ Ѳедоровичемъ Самаринымъ).

Носится слухъ, что въ Москвѣ готовится какой-то адресъ къ подписанію съ требованіемъ конституціи. Я, разумѣется, отказываюсь этому вѣрить и всѣмъ говорю, что это вздоръ, неправда. Но въ наше время столько случается невозможнаго и безсмысленнаго, что, пожалуй, чего добраго, и на эту тему разыграютъ какую-нибудь дурацкую пародію. Если это правда, то я предлагаю подписать и пустить въ ходъ нѣчто въ родѣ слѣдующаго.

Какъ ни ничтожны два-три голоса въ массѣ голосовъ, поднявшихъ современную разноголосицу, какъ ни несомнѣнно, что эти одинокіе голоса будутъ заглушены крикомъ, топаньемъ, свистомъ и всѣми орудіями убѣжденія современныхъ прогрессистовъ, однако въ настоящую минуту молчать грѣшно. Мы настолько устарѣли въ своихъ понятіяхъ, что для насъ свистъ не опроверженіе, рукоплесканіе не доказательство, а успѣхъ не мѣрило убѣжденія.

Безъ всякой надежды на успѣхъ, мы просто считаемъ долгомъ совѣсти гласно и безъ всякихъ недомолвокъ высказать то, что мы думаемъ по поводу современныхъ толковъ объ ограниченіи самодержавія въ Россіи.

Мы не признаемъ выработанной западною схоластикою и нашимъ духовенствомъ повторяемой съ чужого голоса теоріи de Jure divino. Утверждать, что въ силу божественнаго закона верховная государственная власть принадлежитъ какой-бы-то ни было династіи по праву, ей *прирожденному*, что цѣлый народъ отданъ Богомъ въ крѣпостную собственность одному лицу или роду—мы считаемъ богохульствомъ. Законъ Божественный благословляетъ власть государственную *вообще* и вмѣняетъ каждому лицу покоряться ей, потому что государственный строй (*тотъ или другой*), какъ существенное условіе общежитія, служитъ къ достиженію предназначенныхъ человѣчеству цѣлей. Въ этомъ смыслѣ: „нѣсть власть, аще не отъ Бога“. Но что такое *власть* и что признавать „*властью*“? Этого вопроса Церковь не рѣшаетъ. Онъ до нея не касается. Спаситель и Апостолы создали Церковь и дали человѣчеству ученіе объ отношеніи человѣка къ

Богу; но они не создавали государственныхъ формъ и не писали конституцій. Выработать себѣ государственную форму, монархическую ограниченную или неограниченную, аристократическую или республиканскую—это дѣло самого народа. Каждый народъ создаетъ себѣ *власть* по своимъ потребностямъ и убѣжденіямъ, и эта власть, имъ поставленная, получаетъ значеніе власти *обязательной* для каждаго лица, къ тому народу принадлежащаго.

Высказавъ въ этомъ отношеніи наше убѣжденіе и устранивъ недоразумѣніе, которое могло-бы легко возникнуть изъ всего послѣдующаго, мы приступаемъ къ современному вопросу и высказываемъ прямо, что всякую попытку ограничить самодержавіе въ настоящее время въ Россіи, мы считаемъ дѣломъ безумнымъ, потому что оно невозможно, а еслибъ оно и было возможно, то назвали-бы его бѣдствіемъ и преступленіемъ противъ народа.

Невозможнымъ мы назвали это дѣло потому, что въ землѣ Русской нѣтъ такой силы, на которую можно было-бы опереться для ограниченія другой силы—самодержавія. До какой-бы степени помѣшательства ни дошли въ настоящую минуту разгоряченные умы, нельзя считать казенныхъ учебныхъ заведеній, университетовъ и литературныхъ кружковъ того или другого цвѣта—силою. Положимъ, всѣ они могутъ сдѣлать много зла, нагнавъ на Русскую землю тучу дикихъ понятій, извративъ общественный смыслъ, сбивъ съ историческаго пути и сдѣлавъ негодными для жизни нѣсколько поколѣній; но все это — проявленіе силы чисто *отрицательной*, а не творческой и не зиждущей. Ядъ—есть тоже сила, но сила умерщвляющая, а не дающая жизнь. У насъ есть одна сила историческая, положительная, это—народъ, и другая сила — самодержавный Царь. Послѣдній есть также сила положительная, историческая, но только вслѣдствіе того, что ее выдвинула изъ себя народная сила и что эта послѣдняя сила признаетъ въ Царѣ свое олицетвореніе, свой внѣшній образъ. Пока этими двумя условіями обладаетъ самодержавіе, оно законно и несокрушимо. Не дай Богъ дожить до испытанія его силы на какой-нибудь площади противъ какой-бы-то ни было горсти недовольныхъ; но пора заранѣе отдать себѣ отчетъ въ послѣдствіяхъ схватки, на которую вызываютъ его задорные люди. Пусть соединится въ одну кучу нѣсколько сотъ воспитанниковъ казенно-учебныхъ заведеній, пусть пристанетъ къ нимъ дюжина-другая лицъ, еще не успѣвшихъ помириться ясъ мыслью объ утратѣ крѣпостнаго права, пусть къ нимъ примкнетъ десятокъ свистуновъ-газетчиковъ, да еще человѣкъ пять спившихся съ круга и до костей зараженныхъ мѣщанъ и дворовыхъ людей; однимъ словомъ, пусть все, что желаетъ паденія самодержавія, обступитъ Зимній Дворецъ. Если вызванный крикомъ Царь приподнимется и черезъ головы этой горсти людей только подмигнетъ народу, и если народъ пойметъ, что Царя *обижаютъ*, то что произойдетъ тогда? Скажетъ-ли онъ: „по дѣломъ ему“, или двинется къ нему стѣною на выручку? Тѣмъ, для которыхъ разрѣшеніе этого вопроса сомнительно, мы

совѣтуемъ обратиться за справкою къ мировымъ посредникамъ, которые въ продолженіе шести мѣсяцевъ толкаются въ народѣ и болѣе, чѣмъ кто-либо, выслушиваютъ правдивыхъ выраженій его неудовольствій и надеждъ. Они скажутъ въ одинъ голосъ, что сочувствіе народа электрическимъ токомъ тянетъ прямо къ Царю, черезъ всѣ посредствующія сословія, учрежденія, общественные слои, не останавливаясь на пути своемъ *ни на чемъ ни и на комъ*; что вся эта посредствующая среда, въ глазахъ народа, существуетъ только какъ препятствіе къ его соединенію съ Царемъ и что между ними давно заключенъ невысказанный, а подразумѣваемый и всѣми понимаемый союзъ для взаимной защиты. Если, чего не дай Богъ, имъ доведется встрѣтиться въ общемъ противодѣйствіи кому-нибудь, то не произойдетъ-ли съ этимъ „кто-нибудь“ то-же самое, чему подвергается жиденькая лодочка, попавшая между двухъ валовъ, идущихъ другъ другу навстрѣчу? Есть еще предположеніе: „можетъ быть, когда раздастся на площади крикъ и зазвенятъ разбитыя окна, Зимній Дворецъ оробѣетъ и подастся на сдѣлку; можетъ быть удастся въ минуту страха исторгнуть какую-нибудь уступку; или, если ужь народъ неспособенъ воспламениться за прогрессъ, за цивилизацію и за тѣхъ, кто считаетъ себя передовою дружиною, то нельзя-ли чѣмъ-нибудь другимъ подогрѣть его, хоть, напримѣръ, обѣщать ему, что не будетъ рекрутства, что податямъ конецъ и т. п.?“ Иными словами: можно обойтись безъ народа и можно обмануть народъ. Но и эти два средства испробованы. Анна Іоанновна подписала подвернутую ей конституцію и на другой день изорвала ее въ клочки, а люди, въ то время стоявшіе за конституцію, были покрупнѣе нынѣшнихъ: закалъ былъ надежнѣе. Это они доказали въ ссылкѣ. Былъ и другой примѣръ: 14 декабря, *обманомъ*, вывели на Дворцовую площадь два гвардейскихъ полка. Что-жъ изъ этого вышло?.. Къ тому-же, не надобно забывать одного: нынѣче на русскомъ Престолѣ сидитъ Александръ II, который извѣстенъ народу не по однимъ манифестамъ о ревизіяхъ и рекрутскихъ наборахъ. Онъ извѣстенъ, какъ *Освободитель крестьянъ*.

Народъ на обманъ не поддастся. Итакъ, ограниченіе самодержавія—дѣло невозможное.

Кромѣ того, мы сказали, что, еслибы оно и было возможно, то мы сочли-бы его бѣдственнымъ, и вотъ почему. Всѣ современные недуги Русской земли сводятся къ одному: нашъ государственный строй намъ не по силамъ и не по возрасту: государство потребляетъ больше, чѣмъ вырабатываетъ земля и мало-помалу заѣдаетъ землю. Противъ этого зла конституціонная форма правленія не только не принесла-бы врачеванія, а наоборотъ, усилила-бы недугъ.

Мы знаемъ по опыту, что гдѣ конституціонная форма возникаетъ не какъ самородный плодъ свободнаго развитія народной жизни, а заимствуется извнѣ, какъ готовая форма, какъ покрой платья, тамъ прямо и неизбѣжно ея послѣдствіе: усиленіе цент-

рализаціи, не только административной, но и умственной. въ развитіи народнаго просвѣщенія. Одна точка, одинъ городъ дѣлается самодержавнымъ властелиномъ цѣлой земли; туда, къ этому средоточію политическаго движенія, устремляются массы народа, капитала, способностей, привлеченныхъ заманчивою дѣятельностью на видномъ поприщѣ, и между тѣмъ, областная жизнь замираетъ, самодѣятельность оскудѣваетъ, и мало-по-малу все подпадаетъ общей зависимости отъ направленія даннаго свыше. Первоначально централизація устанавливается вслѣдствіе этого сильнаго прилива народныхъ силъ къ одному средоточію; потомъ она усиливается по-неволѣ, вслѣдствіе постепеннаго истощенія всего организма, какъ единственное средство восполнить пустоту и мертвенность въ его оконечностяхъ. Петербургъ, центръ самодержавія, тяжелъ для Россіи; Петербургъ, центръ конституціоннаго правительства, задавилъ-бы ее окончательно.

Далѣе, первое условіе правильнаго историческаго развитія есть искренность и правдивость. Подъ этимъ мы разумѣемъ согласіе того, что проявляется словомъ, дѣломъ, учрежденіемъ, обычаемъ, съ тѣмъ, что есть, что составляетъ сущность народной жизни. Всякая конституціонная форма правленія основана на правѣ большинства, признанномъ, какъ фактъ законнаго преобладанія: несомнѣнной силы — надъ слабостью и предполагаемой разумности—надъ частными увлеченіями и интересами. Но если-бы названіе и право большинства присвоило себѣ меньшинство, то, очевидно, что вся конституціонная обстановка превратилась-бы въ возмутительную ложь. Таковъ-бы былъ у насъ характеръ ограниченной монархіи: ибо, какую-бы ни придумали для нея форму, вся масса народная осталась-бы *внѣ* ея, какъ матеріалъ, какъ орудіе или какъ мертвое вещество. Что народъ не можетъ быть ни непосредственно, ни посредственно дѣйствующимъ лицомъ въ какой-бы-то ни было конституціонной формѣ правленія--это, кажется, очевидно. Во-первыхъ, народъ не желаетъ конституціи, потому что онъ вѣритъ добрымъ намѣреніямъ самодержавнаго Царя и не вѣритъ рѣшительно никому изъ тѣхъ сословій и кружковъ, въ пользу которыхъ могла-бы быть ограничена самодержавная власть; во-вторыхъ, народъ безграмотный, народъ разобщенный съ другими сословіями, народъ, реформами Петра выброшенный изъ колеи историческаго развитія—не способенъ, не можетъ принять участія въ движеніи государственныхъ учрежденій, Народной конституціи у насъ пока еще быть не можетъ, а конституція не народная, т. е. господство меньшинства, дѣйствующаго безъ довѣренности отъ имени большинства, есть ложь и обманъ. Довольно съ насъ лжепрогресса, лжепросвѣщенія, лжекультуры; не дай намъ Богъ дожить еще до лжесвободы и лжеконституціи. Послѣдняя ложь была-бы горше первыхъ.

Теперь едва-ли нужно объяснять, почему всякую попытку измѣнить форму правленія у насъ, въ настоящую минуту, мы назвали преступленіемъ противъ народа. Кто предъявляетъ подоб-

ныя требованія, воображая себѣ, что онъ говоритъ за народъ и отъ его лица, о томъ мы можемъ только жалѣть. Кто знать не хочетъ того, что думаетъ и чувствуетъ народъ, кто сознательно пренебрегъ имъ и отъ своего лица заноситъ руку на то, что создано народомъ и чѣмъ народъ дорожитъ—тотъ самозванецъ.

Мы твердо убѣждены, что всѣ современные толки о перемѣнѣ формы правленія не что иное, какъ пустая болтовня, чуждая не только правды, но даже искренности. Россіи нужно не то. Послѣ освобожденія крестьянъ, которое могло быть исполнено успѣшно и мирно только самодержавною властью, намъ нужны: вѣротерпимость, прекращеніе полицейской проповѣди противъ раскола, гласность и независимость суда, свобода книгопечатанія, какъ единственное средство выгнать наружу всѣ зараженные соки, отравляющіе нашу литературу, и черезъ это самое вызвать свободное противодѣйствіе искреннихъ убѣжденій и честнаго здравомыслія; намъ нужно упрощеніе мѣстной администраціи, преобразованіе нашихъ налоговъ, свободный доступъ къ просвѣщенію, ограниченіе непроизводительныхъ расходовъ, сокращеніе придворныхъ штатовъ и т. д., и т. д. И все это не только возможно безъ ограниченія самодержавія, но скорѣе и легче совершится при самодержавной волѣ, чуждой страха и подозрительности, понимающей свою несокрушимую силу и потому внимательной къ свободному выраженію народной мысли и народныхъ потребностей.

VIII.

Славянофильская теорія государственности.

(Письмо А. Д. Градовскаго въ редакцію „Голоса“. № 159 1881 года).

Въ послѣднее время вы (и не вы, одни) занимались политическими воззрѣніями славянофиловъ. Но позвольте вамъ сказать, что вы ни на одинъ волосъ не приблизились къ ихъ пониманію. Не виню васъ за это. Для того, чтобы постигнуть это ученіе, необходимо выйти изъ того круга понятій, съ которыми мы сжились и которыя кажутся намъ нераздѣльно связанными съ общими законами логики. Для этого нужно большое усиліе, но его необходимо сдѣлать—иначе вы никогда не поймете критикуемаго вами ученія.

Яснымъ доказательствомъ такого непониманія славянофильскаго ученія о государствѣ служитъ для меня напечатанный у васъ фельетонъ (№ 149-й „Голоса“). Авторъ фельетона, приводя извѣстныя слова К. Аксакова, что „народъ желаетъ для себя одного: свободы жизни, духа и слова“, восклицаетъ: „Только одного! Больше намъ, либераламъ, ничего и не нужно...“

Ему кажется, что этимъ восклицаніемъ онъ на смерть поразилъ славянофильское ученіе, уличивъ его представителей въ непослѣдовательности. Но еслибъ авторъ, не торопясь радоваться, далъ себѣ трудъ спросить, что разумѣютъ славянофилы подъ словомъ „свобода“—его торжествующій видъ замѣнился-бы выраженіемъ глубокаго унынія.

Подъ свободою слова, напримѣръ, всѣ привыкли разумѣть обезпеченную закономъ возможность безпрепятственнаго распространенія своихъ мнѣній, подъ условіемъ отвѣтственности передъ судомъ за проступки, предусмотрѣнные въ законѣ.

Какъ видите, въ этомъ ходячемъ опредѣленіи, что ни шагъ, то извѣстное юридическое правило и опредѣленная юридическая форма. Законъ *обезпечиваетъ* возможность каждому лицу, незапятнанному преступленіемъ, издавать книги, основывать газеты и журналы. Законъ установляетъ мѣру дозволеннаго и недозволеннаго въ пользованіи правомъ слова. Законъ указываетъ, какой судъ долженъ примѣнять его опредѣленія и какъ этотъ судъ долженъ

дѣйствовать. При этихъ условіяхъ, по общепринятымъ понятіямъ, и установляется свобода печатнаго слова.

По одному судите объ остальномъ. Когда въ умѣ обыкновеннаго человѣка возникаетъ мысль о какомъ-нибудь видѣ „свободы“, въ смыслѣ общественнаго начала, тотчасъ это понятіе сопрягается съ понятіемъ *юридической* нормы, провозглашающей, установляющей и обезпечивающей этотъ принципъ. Каждый привыкъ думать, что вопросъ о свободѣ въ жизни общественной есть именно вопросъ о тѣхъ юридическихъ гарантіяхъ, которыя можетъ дать *законъ* человѣческой дѣятельности *во внѣшнихъ* ея проявленіяхъ. Этимъ именно начало свободы общественной отличается отъ свободы нравственной. Безъ этой свободы человѣкъ имѣлъ-бы свободу мысли, но не имѣлъ-бы свободы слова; свободу вѣрованія, но не свободу исповѣданія, и т. д.

Таковы общепринятыя понятія. Но теперь я попрошу васъ перенестись въ кругъ совершенно иныхъ воззрѣній. Я затрудняюсь назвать ихъ „славянофильскими“, потому что между славянофилами были и есть люди, иначе смотрѣвшіе и смотрящіе на вещи. Но я имѣю въ виду понятія, связанныя съ именемъ К. Аксакова и усердно пропагандируемыя газетою „Русь“.

Коренная черта этого политическаго ученія состоитъ именно *въ отрицаніи необходимости всякихъ юридическихъ формъ*, создаваемыхъ для обезпеченія разныхъ личныхъ и общественныхъ правъ. Эти формы даже претятъ представителямъ означеннаго ученія— почему, мы увидимъ ниже. Но прошу васъ хорошенько запомнить эту первую черту. Она многое разъяснитъ вамъ впослѣдствіи, сверхъ того, тотчасъ-же укажетъ вамъ на одно ходячее заблужденіе насчетъ этой отрасли славянофиловъ.

Именно у насъ принято думать, что славянофилы отрицаютъ „западныя формы“. Но они идутъ гораздо дальше: они отрицаютъ необходимость формъ *вообще*. Ихъ политическое ученіе есть *теорія юридически*-безформеннаго государства, государства „по душѣ“, государства, построеннаго на однихъ нравственныхъ началахъ.

Этимъ и объясняется, во-первыхъ, почему славянофилы, отрицая, „западныя формы“ (въ чемъ они встрѣтились со многими изъ нашихъ „западниковъ“), никогда не могли дать указаній на формы „національныя“ и до-нынѣ ограничиваются простымъ отрицаніемъ, восклицая при видѣ всякой формы, попавшей въ наше законодательство: „казенщина“, „иноземщина“, „духовное рабство“, „средостѣніе“?

Этимъ объясняется, во-вторыхъ, и то странное обстоятельство, что эти люди, искренно и непритворно желающіе и свободы вѣроисповѣданія, и свободы слова, и всякихъ другихъ хорошихъ вещей, топорщатся и кричатъ при малѣйшей попыткѣ дать какую-нибудь юридическую форму означеннымъ „свободамъ“.

Вамъ, конечно, представится непонятнымъ, какимъ образомъ могла сложиться столь оригинальная государственная теорія. Постараюсь вамъ помочь.

Дайте волю своей фантазіи и представьте себѣ человѣческое общество, состоящее изъ людей, настолько выше обыкновенныхъ, что ихъ, безъ всякаго кощунства, можно уподобить ангеламъ. Духовная, внутренняя жизнь ихъ настолько развита и такъ поглощаетъ всѣ ихъ помыслы, что на все „внѣшнее“ они смотрятъ съ презрѣніемъ. Они не знаютъ земныхъ интересовъ; они чужды всякихъ матеріальныхъ страстей; во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ они руководятся не своекорыстіемъ, а высочайшею любовью къ ближнему. Единственное совершенство, котораго они хотятъ—совершенство нравственное. Даже на матеріальныя занятія, каковы: земледѣліе, промыслы, торговля, они смотрятъ не какъ на средство „стяжанія“, а какъ на школу къ тому же нравственному добру. Слѣдовательно, и вопросы собственности, обмѣна личныхъ услугъ и т. д. не играютъ въ ихъ жизни такой роли, какую они играютъ въ обществахъ обыкновенныхъ людей.

Вообразивъ себѣ подобное общество, скажите: нужны-ли такимъ людямъ внѣшніе законы и юридическія формы, проводящія границу между моимъ и твоимъ, раздѣляющія людей на обособленные классы и единицы? Нужны-ли законы, постоянно напоминающіе людямъ, что они не братья, живущіе въ высшемъ духовномъ единеніи, но что они подвержены страстямъ, способны къ зависти, къ мести, ко гнѣву и къ нарушеніямъ правъ ближняго? О, для такихъ людей всѣ эти формы и формулы были-бы оскорбленіемъ! Они коробили-бы то нравственное чувство, которымъ живутъ эти люди. Чувство это—*любовь*, стремящаяся къ *согласію*, какъ къ высшему выраженію нравственнаго тождества людей. А законъ есть вѣчное свидѣтельство ихъ *не*-тождества, различія, даже раздора, которые законъ старается примирить.

Боюсь, что картина такого всесовершеннаго общества вышла не особенно яркою. Что-же дѣлать! Я не славянофилъ, не поэтъ, не моралистъ. Я скромный юристъ. Но утѣшаю себя тѣмъ, что читатель настолько прозорливъ, что сквозь блѣдныя черты моей картины онъ, духовными очами своими, разглядитъ картину, въ сотни разъ пышнѣйшую, и окончательно вознесется отъ этой грѣшной земли туда, гдѣ обитаетъ это удивительное общество.

Но для чего возноситься? Для чего искать вдали того, что находится подлѣ насъ? Да, этотъ удивительный народъ есть *русскій* народъ.

Такъ говорятъ славянофилы. Нашъ народъ не только одинъ между всѣми другими народами земного шара воспринялъ истинную религію—это могло быть дѣломъ историческихъ событій, но онъ, по природнымъ качествамъ своимъ, по естеству, настоящій христіанинъ и только христіанинъ. По всѣмъ своимъ стремленіямъ онъ—носитель и представитель высшей нравственной истины. Поэтому онъ чувствуетъ себя предназначеннымъ къ жизни духовной, созерцательной, чуждой земныхъ дрязгъ и плотскихъ помысловъ. Поэтому, онъ, какъ говоритъ К. Аксаковъ, народъ *неполитическій*, т. е. чуждый всякихъ попеченій о земномъ могуще-

ствѣ, которыя отвлекали-бы его отъ истиннаго его назначенія. Поэтому, далѣе, онъ не любитъ внѣшнихъ, юридическихъ формъ, опредѣляющихъ жизнь, а потому ее „стѣсняющихъ“. Его идеалъ— „міръ“, община, члены которой живутъ братскимъ согласіемъ, единеніемъ въ духѣ, подобно общинамъ первыхъ христіанъ.

Но, такъ какъ этотъ необыкновенный народъ и его общины, по волѣ судебъ, живутъ не на небесахъ, а на землѣ; такъ какъ они окружены своекорыстными сосѣдями, которые пропитаны разными земными помыслами; такъ какъ въ его собственной средѣ могутъ завестись „лихіе люди“, способные, путемъ „разбойныхъ, убивственныхъ и татебныхъ дѣлъ“, смутить покой общины: то и этому народу понадобилось *государство*, какъ *внѣшняя* мощь, охраняющая „свободу и самостоятельность“ его духовной жизни.

Но откуда взять это государство? Самъ народъ, какъ сказано, не захотѣлъ быть государствомъ, потому что это значило-бы отказаться отъ своего достоинства, отречься отъ духовныхъ интересовъ. Государство нужно было *призвать* извнѣ, что и было сдѣлано, если вѣрить Несторовой лѣтописи и не вѣрить изысканіямъ г. Иловайскаго. Съ этой минуты народъ сложилъ съ себя попеченіе о всемъ внѣшнемъ для того, чтобы съ новою силою устремиться къ внутреннему и духовному.

Оставимъ его на этомъ актѣ и обратимся къ „государству“. Положеніе государства нельзя не признать крайне затруднительнымъ. Государство, по ученію славянофиловъ, есть внѣшняя матеріальная сила; она, по той же теоріи, приглашена стать въ союзъ съ элементомъ, на-чисто духовнымъ, т. е. съ народомъ. Если бы при этомъ означенной „матеріальной силѣ“ было указано подавить духовную жизнь въ народѣ, то всѣ затрудненія разрѣшились бы просто и ясно. Но тѣ же славянофилы предъявляютъ къ „матеріальной силѣ“ очень существенное требованіе охранять свободу духовной жизни народа. Мало того, дабы „государство“ не выродилось окончательно въ грубую матеріальную силу и тѣмъ самымъ не впало бы въ бездну грѣха, оно не должно отрѣшаться отъ духовныхъ стихій народа, должно подчиняться ихъ вліянію.

Какъ это сдѣлать? Какъ найти эту квадратуру круга? На это у славянофиловъ нѣтъ сноснаго отвѣта. При самомъ сильномъ напряженіи ума, невозможно понять ихъ разглагольствованій объ единеніи государства съ народомъ, о воспріятіи государствомъ „народной правды“ и т. д. и т. д. Невозможно, говорю я, понять этого, потому что бѣдная человѣческая мысль не можетъ ни уловить, ни обнять ничего безформеннаго, не имѣющаго образа и видимости. Обыкновенно устроенный человѣкъ широко раскроетъ глаза, когда ему начнутъ доказывать о существованіи музыки безъ звуковъ, гармоніи безъ аккордовъ, тяготѣніе безъ тяжести, мышленія безъ формъ сужденія и т. д.

А между тѣмъ, что-же, какъ не „музыку безъ звуковъ“ проповѣдываютъ наши славянофили, возвѣщая сочетаніе безформен-

наго государства съ безформенною „духовною свободою“? Тутъ ужь прекращаются средства обыкновеннаго сужденія и начинается область „не любо—не слушай“.

Что-же будете вы имъ доказывать? Въ чемъ станете убѣждать? Когда человѣкъ доказываетъ, что жилища вообще не нужны, толковать съ нимъ о сравнительныхъ удобствахъ того или другого архитектурнаго стиля—занятіе безплодное.

Мнѣ кажется, что споръ со славянофилами только тогда будетъ поставленъ на надлежащую почву, когда имъ, прежде дальнѣйшихъ разсужденій, предложатъ слѣдующій простой вопросъ:

Нужны-ли *вообще* для государственной жизни юридическія формы?

Если они поставятъ себѣ этотъ вопросъ прямо и добросовѣстно (а иной постановки отъ нихъ ожидать нельзя), то у нихъ сразу откроются глаза на многое, что прежде лежало внѣ ихъ пониманія.

Рѣшая означенный вопросъ, они, во-первыхъ, непзбѣжно придутъ къ заключенію, что русскій народъ *не* есть *совершенно* особенный народъ. Съ намѣреніемъ подчеркиваю слово „совершенно“, потому что насчетъ *особенности* русскаго народа не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, точно такъ же, какъ насчетъ особенности всѣхъ другихъ народовъ. Каждый народъ—французскій, англійскій, итальянскій, нѣмецкій и т. д., есть народъ „особенный“, въ томъ смыслѣ, что каждый изъ нихъ образуетъ самостоятельную и самобытную *личность*. Въ этомъ смыслѣ народъ *не* особенный есть нелѣпость, логическое противорѣчіе. Но такую-же нелѣпость представляетъ понятіе о *совершенно* особенномъ народѣ, т. е. народѣ, составляющемъ *исключеніе* изъ всѣхъ народовъ земного шара, народъ, не подчиняющійся въ развитіи своемъ общимъ законамъ матеріальнаго и нравственнаго міра, народъ, являющійся воплощенною и осуществившеюся *утопіей*.

Понявъ это, они, вѣроятно, дадутъ больше опредѣленности своему желанію, чтобы Россія не обратилась въ *Европу*. Если это желаніе должно означать, что Русскіе, какъ народъ *особенный*, не должны преобразиться въ другой *особенный* народъ, напримѣръ, въ Нѣмцевъ или Англичанъ, то это желаніе очень похвальное, потому что утрата народомъ своей нравственной личности, обращеніе его въ этнографическій, служебный *матеріалъ* для развитія другихъ народовъ—въ самомъ дѣлѣ, величайшее несчастіе. Но совсѣмъ иное значеніе имѣетъ желаніе, чтобъ Россія *не* была *Европой*, т. е. чтобъ она стала въ сторонѣ отъ европейскаго развитія, въ которомъ она, такъ или иначе, участвуетъ не одну сотню лѣтъ. Такое желаніе болѣе чѣмъ странно, потому что Россія *есть* Европа и русскій народъ есть народъ *европейскій*. Если славянофиламъ желательно имѣть ясное и неопровержимое тому доказательство, то, не говоря о многомъ другомъ, укажемъ имъ на одинъ „признакъ“, который въ ихъ глазахъ долженъ имѣть особенное значеніе.

Русскій народъ имѣетъ крѣпкое сознаніе своей національности и умѣетъ твердо и мужественно отстаивать свою самостоятельность отъ всякихъ внѣшнихъ посягательствъ. Именно это качество есть отличительный признакъ народовъ европейскихъ, въ отличіе ихъ отъ народовъ восточныхъ. Восточные народы также имѣютъ свои „особенности“ и крѣпко держатся за нихъ. Но у нихъ это чувство „особенности“ является только началомъ *косности*, не содержитъ въ себѣ ничего не только творческаго, но и способнаго къ воспріятію и самостоятельной переработкѣ общечеловѣческаго. Отъ этого всѣ восточные народы, при столкновеніи съ европейскими народами и ихъ цивилизиціей, развращаются, разрушаются и гибнутъ. Русскій народъ, столкнувшись съ европейскою цивилизаціей, не только не развратился и не погибъ, но началъ воспринимать эту цивилизацію, какъ нѣчто *свое*, не переставая, въ то-же время, быть самимъ собою. Великій Ломоносовъ является типическимъ выразителемъ этихъ свойствъ нашего народа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, *европейскихъ* его свойствъ. Возможенъ-ли Ломоносовъ въ Китаѣ или въ Персіи? Скажемъ больше. Сознаніе нашей національности просвѣтлялось и укрѣплялось по мѣрѣ проникновенія въ нашу среду европейской цивилизаціи. Яснымъ доказательствомъ тому служатъ сами славянофилы, въ которыхъ это сознаніе было доведено до преувеличенныхъ размѣровъ. Такая школа не могла-бы появиться въ XVI-мъ или въ XVII-мъ вѣкѣ. Тогда національное чувство выражалось въ формѣ коснаго отрицанія всего „иноземнаго“. Напротивъ, *объятельное*, такъ сказать, сознаніе народности у славянофиловъ было подготовлено столѣтіемъ европейскаго просвѣщенія. Если искать для славянофильства какой-нибудь „параллели“, то ее можно найти не въ московскихъ стрѣльцахъ и старовѣрахъ, а въ *нѣмецкихъ романтикахъ*, съ такою-же силою выразившихъ національное чувство, возмутившееся противъ иноземнаго давленія.

Итакъ, славянофильство—явленіе европейское и славянофилы суть такіе-же „птенцы гнѣзда Петрова“, какъ и презираемые ими „западники“. Безъ Петра не было-бы славянофиловъ, и не только потому, что славянофилы протестовали противъ крайностей Петровой реформы, противъ разныхъ несообразностей правительственной системы „петербургскаго періода“, но и потому, что безъ средствъ просвѣщенія, данныхъ реформою Петра, славянофилы не достигли-бы *сознанія* національности, сознанія извѣстныхъ правъ народности.

Это приводитъ насъ еще къ одному важному пункту, на который славянофиламъ придется обратить вниманіе при рѣшеніи указаннаго выше общаго вопроса. Славянофилы не безъ основанія гордятся, что въ нихъ крѣпко сознаніе личности народной. Но они могли дойти до этого сознанія не иначе, какъ черезъ предварительное сознаніе своей *собственной* личности. Такъ оно было вездѣ. Національная проповѣдь Фихте-Старшаго вышла изъ его философіи субъективнаго идеализма, а эта философія вполнѣ

соотвѣтствовала его личному характеру, стойкому, воспріимчивому и живому. Основатели нашего славянофильского ученія точно также были люди *типичные*, характера крѣпкаго и оригинальнаго. Такимъ образомъ, простыя біографическія данныя о нашихъ первыхъ славянофилахъ могутъ лучше всего доказать ту истину, что къ сознанію народности нельзя прійти иначе, какъ черезъ *самосознаніе*. Самосознаніе-же—если не принимать въ разсчетъ исключительныхъ натуръ—обусловливается такими формами жизни, которыми обезпечивается матеріальная и духовная свобода человѣка. Странно было-бы говорить о возможности „самосознанія“ въ крѣпостномъ крестьянинѣ или даже въ крестьянинѣ государственномъ, при прежнихъ формахъ „попечительства“ надъ этимъ сословіемъ. Напротивъ, самосознаніе у насъ впервые явилось въ средѣ привилегированныхъ классовъ, привилегіи которыхъ хоть сколько-нибудь обезпечивали ихъ личную свободу и безопасность. Въ этой средѣ зародились всѣ духовныя стремленія разныхъ направленій, которыми мы живемъ до сихъ поръ. Пушкинъ могъ выйти только изъ этой среды точно такъ-же, какъ и Хомяковъ, Грановскій такъ-же, какъ К. Аксаковъ, Тургеневъ такъ-же, какъ Кирѣевскіе и др.

Отсюда, кажется мнѣ, неизбѣжно вытекаетъ такое заключеніе: если славянофилы дѣйствительно желаютъ „свободы духовной жизни народа“ и подъ этою свободой не разумѣютъ свободы отъ права, то они столь-же естественно должны желать духовной свободы каждой отдѣльной личности. Полагаемъ, что сами славянофилы признаютъ, что „свободный народъ, состоящій изъ несвободныхъ людей“ есть рѣшительный абсурдъ.

Но такая цѣль можетъ быть достигнута только тѣмъ, что славянофиламъ кажется „нестоющимъ вниманія“, т. е. юридическими формами, обезпечивающими личность и, даже больше того—*создающими* ее. Да, создающими; славянофиламъ такая мысль можетъ показаться очень странною, тѣмъ неменѣе, это своего рода 2+2=4. Доказать это довольно легко.

Что такое человѣческая личность, какъ не извѣстное общественное начало, какъ элементъ государства? Она не есть совокупность костей, мяса, жилъ, крови и кожи, т. е. разныхъ анатомическихъ и зоологическихъ элементовъ, образующихъ *животное* бытіе человѣка; она не есть и совокупность разныхъ духовныхъ и умственныхъ *способностей*, потому что способности эти пропадутъ втунѣ, если человѣкъ не будетъ имѣть законной возможности проявлять ихъ во внѣшнихъ актахъ. Личность получаетъ дѣйствительное, практическое значеніе въ обществѣ, когда она возводится на степень *лица* (persona), а лицо образуется черезъ совокупность законныхъ правъ, обезпечивающихъ матеріальную и духовную жизнь человѣка. Поскольку развиты эти права, постольку существуетъ и лицо; постольку-же существуетъ и самъ человѣкъ, какъ ζῶον πολίτικον. Если законы не обезпечиваютъ собственности, свободы, труда и крѣпости обязательствъ—и человѣкъ, какъ субъектъ

гражданскаго права, не существуетъ, онъ — ничто. Если законы не обезпечиваютъ возможности правильнаго выраженія духовныхъ способностей человѣка, его мысли, вѣры, художественнаго творчества —онъ не существуетъ въ качествѣ элемента „духовной жизни“ народа. Итакъ, нѣтъ личности безъ права, нѣтъ и права безъ личности, а безъ того и другого нѣтъ общества, а есть только стадо. Примите этотъ скромный юридическій элементъ изъ человѣческихъ обществъ, устраните изъ него эти идеи лица, закона, права, и общество мгновенно уничтожится; самъ человѣкъ, какъ существо общественное, перестанетъ существовать. Та гармонія духовнаго и тѣлеснаго, которая дается ему общежитіемъ, исчезнетъ. Люди (и такова доля огромнаго большинства) обратятся въ животное состояніе или (таковъ удѣлъ немногихъ, въ томъ числѣ, конечно, и славянофиловъ) въ существа безтѣлесныя, живущія „въ духѣ“. Но это ζῶον πολίτικον, существо политическое и общественное, которое мы такъ любимъ по старой памяти и изъ уваженія къ великолѣпному зрѣлищу лучшихъ государствъ, древнихъ и новыхъ—это существо пропадетъ безъ слѣда.

Но, скажутъ славянофилы, развѣ права, а слѣдовательно, и личность человѣческая создаются? Развѣ человѣкъ не имѣетъ „естественныхъ“ правъ, въ числѣ которыхъ право на „духовную свободу“ есть первѣйшее? Увы! Славянофилы, при всей своей „самобытности“, придерживаются, однако, очень устарѣлой и давно брошенной западной теоріи „естественнаго права“ Естественныхъ правъ, т. е. правъ, не созданныхъ въ общежитіи, нѣтъ. Каждое общество выработывало долгимъ и часто мучительнымъ трудомъ этотъ юридическій элементъ, оставляя за собою безправіе, рабство, всѣ виды угнетенія и *стойкость*. И эти драгоцѣннѣйшія блага добывались человѣчествомъ черезъ постепенные успѣхи государственности; чѣмъ выше становилось понятіе о государствѣ, чѣмъ больше очищалось оно отъ примѣсей временъ завоевательныхъ и и вотчинныхъ, тѣмъ выше становилось понятіе о человѣкѣ и народѣ, и наоборотъ, возвышавшееся понятіе о человѣкѣ возвышало и идею государства, очищало воззрѣнія на его цѣль и на формы его дѣятельности.

Отсюда можно видѣть, что дѣйствіе государства на народъ гораздо глубже, чѣмъ это думаютъ славянофилы, и что отношеніе его къ „народу“ не рѣшается только тѣмъ, что оно не должно „вступаться“ въ духовную жизнь народа. Нѣтъ, государство не есть только „внѣшняя сила“; оно имѣетъ и великую *нравственную* миссію — черезъ улучшеніе формъ жизни возвышать значеніе и достоинство человѣка, а черезъ это-значеніе и достоинство всего народа. И въ этомъ, опять-таки, состоитъ характеристическая черта европейскихъ государствъ, въ отличіе ихъ отъ государствъ азіатскихъ. Отъ азіатскихъ государствъ европейскія отличаются именно степенью уваженія и достоинства, какими пользуется въ нихъ человѣческая личность. И именно потому, что Россія смогла понять это начало и воспріять его, она также есть государство европейское.

Такъ поступали всѣ государства, достойныя этого имени. Такъ, въ общихъ чертахъ, поступало и наше государство, особенно со временъ Петра Великаго.

Много и много обвиненій лежитъ на правительственной системѣ, Имъ основанной. Не будемъ говорить о нихъ, тѣмъ болѣе, что о нихъ говорится довольно. Но есть въ этой эпохѣ, въ этомъ „петербургскомъ періодѣ“ свѣтлая сторона, на которую славянофилы упорно не хотятъ обратить вниманія.

Это—успѣхи, сдѣланные въ теченіе означенной эпохи началами *законности* и формами личныхъ правъ сравнительно съ временами московскими.

Петръ Великій, какъ извѣстно, очень заботился о развитіи коллегіальнаго начала въ управленіи и объяснялъ эту заботу тѣмъ, что „старые судьи дѣлали, что хотѣли, ибо излишнюю мочь имѣли“. Въ этихъ немногихъ словахъ содержалась цѣлая программа, и если она не осуществилась, то благодаря тому, что Петру пришлось сажать въ комиссіи „ветхихъ“ людей, привыкшихъ дѣлать, „что хотѣли“. Затѣмъ, Екатерина II, своими грамотами дворянству и городамъ, создаетъ разрядъ свободныхъ людей, снабженныхъ личными и имущественными правами, которыхъ нельзя отнять у нихъ безъ суда.

Личная свобода является въ первый разъ въ видѣ привилегіи, но привилегіи эти постепенно распространяются и на другіе разряды людей и стремятся сдѣлаться общимъ правомъ.

Противъ этого можно сказать, что „законность“, основанная Петромъ Великимъ, часто обращалась въ канцелярскую формалистику, не исключавшую произвола, и что „привилегіи“ давали возможность однимъ классамъ угнетать другіе. Все это вѣрно. Но идея, дурно выраженная, однако, не умирала каждое *преобразовательное* царствованіе развивало ее, слѣдовательно, продолжало дѣло Петра.

Недавно газета „Русь“ утверждала, что система „петербургскаго періода“ дошла до своего апогея въ царствованіе Императора Николая. Не безъ удивленія прочли мы такое смѣлое завѣреніе. Что общаго между Петромъ, преувеличенно благоговѣвшимъ передъ Западомъ, и Императоромъ Николаемъ, почти воспретившимъ поѣздку за границу? Мы привыкли думать, что время Императора Николая было временемъ реакціи противъ идей и стремленій, накопившихся въ теченіе XVIII и началѣ XIX вѣковъ.

Говоримъ это къ тому, чтобы устранить еще одно завѣреніе „Руси“, именно, будто-бы Императоръ Александръ II, черезъ головы Екатерины и Петра, подалъ руку царямъ Ѳедору и Борису. Совершенно напротивъ, милостивые государи. Покойный Государь явился смѣлымъ продолжателемъ Петра и Екатерины; онъ возстановилъ то теченіе нашей общественной жизни, какое оно имѣло до 1815 года, и, затѣмъ, было прервано на сорокъ слишкомъ лѣтъ. Онъ ввелъ Россію снова въ европейское русло, освободивъ крестьянъ, преобразовавъ судъ и мѣстное управленіе.

Подъ вліяніемъ его преобразованій начало законности получило больше шансовъ на жизнь, потому что формы канцелярскаго управленія стали уступать мѣсто формамъ общественнымъ, а личныя права, таившіяся прежде подъ покровомъ привилегіи, теперь дѣйствительно обращаются въ общее достояніе. Можно-ли серьезно, и не впадая въ жесточайшую поэзію, вывести освобожденіе крестьянъ, судебную и земскую реформы, зачатки гласности, всеобщую воинскую повинность, „Городовое Положеніе“ и все прочее изъ идеаловъ временъ московскихъ? Это можно *сказать*, какъ это и дѣлаетъ газета „Русь“, но *доказать* невозможно. Къ чему обманывать себя и другихъ? Почему не признаться, что въ теченіе послѣднихъ двадцати шести лѣтъ мы сдѣлали больше, чѣмъ когда-бы-то ни было, шаговъ по европейской дорогѣ? Къ чему стыдиться этого? Что за позоръ такой находиться въ средѣ европейскихъ народовъ?

Послѣднее замѣчаніе. Если славянофилы согласятся со сказаннымъ выше, имъ легко будетъ понять истинный смыслъ такъ называемыхъ „западническихъ“ стремленій. Они поймутъ, что самое названіе это не имѣетъ смысла, какъ (между нами сказать) утратило свой смыслъ и славянофильство.

Славянофиламъ кажется, что существо противуположныхъ имъ стремленій состоитъ въ „рабскомъ“ подражаніи Западу, противъ котораго они призваны ратовать всѣми силами; имъ кажется, что конечная цѣль „западничества“ состоитъ непремѣнно въ измѣненіи существующей у насъ формы правленія, и Н. Я. Данилевскій уже нарисовалъ шутовскую картину шутовского русскаго парламента.

Но пусть они поставятъ себѣ слѣдующій вопросъ: нужны-ли, независимо отъ вопроса о формѣ *правленія*, извѣстныя юридическія формы, извѣстная доза законности въ *управленіи* (просимъ ихъ замѣтить это „у“) для обезпеченія тѣхъ благъ, о которыхъ они такъ много говорятъ?

Они вольны, конечно, дать отвѣтъ отрицательный; но это не помѣшаетъ ихъ противникамъ утверждать, что, пока свобода печати не обезпечена законами, ея *не* будетъ, пока свобода вѣроисповѣданія не ограждена законными правилами, ея *не* будетъ, и что, поэтому, прекрасныя слова К. Аксакова „народъ желаетъ для себя одного: свободы жизни, духа и слова“, останутся прекрасными словами и будутъ возвѣщать объ исканіи сухой воды, свѣтлаго мрака, холоднаго огня и тому подобныхъ полезныхъ вещей.

Но, пока они будутъ заниматься этою политическою астрологіей, гг. Катковы преспокойно вытащатъ у нихъ эту „свободу жизни, духа и слова“, какъ вытаскиваютъ носовой платокъ у зазѣвавшагося „звѣздочета“. И вытащатъ.

Не пора-ли признать, что въ настоящее время задача каждаго одареннаго Богомъ человѣка состоитъ не въ борьбѣ съ вѣтренными мельницами, а въ спасеніи той небольшой доли цивилиза-

ціи, свободы и духовной жизни, которую удалось накопить въ Россіи, благодаря совокупнымъ усиліямъ государства и народа? Немногочисленны эти блага, не великъ и сосудъ, ихъ вмѣщающій; но честь и слава будутъ тому, чья мужественная рука бодро понесетъ этотъ сосудъ навстрѣчу грядущему, не страшась никакихъ опасностей, и отдастъ его будущимъ поколѣніямъ не расточеннымъ, но преисполненнымъ новыхъ благъ для родного народа. Да будетъ такъ!

IX.

Возраженіе А. Д. Градовскому.

(Статья И. С. Аксакова изъ № 43 „Руси“ 1881 года).

Что можетъ быть тягостнѣе и скучнѣе повинности журналиста вести полемику съ людьми, которые прямо сознаются, что, приступая къ критикѣ вашихъ мнѣній, они „вышли изъ круга понятій, нераздѣльно связанныхъ съ общими законами *логики*?

А намъ именно приходится выполнить теперь эту обязанность: мы въ долгу передъ г. Градовскимъ и предъ публикою, которымъ уже давно обѣщали отозваться на статью „Славянофильская теорія государственности“, помѣщенную въ видѣ письма къ редактору въ № 159 „Голоса“. Хотя „Голосъ“ и пріостановленъ, но авторъ письма, г. А. Градовскій, величается во главѣ каждой книжки „Русской Рѣчи“ ея ближайшимъ сотрудникомъ, слѣдовательно, не можетъ быть сопричисленъ къ сонму „лежачихъ„, которыхъ не бьютъ“; онъ обладаетъ всѣми способами защиты и нападенія. Притомъ-же мы отвѣчаемъ только на статью, *подписанную* почтеннымъ профессоромъ, оставляя въ сторонѣ статьи его-же, повидимому, пера въ той-же газетѣ, но подъ которыми, къ чести для имени автора, не стоитъ его подписи.

Въ самомъ началѣ своего письма въ редакцію упомянутой газеты, носящаго вышеприведенное заглавіе, г. Градовскій объявляетъ, что для того, „чтобы постигнуть ученіе славянофиловъ, *необходимо выйти* изъ того круга понятій, которыя кажутся намъ (т. е. автору и редакціи) нераздѣльно связанными съ *общими законами логики*: для этого нужно большое усиліе, но его необходимо сдѣлать“... И почтенный профессоръ его дѣлаетъ,—съ трудомъ или безъ труда, мы не знаемъ, но во всякомъ случаѣ съ большимъ успѣхомъ: все его письмо свидѣтельствуетъ, что онъ вполнѣ удачно достигъ своей цѣли, т. е. уже совершенно опросталъ себя отъ всякихъ логическихъ понятій, почему, конечно, ничего въ разбираемой имъ „Запискѣ К. С. Аксакова“ и не понялъ.

Эта „Записка“, представленная въ 1856 году покойному Государю и напечатанная въ 26, 27 и 28 №№ „Руси“, подала по-

водъ г. Градовскому изложить „теорію государства“ по ученію такъ называемыхъ „славянофиловъ“ (говоримъ „такъ называемыхъ“ потому, что ни К. С. Аксаковъ, ни Хомяковъ, ни Юрій Самаринъ, ни другіе литературные и общественные дѣятели одного съ ними направленія не любили этой клички и сами себя такъ не называли). Но г. Градовскій, какъ, впрочемъ, и не могло случиться иначе при употребленномъ имъ безлогичномъ способѣ разумѣнія, въ своемъ изложеніи навязываетъ имъ теорію своего собственнаго изобрѣтенія, истинно фантастическую, затѣмъ разбиваетъ въ прахъ и ликуетъ, ликуетъ, какъ побѣдитель.

„Коренная черта политическаго ученія“ К. С. Аксакова и вообще славянофиловъ, — утверждаетъ г. профессоръ — состоитъ именно *въ отрицаніи необходимости всякихъ юридическихъ формъ* (курсивъ въ подлинникѣ), создаваемыхъ для обезпеченія разныхъ личныхъ и общественныхъ правъ“... „Они отрицаютъ необходимость формъ вообще“. Имъ „не нужны внѣшніе законы“. „Ихъ политическое ученіе есть теорія *юридически безформеннаго государства*, государства „по-душѣ“, государства, построеннаго на однихъ нравственныхъ началахъ“... „Государство, по ученію славянофиловъ, есть внѣшняя матеріальная сила“ (какимъ образомъ согласуются эти два опредѣленія государства,—какъ это государство по одному и тому-же ученію выходитъ „матеріальной силой“, „построенной на однихъ нравственныхъ началахъ“, и въ то-же время „по-душѣ“, — это объясняется только отреченіемъ почтеннаго профессора отъ законовъ логики). Но, вѣдь, безъ „формъ, безъ образа и видимости“ быть на землѣ никакъ невозможно,—убѣдительно продолжаетъ г. Градовскій: вѣдь, „человѣческая мысль не можетъ ничего такого ни уловить, ни обнять“. „Это уже музыка безъ звуковъ, тяготѣніе безъ тяжести, мышленіе безъ формъ сужденія“, а именно „музыку безъ звуковъ“, — восклицаетъ онъ,—„проповѣдуютъ славянофилы,—возвѣщая сочетаніе *безформеннаго государства* съ безформенною духовною свободою“. „Тутъ ужь начинается область: „не любо—не слушай!“— возглашаетъ въ заключеніе г. Градовскій и смѣло ставитъ и побѣдоносно рѣшаетъ ученый вопросъ: „нужны-ли вообще для *государственной* жизни юридическія формы?“ Вышло, что нужны!

Ученый публицистъ правъ: изложенная имъ теорія точно,—не любо—не слушай. Это дѣйствительно галиматья, но честь такого измышленія принадлежитъ не „словянофиламъ“, а всецѣло самому г. профессору. *Ничего подобнаго никогда и нигдѣ* славянофилы, разумѣется, не говорили и не давали повода выводить изъ ихъ писаній; они утверждали *какъ разъ противное*,—что доказывается не только всѣми ихъ сочиненіями, но даже и самой „Запиской“ К. С. Аксакова, которую г. Градовскій, излагая, совершенно перевираетъ. Такъ, г. Градовскій увѣряетъ, что, по словамъ автора „Записки“, „Русскій народъ чувствуетъ себя предназначеннымъ къ жизни только духовно-*созерцательной, чуждой земныхъ дрязгъ и плотскихъ помысловъ*“... Гдѣ-же это сказано? Посмотримъ „Записку“.

„Отдѣливъ отъ себя правленіе государственное, народъ русскій оставилъ себѣ *общественную* жизнь и поручилъ государству давать ему возможность жить этою *общественною* жизнью". Вотъ что говоритъ К. С. Аксаковъ. „Не желая *править*, народъ нашъ желаетъ *жить*", повторяетъ онъ вслѣдъ за симъ,—„но ищетъ для себя свобоы нравственной, свободы духа, *свободы общественной*,—народной жизни внутри себя"... „Онъ отдѣлилъ себѣ (поясняетъ далѣе авторъ „Записки") *земское дѣло*, подъ чѣмъ разумѣется весь *бытъ* народа, вся его жизнь, куда относится и матеріальное его благосостояніе", напримѣръ, „*промышленность, торговля*"... Это-ли образъ народа, будто-бы предназначеннаго, по истолкованію г. Градовскаго, только для созерцательно-духовной жизни, чуждой плотскихъ помысловъ и земныхъ заботъ??.. Почему-же г. Градовскій сопричисляетъ торговлю къ числу безплотныхъ помысловъ и духовно созерцательныхъ занятій?!.. Пойдемъ далѣе. „Государство,—фантазируетъ г. Градовскій, — по ученію славянофиловъ, есть будто-бы *только внѣшняя* матеріальная сила", а такъ какъ они *отрицаютъ необходимость* и внѣшнихъ законовъ, и всякихъ юридическихъ формъ", безъ которыхъ немыслима государственная жизнь, то ихъ „ученіе есть *теорія юридически-безформеннаго государства*, построеннаго на однихъ нравственныхъ началахъ", Посмотримъ, что говорятъ „славянофилы".

Безъ сомнѣнія, государство—сила, и сила именно внѣшняя, съ этимъ не станетъ спорить и г. Градовскій, но этимъ не исчерпывается его опредѣленіе. „Государство,—выражается Самаринъ, въ статьѣ, помѣщенной вслѣдъ за „Запиской" К. С. Аксакова, въ 29 № „Руси", *есть существенное условіе общежитія*, и какъ таковое, служитъ къ достиженію предназначенныхъ человѣчеству цѣлей". „Государство,—говоритъ Хомяковъ,—есть *внѣшняя правда*". Внѣшняя правда, т. е. правда формальная, условная, выражающаяся *въ юридическихъ формахъ*, составляющая компромиссъ, сдѣлку между высшими, идеальными требованіями правды внутренней, нравственной и внѣшними требованіями правильнаго общежитія въ данную минуту. „Внутренній законъ, - пишетъ въ своей „Запискѣ" К. С. Аксаковъ,—для людей недостаточенъ", онъ могъ-бы быть достаточнымъ только тогда, когда-бы люди были совершенны, „но они не таковы, и потому *необходимъ законъ внѣшній*, необходимо государство". Стало быть, если *внѣшній законъ*, по мнѣнію „славянофиловъ" *необходимъ*, то онъ ими не отрицается, какъ храбро утверждаетъ ученый профессоръ! Стало-быть, *государство* и *внѣшній законъ* мыслятся „славянофилами" *нераздѣльно*...

Откуда-же взялъ г. Градовскій, что въ понятіи славянофиловъ государство чуждое какихъ-бы-то ни было внѣшнихъ законовъ и юридическихъ формъ, „есть что-то безформенное", не имѣющее „*образа и видимости*"?! Это ужъ подлинно „не любо—не слушай",—можемъ и мы примѣнить къ самому г. Градовскому его выраженіе о славянофильскихъ теоріяхъ, но мы при этомъ, однако, не расположены слѣдовать второй половинѣ этой русской пословицы. Мы *помышаемъ* г. Градовскому...

„Записка“ К. С. Аксакова упоминаетъ, между прочимъ, о призваніи русскимъ народомъ государственной власти въ лицѣ Рюрика съ братьями... Напрасно г. Градовскій трунитъ надъ этимъ указаніемъ и противупоставляетъ ему мимоходомъ отрицаніе этого факта въ ученыхъ трудахъ г. Иловайскаго. Дѣло не въ дѣйствительности самого Несторова разсказа, а въ томъ, что еще въ XI в. было записано *такое* сказаніе,—конечно, не вымышленное самимъ лѣтописцемъ-монахомъ, а взятое изъ изустнаго преданія. А въ преданіи этомъ воплотился *взглядъ* народный на начало государства, его политическое міросозерцаніе: этотъ-же послѣдній фактъ, достовѣрность котораго не опровергаетъ и самъ г. Иловайскій, для насъ несравненно важнѣе внѣшней, фактической достовѣрности самого призванія Варяговъ. Что-же говоритъ записанное въ XI в. преданіе? Оно истинно замѣчательно: оно уже само по себѣ зрѣлый, отчетливый актъ сознанія *необходимости государственнаго строя*. „Земля наша велика и обильна, но наряда въ ней нѣтъ“ (наряда, а не „порядка“, какъ обыкновенно цитуютъ). Что такое нарядъ, какъ не государственный строй съ его внѣшней властью, внѣшнимъ закономъ, внѣшними юридическими формами. Понятно, что, сославшись на это сказаніе Несторовой лѣтописи, К. С. Аксаковъ имѣлъ въ виду выразившееся въ немъ народное воззрѣніе на значеніе государства... Какъ-же объяснить себѣ подобную отважную *превратность* увѣреній борзаго профессора и его лихія выходки? Мы могли-бы и еще продолжить выписки и сличенія, но полагаемъ, что приведенныхъ примѣровъ достаточно. Не въ первый разъ, впрочемъ, подвизается г. Градоскій въ подобныхъ полемическихъ пріемахъ: навяжетъ своему противнику какую-нибудь дикую теорію своего изобрѣтенія, станетъ въ позу, грозно выпадетъ противъ созданнаго имъ призрака и затѣмъ торжественно и самодовольно этотъ призракъ или самого себя побиваетъ!... И при всемъ томъ, мы охотно допускаемъ, что это происходитъ у него не mala fide, a bona fide — отъ недомыслія и отъ удивительной легкости, съ которой онъ, добровольно и по собственному признанію, умѣетъ отрѣшаться отъ „понятій, связанныхъ съ законами логики“... Я,—аттестуетъ къ тому-же самъ себя ученый профессоръ въ цитуемой нами статьѣ,—не поэтъ, не моралистъ. Я *скромный юристъ*“. Это и видно.

Что онъ не художникъ и что ему недоступно то орудіе постиженія истины, которое дается искусствомъ, художественнымъ творчествомъ и чувствомъ,—этого мы ему въ вину, конечно, ставить не можемъ,—но что онъ не „моралистъ“—этимъ хвалиться нечего. Хорошъ „юристъ“, не подбитый „моралистомъ“, игнорирующій ученіе о морали, какъ основѣ права, о правахъ, объ ихъ могущественномъ значеніи въ жизни обществъ и государствъ и объ ихъ отношеніи къ внѣшнимъ законамъ и юридическимъ формамъ! Правъ г. Градовскій: онъ, дѣйствительно, скромный юристъ, для котораго имѣютъ смыслъ *только одни* внѣшнія юридическія *формы*, какъ нѣчто существующее само по себѣ и для себя, an

sich и für sich,—который внѣ ихъ и за ними ничего не видитъ и не признаетъ, поклоняется только формѣ, только въ ней одной видитъ спасеніе. Обузивъ самъ себя такимъ образомъ, г. профессоръ предстаетъ передъ нами не какъ юристъ, хотя-бы и скромный, но просто, какъ формалистъ въ области внѣшняго права.

И не онъ одинъ. И не со вчерашняго дня возникъ этотъ „культъ формы", идетъ эта борьба внутренняго съ внѣшнимъ, свободы съ необходимостью, духа съ буквой!... „Сущность, такъ называемаго, славянофильскаго ученія" и въ частности „Записки" К. С. Аксакова вовсе не въ „теоріи о *безформенности* государства", а наоборотъ: съ одной стороны, въ признаніи государства именно внѣшнею только формою общежитія,—именно внѣшнимъ закономъ, внѣшнею силою; съ другой,—въ сопоставленіи съ государствомъ внутренней жизни духа, высшихъ началъ, высшихъ требованій нравственной правды и свободы, заключенныхъ въ душѣ человѣческой. Другими словами: отводится подобающее мѣсто Кесарю, но также и Богу; отводится мѣсто формѣ, буквѣ, признается ихъ необходимость и благотворность, но удерживается мѣсто и за *тѣмъ*, въ чемъ источникъ содержанія, влагаемаго въ форму и букву, т. е. за *духомъ*; и не только удерживается мѣсто, но провозглашаются и ограждаются права духа отъ властительства формы и буквы,—того, что *живитъ*, отъ того, что *мертвитъ*. Ибо истинно евангельское слово: „буква мертвитъ, духъ животворитъ". Пожалуй, и тутъ нѣкоторые, подражая г. Градовскому, воскликнутъ: „вы отрицаете букву, вы проповѣдуете теорію о ненадобности буквъ, но вѣдь безъ буквъ ничего не скажешь и не выразишь!" и т. д. Съ разсужденіями такой силы, полагаемъ, нѣтъ надобности и состязаться... Внѣшняя юридическая форма то-же, что буква. По мнѣнію лицъ, осмѣянныхъ г. Градовскимъ, государство само по себѣ не есть цѣль бытія, а только необходимое *средство* для достиженія высшей, предназначенной человѣчеству цѣли: поэтому и внѣшняя юридическая форма не есть еще *воплощеніе истины*, ни даже справедливости, вполнѣ ее исчерпывающее, а только условное выраженіе части истины или справедливости. въ примѣненіи къ требованіямъ мѣста и времени. Можетъ быть, скажутъ, что во всемъ этомъ новаго ничего нѣтъ. Новаго, конечно нѣтъ, а есть нѣчто вѣчное и міровое, предпоставленное всей исторической жизни народовъ.

Сказано: Кесарево—Кесареви, Божіе—Богови. Пусть вообразятъ себѣ теперь, что Богъ вычеркнутъ, отставленъ, все бывшее *Божьимъ* стало Кесаревымъ. Подъ *Кесаревымъ* разумѣется здѣсь государство, въ какомъ-бы-то ни было образѣ, хотя-бы республиканскомъ, со всѣми внѣшними законами и юридическими формами. Подъ Божіимъ—весь внутренній міръ человѣка съ его свободою, совѣстью, вѣрою въ высшую нравственную, абсолютную правду. Но если Кесарь вытѣснитъ Бога и простретъ владычество своихъ внѣшнихъ законовъ на всю область Божію, то и верховною совѣстью людей станетъ государство-же, т. е. *внѣшній* законъ. Дру-

гими словами: юридическія нормы залѣзутъ въ міръ внутренній жизни, въ самую душу человѣка, закуютъ его свободу, заглушатъ духъ, источникъ животворенія, все омертвятъ, но, разумѣется, омертвѣютъ и сами. Мы представили несбыточную гипотезу, ибо человѣческая духовная природа не въ состояніи долго мириться съ такимъ искаженіемъ,—но несомнѣнно, что такого рода поползновенія существуютъ на европейскомъ Западѣ, гдѣ одновременно съ успѣхами матеріализма возрастаетъ и культъ государства, т. е. *внѣшней формы* политическаго бытія, заключающей въ себѣ якобы разрѣшеніе всѣхъ задачъ, единственное, всеисчерпывающее условіе спасенія и благоденствія. Поэтому тамъ, напримѣръ, во Франціи, вся забота устремлена на пріисканіе и созданіе внѣшней государственной формы, которая-бы удовлетворила всѣмъ этимъ условіямъ и требованіямъ, такъ, чтобы за предѣлами ея ничего—никакого Бога и никакого иного царства не оставалось. Отъ этого тамъ такъ часты и революціи, разбивающія одну форму за другой, въ тщетной попыткѣ втѣснить въ юридическую норму весь духъ человѣческій, все оформить, все претворить въ правовой *порядокъ*, который уже предъявляетъ притязаніе стать высшимъ мѣриломъ нравственности и справедливости.

Кстати. У насъ въ Россіи, какъ извѣстно, это послѣднее выраженіе, т. е. „правовой порядокъ“, также въ большомъ ходу. Но вѣдь „правовой порядокъ“ бываетъ разный; вѣдь „правовой порядокъ“ вовсе не означаетъ порядка, всенепремѣнно воплощающаго высшую правду, такъ что восхвалять *„правовой порядокъ вообще“* — или не имѣетъ смысла, или имѣетъ смыслъ вышеуказанный, т. е. стремленіе замѣнить все Божіе—кесаревымъ, всякую идею безусловной правды и нравственности—юридическою, внѣшнею, форменною оцѣнкою, такъ чтобъ нравственнымъ было только то, что́ законно, и безнравственнымъ лишь то, что́ осуждается *внѣшнимъ* закономъ... „Правовой порядокъ!“ Но вѣдь французскій терроръ съ его кровавой оргіей и всѣми способами истребленія былъ самый, что́-ни-на-есть, *законный* и *правовой*, и *долженъ* быть признанъ таковымъ съ точки зрѣнія не „моралистовъ“, а „скромныхъ юристовъ“. Все, вѣдь, дѣлалось по рѣшенію законнаго большинства въ конвентѣ, а конвентъ состоялъ изъ легальныхъ, вполнѣ легальныхъ представителей французскаго народа, которые совершали расправу якобы отъ его имени и въ силу ими-же легально провозглашеннаго принципа народнаго верховенства! Сегодня узаконяется небытіе Бога и провозглашается поклоненіе Разуму: хотя десятки милліоновъ народа непричастны такому рѣшенію и отвергаютъ его всѣмъ сердцемъ и всею душой, но сотня лишнихъ голосовъ въ конвентѣ обязываетъ ихъ принять таковое рѣшеніе за законное и вдобавокъ за свое собственное... И дѣлать нечего: это вѣдь и есть „правовой порядокъ“!.. У насъ часто толкуютъ о „гарантіяхъ“ и усматриваютъ ихъ именно въ западно-европейскомъ „правовомъ порядкѣ“. Но, если сей послѣдній служитъ основаніемъ гарантіи, то чѣмъ-же гарантируется самый

„правовой порядокъ“, или иначе: чѣмъ-же гарантируется гарантія? Однимъ изъ догматовъ теоріи о гарантіяхъ, напримѣръ, состоитъ, какъ извѣстно, *несмѣняемость* судей, какъ условіе ихъ независимости. Но вотъ, Гамбетта намѣревается самымъ „правовымъ порядкомъ“, т. е. подобравъ себѣ лишній десятокъ голосовъ для составленія большинства, посягнуть на этотъ завѣтный принципъ и пообчистить магистратуру, потому что она оказывается слишкомъ независимою отъ администраціи и часто оправдываетъ тѣхъ, кого правительство хотѣло-бы обвинить. Такъ какъ во Франціи слѣдуетъ всегда допускать возможность политической перемѣны, то такимъ образомъ устанавливается „правовой“ прецедентъ и для будущихъ правительствъ: подбирать *угодный* для себя составъ магистратуры! Мы, само собою разумѣется, не противъ правоваго порядка вообще, т. е. не противъ юридическихъ нормъ и формъ, но не слѣдуетъ питать къ нимъ никакого суевѣрія, придавать имъ какое-то самостоятельное преувеличенное значеніе или вводить ихъ въ тѣ области, гдѣ имъ не мѣсто. Когда намъ твердятъ о „правовомъ порядкѣ“, мы прежде всего хотимъ знать: *какой именно?*

Дѣло въ томъ, что сила не въ правовомъ порядкѣ, а въ той общественной, духовной, нравственной почвѣ, въ которую упирается порядокъ своими корнями и которая ихъ питаетъ. Этого не могутъ понять скромные юристы-не-моралисты. Конечно, желательно, чтобы правовой порядокъ въ данную минуту отвѣчалъ потребностямъ нравственнаго общественнаго сознанія, но если этого соотвѣтствія нѣтъ, то правовой порядокъ останется мертвою буквою Г. Градовскій, напримѣръ, видитъ обезпеченіе свободы слова только во внѣшнемъ законѣ. Почему-же и не быть внѣшнему закону! Мы и сами его желаемъ, но законъ самъ по себѣ еще не составляетъ гарантіи. Ученый профессоръ забылъ, что въ Англіи, напримѣръ, внѣшній *законъ* о печати—самый драконовскій изо всѣхъ европейскихъ и до сихъ поръ воспрещаетъ разглашеніе въ печати парламентскихъ преній. Но *нравы* переросли внѣшній *законъ*, и никто никогда не рѣшится „правовой“, *существующій* и по-нынѣ порядокъ приводить въ исполненіе. Стало быть, сила не въ самомъ „правовомъ порядкѣ“, а въ жизни, въ нравахъ, въ томъ началѣ, которое одно истинно, могущественно и животворно.

Вотъ это-то животворящее начало, эту власть совѣсти, это царство духа и истины въ груди человѣка, этотъ несмолкающій запросъ на высшую нравственную правду и ищетъ оградить К. С. Аксаковъ, во всей ихъ самостоятельности, отъ посягательства внѣшней, юридической правды, отъ начала условности и формализма, которыхъ воплощеніемъ служитъ государство. Ищетъ оградить, разумѣется, только въ сферѣ нашего сознанія.

Самъ-же онъ полагаетъ, что русское государственное устройство, въ своихъ существенныхъ основахъ и въ томъ видѣ, какъ *понимаетъ его народъ*, т. е. въ идеальномъ своемъ видѣ, способно

именно дать нужный просторъ тому, что болѣе всего на потребу. Русскій народъ сознательно призвалъ къ себѣ государственную внѣшнюю власть и государственный внѣшній нарядъ, создалъ самое могущественное государство въ мірѣ, равно какъ и самую крѣпкую власть, надѣливъ ее неограниченнымъ полномочіемъ и оказывая ей вполнѣ *сознательно*, а не рабски, безпрекословное повиновеніе въ дѣлахъ міра сего; но онъ не отступился отъ Бога въ пользу Кесаря, т. е. не уступилъ царству отъ міра сего того царста Божьяго, которое внутрь насъ есть, не продалъ свою душу государству, не отрекся ради внѣшней правды отъ правды высшей, нравственной, не подмѣнилъ своихъ нравственныхъ, общественныхъ идеаловъ идеалами политическими, не заразилъ своего духа политическимъ властолюбіемъ, не упразднилъ своей *совѣсти* внѣшнимъ *закономъ*. Для него государство есть не цѣль, а средство, да „подъ державою его хранимы, благодѣнственное и мирное житіе поживемъ“, и онъ любитъ, чтитъ и благословляетъ это средство и добровольно, сознательно приноситъ всѣ тѣ нужныя жертвы, безъ которыхъ, какъ ему вѣдомо, средство это дѣйствовать не можетъ. Онъ понимаетъ и признаетъ необходимость внѣшней юридической формы, но формализмъ ему ненавистенъ. Въ этомъ именно смыслѣ и называетъ К. С. Аксаковъ русскій народъ *не-политическимъ* или *не-государственнымъ*. Кстати: г. Градовскій въ своей статьѣ опять совершенно искажаетъ мысль автора „Записки“. Именно у г. Градовскаго мы читаемъ: „Русскій народъ, *какъ* говоритъ *К. Аксаковъ*, народъ не политическій, т. е. *чуждый всякихъ попеченій о земномъ могуществѣ*“. Вовсе не то. Народъ именно позаботился о созданіи *могущественной* державы, какъ формы для своего общежитія, — а К. С. Аксаковъ говоритъ слѣдующее и повторяетъ это нѣсколько разъ: „Русскій народъ есть народъ не-государственный, т. е. *не стремящійся къ государственной власти*, не имѣющій въ себѣ даже зародыша народнаго *властолюбія*, не ищущій участія въ правленіи... Всѣ иные народы стремятся къ народовластію. Русскій-же народъ самъ *государствовать* не хочетъ“!..

По случаю этихъ словъ К. С. Аксакова можно было-бы сказать, что именно по этому самому русскій народъ и можетъ быть названъ самымъ государственнымъ въ мірѣ, или точнѣе, носящимъ въ себѣ *истинный* государственный смыслъ и разумъ, что не хочетъ *самъ* государствовать, а блюдетъ крѣпость власти и признаетъ лучше, чѣмъ какой-либо иной народъ, необходимость государственной дисциплины; но это поясненіе нисколько не измѣняетъ самой мысли автора „Записки“. Какъ-бы-то ни было, но этотъ афоризмъ К. С. Аксакова озадачилъ и даже возмутилъ многихъ нашихъ „западниковъ - либераловъ“, между прочимъ и публициста журнала „Отголоски“. Къ свѣдѣнію сего послѣдняго, а также и г. Градовскаго, сообщимъ довольно странное, почти буквальное совпаденіе. Въ одномъ изъ сочиненій нѣмецкаго писателя Риля, которое стало намъ извѣстно нѣсколько лѣтъ спустя послѣ на-

писанія „Записки“ (самъ-же К. С. и вовсе съ нимъ знакомъ не былъ, вѣдая о Рилѣ только вообще, по-наслышкѣ, да по какой-то русской поверхностной рецензіи), — и такъ, у Риля встрѣчается слѣдующее: „das deutsche Volk ist kein politisches Volk, sondern ein sociales“, т.-е. „Нѣмецкій народъ—народъ *не политическій*, а соціальный“, другими словами: съ задачею не политическою, а общественно-бытовою. Вѣрно или невѣрно такое мнѣніе Риля относительно нѣмецкаго народа — это другой вопросъ; во всякомъ случаѣ этотъ поклонникъ нѣмецкой народности не похулить хотѣлъ свой народъ, а напротивъ,—удостоить его высшей похвалы. Онъ-бы не пришелъ ни въ ужасъ, ни въ негодованіе, ни въ стыдъ отъ выраженій записки К. С. Аксакова, какъ наши такъ называемые либералы, уразумѣлъ-бы ихъ глубокій смыслъ. Постараемся, однако, подойти къ этому смыслу съ самой внѣшней стороны и въ самой сжатой формѣ.

Село вообще менѣе склонно жить политическою жизнью, чѣмъ *городъ*; самая этимологія греческаго слова „*политика*“ это подтверждаетъ. Россія-же, какъ мы однажды выразились, стоитъ *селами*, а не городами. Уже самое это преобладаніе сельскаго населенія въ Россіи свидѣтельствуетъ о слабости политическаго элемента въ громаднѣйшемъ большинствѣ, т.-е. въ 80% всего населенія Имперіи. Такъ что и съ этой, внѣшней стороны оправдывается афоризмъ автора „Записки“. Но онъ оправдывается и подтверждается всѣми чертами нашей народной психологіи, присущими не только такъ называемому простому народу, но даже и всѣмъ. Мы—народъ также соціальный, и задачи соціальныя намъ несравненно дороже политическихъ. Мы совершили освобожденіе крестьянъ вовсе не на основаніи *юридической внѣшней правды*, которою не дорожитъ въ глубинѣ души своей ни одна русская совѣсть, а въ силу правды соціальной, понятой въ ея истинномъ, согласномъ съ нравственною правдою смыслѣ. Вотъ англійскіе лорды—*юристы* вполнѣ, люди политическіе или государственные въ тѣсномъ значеніи, для которыхъ внѣшняя юридическая форма и основанное въ ней, хотя-бы и безнравственное, право—святыня. У насъ слово „чиновникъ“, „чиновникъ въ душѣ“, хотя-бы онъ былъ и честнѣйшій человѣкъ въ мірѣ, служитъ чуть не обидною аттестаціей, потому что означаетъ поклонника формы, тогда какъ у нашихъ сосѣдей Нѣмцевъ—этою аттестаціею люди гордятся. Да и у Французовъ также. Нѣмецъ священнодѣйствуетъ, а Французъ позируетъ и въ роли жандарма, и въ роли городового, во всякой оффиціальной должности; у насъ-же простодушное или такъ называемое „халатное“ отношеніе къ исполненію формальныхъ обязанностей доходитъ до вредной, истинно нестерпимой крайности, и однако-жъ поддерживается всею общественной и народной нравственной средой: это потому, что самая эта крайность есть доведенная до уродства черта нашей „неполитичности“. Политическое властолюбіе, если и прививается къ нашему обществу, то только съ недавняго вре-

мени, и корней глубокихъ вовсе не имѣетъ,---даже наши „либералы“ въ сущности вовсе не властолюбцы, развѣ за нѣкоторыми исключеніями. Во Франціи-же всякой студентъ изъ Quartier Latin—въ душѣ своей *политическій деспотъ* и носитъ идеалъ всегда *властолюбиваго* свойства; будь онъ отъявленнѣйшій республиканецъ—цѣль у него одна: добиться власти. Не изъ-за идей *свободы* борются и боролись партіи во Франціи, а изъ-за власти, и всякая вольнолюбивая доктрина, всякая даже анархическая теорія сводится тамъ къ одному выводу: къ государствованію, съ отрицаніемъ свободы для чужихъ мнѣній и партій. Нѣчто подобное доказывалъ въ свое время и самъ г. Градовскій въ своихъ статьяхъ въ журналѣ „Время“, если не ошибаемся, въ ту отдаленную эпоху, когда онъ не гонялся за кличкою „либерала“, а немного славянофильствовалъ и даже публичныя лекціи читалъ о славянофилахъ...

Этими мелкими психологическими чертами, конечно, не исчерпывается глубокое, міровое значеніе такого нравственнаго факта, какъ отсутствіе *политическаго* элемента въ самой *душѣ* нашего христіанскаго народа, въ глубинахъ его вѣрующаго духа. Но наша статья и безъ того велика. Мы хотѣли только отозваться на главные аргументы г. Градовскаго, которыми онъ думалъ сразить наповалъ такъ называемую имъ славянофильскую теорію. Мы оставляемъ также пока въ сторонѣ логическій выводъ, дѣлаемый К. С. Аксаковымъ изъ присущаго русскому народу нежеланія государствовать *самому*,—выводъ, который выразился въ созданіи полноправной монархіи — оставляемъ потому, что самъ г. Градовскій устраняетъ этотъ вопросъ. Онъ спрашиваетъ насъ, въ заключеніе своей статьи: „нужны-ли, независимо отъ вопроса о формѣ *правленія*, извѣстныя юридическія формы, извѣстная доза законности въ управленіи, для обезпеченія тѣхъ благъ, о которыхъ „славянофилы“-де тамъ много говорятъ? И „не останутся-ли прекрасныя слова К. С. Аксакова о „свободѣ жизни, духа и слова“ одними прекрасными словами, если не будетъ обезпечены законами?“... „Записка“ К. С. трактуетъ вовсе не о началахъ *управленія*, а рѣшаетъ именно вопросъ объ отношеніи народа къ политической формѣ государства, т.-е. къ формѣ правленія. Что-же касается до области управленія, области *подзаконной*, то само собою разумѣется, ни К. С. Аксаковъ, ни „Русь“ никогда не отрицали пользы изданія верховною властію законовъ, устраняющихъ произволъ подчиненныхъ этой власти лицъ и ограждающихъ свободу вѣрующей совѣсти и слова, и личное достоинство человѣка. Мы-бы первые тому порадовались, но не потому, чтобы самая форма „законовъ“ представлялась намъ непоколебимой *гарантіей*, ибо мы знаемъ, что всякій законодатель, давшій гарантію, можетъ и отнять ее (будь онъ хоть парламентъ или только парламентское большинство, составленное десяткомъ лишнихъ голосовъ); а потому-бы порадовались, что изданіе такихъ законовъ свидѣтельствовало-бы объ успѣхѣ сознанія въ нашей

правящей и въ общественной средѣ. Вотъ, чего нужно желать и въ чемъ заключается единственно прочная гарантія: это именно, чтобъ свобода совѣсти, свобода слова, вошла въ нашъ обычай и нравы, а она тѣмъ скорѣе сбудется и тѣмъ глубже войдетъ въ обычай и нравы нашей правящей и общественной среды, чѣмъ меньше будутъ связывать съ этою свободою общественной, неполитической жизни ложное понятіе о какихъ-то политическихъ правахъ и гарантіяхъ, изъ области управленія простирающихся на область правленія... Нужно желать, чтобы само наше правительство прониклось не только національнымъ, но и *народнымъ* духомъ, и усвоило себѣ именно тѣ понятія о союзѣ государства съ землею, которыя изложены въ „Запискѣ“ покойнаго К. С. Аксакова; нужно однимъ словомъ, чтобы государство и земля, народъ и полноправная власть, жили между собою, по русской поговоркѣ, *въ любви и совѣтѣ*.

X.

Самодержавіе и самоуправленіе.

(Статья С. Ѳ. Шарапова изъ „Русскаго Дѣла“ № 49. 1888 г.).

Съ 19-го ноября (1888 г.) въ Государственномъ Совѣтѣ началось, какъ сообщили тогда-же телеграммы, обсужденіе дѣла великой исторической важности, проекта мѣстной реформы, выработаннаго въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ и внесеннаго графомъ Д. А. Толстымъ. Прошло уже почти полъ-мѣсяца съ этого дня и ни въ одной газетѣ нѣтъ извѣстій о ходѣ дѣла. Прекратилась даже ожесточенная полемика, кипѣвшая наканунѣ (кромѣ ежедневныхъ вылазокъ разныхъ добровольцевъ, подвизающихся въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*), словно на все дѣло упала какая-то завѣса.

Но, если печать вдругъ почувствовала равнодушіе къ великому совершающемуся событію (внѣшнихъ поводовъ къ тому, сколько намъ извѣстно, не было), то русское общество съ затаеннымъ дыханіемъ и позабывъ обо всемъ остальномъ, ждетъ рѣшенія *своего* кровнаго для всей областной, уѣздной жизни насущнѣйшаго вопроса. Да и какъ не ждать!

Дѣло идетъ не о тѣхъ или иныхъ частностяхъ въ регламентаціи мѣстнаго управленія, не объ измѣненіи или усовершенствованіи существующаго распорядка, но о глубочайшихъ основахъ нашего гражданскаго строя. Вопросъ ставится такъ: есть-ли земство органъ государства, точнѣе, входитъ-ли оно въ систему собственно государственной жизни, или представляетъ нѣчто, отъ государства отличное, свою собственную систему, съ государствомъ не совпадающую, нѣчто живущее самостоятельною жизнію?

Иными словами: быть или не быть самоуправленію, ибо всякое смѣшеніе функцій самоуправленія, дѣла земскаго, съ „дѣломъ Государевымъ“ по нашему глубокому убѣжденію, являетъ лишь лже-самоуправленіе, точно такъ, какъ всякое оформленное и узаконенное (внѣ мнѣнія и ходатайства) вмѣшательство земщины въ „дѣло Государево“ явило-бы лишь лже-самодержавіе. Мы уже имѣли случай остановиться надъ разъясненіемъ какъ историческихъ основъ преемственности и непрерывности земскаго начала

на Руси, такъ и тѣхъ ближайшихъ усовершенствованій, которыя могли-бы сразу улучшить даже нашъ существующій земскій механизмъ. Намъ хотѣлось-бы теперь коснуться той важной стороны вопроса, которая по обстоятельствамъ времени и нашимъ историческимъ условіямъ даетъ нѣкоторую силу обсуждающемуся проекту реформы.

Чѣмъ мотивируется положенное въ основу проекта стремленіе усилить власть прямыхъ органовъ правительства въ ущербъ земскимъ выборнымъ людямъ? Очевидно, добрымъ желаніемъ спасти населеніе отъ земской безтолковщины и хищеній, которыя часто являются язвой провинціальной жизни и при которыхъ становится весьма возможнымъ, что населеніе будетъ даже обрадовано замѣщеніемъ своего собственнаго плохого выборнаго порядочнымъ чиновникомъ отъ короны.

Если читатель приметъ въ соображеніе то, что́ нами было высказано въ предъидущей статьѣ относительно порядка земскихъ выборовъ, и что было высказано г. *Зеленымъ* въ рядѣ статей, печатающихся у насъ—онъ легко уяснитъ себѣ этотъ странный фактъ. Въ сущности, не тому слѣдуетъ удивляться, что здоровые и цѣнные земскіе элементы часто не участвуютъ въ самоуправленіи, уступая мѣсто проходимцамъ и хищникамъ, а тому развѣ, что еще остаются—и не мало ихъ!—порядочныя земства и своимъ живымъ примѣромъ, своимъ трудомъ и результатами показываютъ, какъ много хорошаго и дѣльнаго заключаетъ въ себѣ наша провинціальная среда и какія усилія прилагаетъ она для борьбы съ несовершенной регламентаціей, созданной для земства государствомъ.

Какъ ни справедливы иногда упреки, сыплющіеся на земство со стороны вѣрующихъ въ возможность полнаго торжества бюрократическаго режима, но въ основѣ всего лежитъ простое недоразумѣніе: и хищенія, и „безконтрольность и безотвѣтственность“ земства ничуть не составляютъ какого-либо органически присущаго самоуправленію недостатка. Это явленія чисто внѣшнія, искуственныя, вытекающія единственно изъ несовершенства земскаго регламента и изъ установившихся отношеній государства къ земскому самоуправленію.

Изъ напечатанныхъ у насъ статей г. Зеленаго можно уяснить себѣ характеръ этихъ отношеній. Въ ихъ основѣ лежитъ стремленіе къ мелочному, чисто формальному контролю надъ каждымъ шагомъ земства и полнѣйшее къ нему недовѣріе. Прямымъ послѣдствіемъ является то, что правительство само себѣ связываетъ руки въ смыслѣ болѣе широкаго и дѣйствительнаго контроля. Если губернатору предоставляется право опротестовывать даже самое мелочное, самое пустое земское постановленіе, если его санкція необходима для дѣйствительности избранія самаго мелкаго земскаго чиновника, то совершенно очевидно, что принимать какія-либо героическія мѣры противъ *этого* земства не приходится. Все здѣсь дѣлается съ согласія и одобренія власти, и такимъ об-

разомъ власть принимаетъ на себя отвѣтственность за послѣдствія.

Совершенно иное было-бы, еслибы государство установило полную самостоятельность земскаго распорядка и оставило себѣ то, что ему должно принадлежать по праву: законодательную регламентацію, верховное руководство и верховный контроль надъ самоуправленіемъ.

Пояснимъ это примѣромъ.

Представимъ себѣ, что земство совершенно самостоятельно. Предѣлы его полномочій и власти опредѣлены закономъ весьма широко. У него есть свои исполнительные органы, ему возвращена земская полиція. Бюрократія не вмѣшивается въ земскія дѣла, государство оставляетъ себѣ только свои спеціальные органы, отношенія коихъ къ земству во всѣхъ подробностяхъ опредѣлены закономъ. Осуществленъ до нѣкоторой степени земскій строй, къ которому стремилась и которой въ тяжкихъ потугахъ вырабатывала древняя Русь.

Выиграетъ-ли отъ этого государственная власть или проиграетъ? Укрѣпится или ослабнетъ? Какой странный вопросъ! Государство не охватываетъ-ли собою и земство? Россія не обнимаетъ-ли вполнѣ и Смоленскую, и Херсонскую губернію? Развѣ недостаточно для государства сохранить за собою всю сумму его неотчуждаемой и недѣлимой власти надъ областью и право *во всякую минуту* вмѣшаться въ мѣстную жизнь, прекратить навремя самоуправленіе, отдать подъ судъ любого изъ выборныхъ лицъ, устроить новые выборы, созвать новое собраніе, словомъ, произвести полный переворотъ въ мѣстной администраціи? Кто и какъ можетъ отнять эти права отъ государства, въ лицѣ самодержавнаго Царя, дающаго и отмѣняющаго законы и стоящаго *сверхъ* закона?

Предположимъ далѣе, что власть, слѣдящая за исполненіемъ закона земскими дѣятелями, видитъ злоупотребленія; предположимъ, что раздаются громкія жалобы на земскихъ выборныхъ, случайно оказавшихся негодными. Въ данную мѣстность отправляется по высочайшему повелѣнію близкое къ Государю лицо, независимое по своему положенію и безпристрастное, имѣющее обширнѣйшія полномочія. Представитель Государя разслѣдуетъ дѣло, выслушиваетъ жалобы, вникаетъ въ ходъ самоуправленія и распоряжается, какъ найдетъ необходимымъ, имѣя, между прочимъ, право впредь до новыхъ, имъ назначенныхъ выборовъ замѣстить всѣ земскія должности людьми по своему усмотрѣнію.

Но вотъ, выборы сдѣланы. Нерадивые смѣнены, хищники отданы подъ судъ, новые дѣятели выходятъ на дѣло. Гроза кончена и все принимаетъ спокойное теченіе.

Одна возможность подобной встряски уже будетъ держать въ уздѣ всякія недобросовѣстныя поползновенія, а если сюда прибавить свободную областную печать, необходимую для самоуправленія, какъ свѣтъ, какъ воздухъ, можно быть спокойнымъ за то, что подобныхъ героическихъ мѣръ въ полномъ объемѣ ни-

когда примѣнять не придется. Самое большее, если посланецъ Государя смѣнитъ предсѣдателя, или членовъ управы, назначитъ новую ревизіонную комиссію и т. д.

Случаи съ петербургскимъ земствомъ въ 1867 году и череповецкимъ въ нынѣшнемъ показываютъ, что даже такія героическія средства, какъ временная отмѣна самоуправленія съ замѣщеніемъ его чиновниками — вполнѣ возможны, не вызовутъ никакого протеста и будутъ приняты, какъ нѣчто совершенно естественное. Царское самодержавіе настолько велико, прочно, сильно и безспорно на Руси, что говорить о какихъ-нибудь противодѣйствующихъ ему силахъ, особенно со стороны земской Руси,—просто недобросовѣстно. Русскій народъ, видя воплощеніе своей силы, единства, государственности въ самодержавномъ Царѣ, мечтаетъ не о томъ, чтобы урѣзать въ свою пользу что-либо изъ правъ и прерогативъ Государя, но, наоборотъ, желаетъ проявленія царскаго самодержавія во всей его полнотѣ. По народному воззрѣнію, Государь, давая законы, стоитъ самъ сверхъ закона и своей свободной совѣстью и волей восполняетъ въ отдѣльныхъ случаяхъ несовершенства закона. Но за то для всѣхъ подданныхъ и слугъ Государя существующій законъ долженъ быть святыней и вотъ почему, если и возможно какое-нибудь посягательство на священныя права Государя, то никакъ не со стороны самоуправляющагося въ своихъ мѣстныхъ дѣлахъ населенія.

Именно потому-то и должно быть выдѣлено въ особую систему дѣло земское отъ дѣла государева, что въ этомъ выдѣленіи и только въ немъ, является залогъ полнѣйшей свободы, ненарушимости и неограниченности царскаго самодержавія.

Государственная администрація, какъ ближайшій органъ самодержавія, какъ группа чиновниковъ, получающихъ полномочія отъ Царя и имѣющихъ совершенно законное стремленіе укрыться подъ авторитетъ царской власти, распространить на себя часть ея прерогативъ,—эта группа, вступая своими нижними отростками въ самоуправленіе, невольно связываетъ его съ общей бюрократической машиной, втягиваетъ однимъ концомъ въ сѣть государственныхъ учрежденій и лишаетъ самаго драгоцѣннаго качества—прямой, безъ отписокъ и увертокъ отвѣтственности передъ самодержавіемъ.

Земство, о которомъ мы говорили выше, и земство, исполнительные органы котораго чиновники короны — двѣ вещи совершенно различныя. Первое при правильной регламентаціи вполнѣ контролируется лучшими силами мѣстнаго населенія, контролируется свободною печатью и во всякую минуту подлежитъ строгому и нелицепріятному суду монарха, если и не непосредственному, то ввѣренному лицу, завѣдомо добросовѣстному исполнителю царской воли, лучшему изъ слугъ государевыхъ.

Разумѣется, земство второго порядка станетъ въ совершенно иное положеніе. Входя самымъ центромъ въ систему государствен-

ныхъ учрежденій, представляя лишь отдаленную вѣтвь общаго бюрократическаго дерева, прикасаясь самымъ неловкимъ образомъ къ живымъ силамъ населенія (недаромъ проектъ предвидитъ уклоненіе населенія отъ *такой* земской работы и вводитъ *принудительность* земскаго присутствія), оно будетъ также мало подлежать общественному контролю и контролю печати, какъ и непосредственному благому воздѣйствію самодержавнаго монарха, воля котораго (заимствуя термины механики) израсходуются въ слишкомъ большой степени о сопротивленіе передаточныхъ частей механизма. Земство станетъ вскорѣ простой, низшаго разряда канцеляріей того вѣдомства, къ которому оно причислено.

То, что мы высказываемъ здѣсь, ничуть не отвлеченное отъ жизни доктринерство. Наоборотъ, чисто практическія соображенія указываютъ, какая опасность грозитъ священному принципу самодержавія вслѣдствіе неправильнаго пониманія соотношеній въ русской жизни двухъ нашихъ основныхъ политическихъ устоевъ — самодержавія и самоуправленія. Исторія и наша печальная дѣйствительность учатъ, что чѣмъ сложнѣе становится бюрократическая машина, чѣмъ болѣе звеньевъ отдѣляетъ верховную волю отъ народа, тѣмъ большія препятствія сопровождаютъ примѣненіе этой воли, тѣмъ труднѣе поддержаніе въ полной исправности правительственнаго механизма... Множество явленій русской жизни свидѣтельствуютъ о томъ. Какъ въ чрезвычайно сложномъ часовомъ или органномъ механизмѣ бываетъ невозможно перемѣнить, или поправить отдѣльное колесо, не разбирая всего механизма, такъ въ государствѣ бываетъ часто невозможно даже опредѣлить источникъ зла, не перестроивъ цѣлаго вѣдомства.

Наша земская жизнь съ самаго введенія у насъ земскихъ учрежденій пошла вкривь и вкось не только вслѣдствіе несовершенствъ Земскаго Положенія, но также вслѣдствіе возникшаго немедленно антагонизма между земствомъ и бюрократіей.

Послѣдняя почувствовала въ земствѣ своего смертельнаго врага, попетровское государство не нашло въ себѣ достаточно довѣрія къ самоуправленію, не нашло старыхъ русскихъ идеаловъ и, заподозривъ земство съ перваго шага, съ перваго-же шага стало на сторону бюрократіи, приуготовляя ей торжество побѣды. Въ наши дни совершенно логически пришла послѣдняя къ мысли расширить и еще сферу своей дѣятельности на счетъ послѣднихъ остатковъ самоуправленія, ибо мира между бюрократіей, какъ самостоятельною системою государственнаго управленія, и земствомъ быть не можетъ. Или: есть настоящее исторически-русское самоуправленіе, и тогда бюрократіи въ западномъ смыслѣ нѣтъ мѣста и ни о какой борьбѣ между нею и земствомъ не можетъ быть и рѣчи; или: земство вполнѣ замѣщается административною централизаціею, причемъ весьма возможно, что кое-гдѣ коронные чиновники окажутся лучше представителей современнаго лже-самоуправленія.

Идеалъ русскаго гражданскаго и политическаго устройства,

выясненный славянофилами и вполнѣ отвѣчающій народному представленію о личности, „мірѣ“ и Государѣ таковъ:

Отдѣльное лицо, физическое или юридическое — полный хозяинъ владѣемаго имъ клочка земли. Земщина, въ лицѣ лучшихъ излюбленныхъ людей,—полный хозяинъ своей области или города. Государь-самодержецъ—полный хозяинъ всей Русской земли, въ верховной полнотѣ правъ котораго заключаются права какъ частныхъ лицъ, такъ и земствъ. Какъ частное лицо не можетъ присвоить себѣ земскихъ правъ, ибо само цѣликомъ со всѣми своими правами входитъ въ земщину, такъ и земство не можетъ ни съ какой стороны посягнуть на права верховной власти, ибо со всѣми своими правами тонетъ въ безграничномъ объемѣ правъ цѣлаго народа, воплощающихся въ живой, свободной личности Царя, которому всецѣло принадлежитъ *дѣйствіе*, внушаемое Его разумомъ и совѣстью и незримо направляемое и одобряемое всенароднымъ общественнымъ *мнѣніемъ*. И надъ всѣмъ этимъ, все обнимая собою, включая и сравнивая въ единомъ трепетѣ о спасеніи души, единой молитвѣ и единой отвѣтственности передъ Богомъ: и Царя съ его самодержавіемъ, и земщину съ ея самоуправленіемъ, и послѣдняго крестьянина съ его свободой и собственностью—высится Христова Церковь.

Идеалъ русскаго народа, пронесенный имъ сквозь вѣка, состоялъ въ чистой свободѣ и жизненности этихъ основныхъ началъ *историческаго* быта; ревниво оберегалъ онъ свою землю и свободу внизу, горько плакался на наемниковъ, недостойныхъ слугъ Царя, стѣснявшихъ его самоуправленіе и бытовые порядки, всѣми силами противился самомалѣйшимъ поползновеніямъ къ ограниченію свободы царскаго самодержавія, палладіума народной свободы, и готовъ былъ сложить свои головы въ борьбѣ за Церковь и вѣру.

Въ современной русской жизни, три элемента изъ названной системы стали безспорнымъ историческимъ фактомъ. О какомъ-либо прямомъ покушеніи на Церковь, на свободу царскаго самодержавія, на землю и свободу народа не можетъ быть и рѣчи. Но необходимый, существенный промежуточный элементъ нашего государственнаго быта—свобода земскаго самоуправленія, является еще спорнымъ, и совершенно серьезные голоса раздаются за фактическое упраздненіе въ русской жизни начала самоуправленія.

Между Царемъ и народомъ по этой теоріи долженъ стоять не рядъ живыхъ организмовъ, а страшно-сложный механическій правительственный аппаратъ, вершина котораго въ кабинетѣ Государя, концы—у лавки купца и избы крестьянина. Схема стройная, не лишенная гармоніи и логически обоснованная, могущая, пожалуй, скрасить нѣсколько жалкіе остатки нынѣшней земско-бюрократической борьбы, но едва-ли способная влить въ жизнь то, что само по себѣ представляетъ искусственную систему, своего рода отрицаніе жизни. Вѣримъ вполнѣ въ искреннюю любовь къ родинѣ и добрыя намѣренія авторовъ проекта земской реформы.

Совершенно послѣдовательно съ ихъ стороны стремленіе къ прекращенію того раздвоенія между земствомъ и правительствомъ, которое стало замѣтнымъ съ самаго открытія земскихъ учрежденій. Какъ ни странно, можетъ быть, покажется нашимъ читателямъ, но въ проектѣ земской реформы, обсуждаемымъ нынѣ Государственнымъ Совѣтомъ, мы видимъ шагъ впередъ въ нашей общественной жизни. Еще никогда во всѣ періоды нашей исторіи не занимала бюрократія такого всеобъемлющаго, полновластнаго положенія, какое она займетъ по мысли, положенной въ основаніе проекта. Мы увидимъ административный аппаратъ необъятныхъ размѣровъ, функціонирующій безъ малѣйшей помѣхи и противодѣйствія на всемъ необъятномъ пространствѣ Россіи...

Пусть-же поработаетъ онъ на полномъ просторѣ, пусть попытается излѣчить наши болѣзни и неустройства. Это будетъ послѣднее слово того міровоззрѣнія, которое вѣритъ въ возможность удовлетворить всѣмъ задачамъ сельской, областной и государственной жизни посредствомъ класса служилыхъ людей, всему дать государственную окраску... Дальше въ этомъ направленіи нѣтъ пути. А потому, если надежды, питаемыя сторонниками проекта, не осуществятся, если придется вскорѣ вновь ставить вопросъ о нашихъ неустройствахъ, вновь желать лучшаго, то этого лучшаго искать долго не придется.

Если проектъ мѣстной реформы въ его настоящемъ видѣ пройдетъ, будетъ утвержденъ и введенъ въ жизнь, онъ станетъ непосредственнымъ предтечею настоящаго, широкаго, исконно-русскаго земскаго самоуправленія. Вотъ, въ чемъ мы видимъ несомнѣнный шагъ впередъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Отъ издателя 3

I. Бюрократическое и земское государство. *И. С. Аксакова* . . . 5

II. По поводу „Записки“ К. С. Аксакова. *И. С. Аксакова* 15

III. Записка о внутреннемъ состояніи Россіи, представленная Императору Александру II. *К. С. Аксакова* 22

IV. Дополненіе къ „Запискѣ“. *К. С. Аксакова* 45

V. Самодержавіе и правовой порядокъ. *Ав. В. Васильева* 51

VI. По поводу записки Ю. Ѳ. Самарина о конституціи. *И. С. Аксакова* 54

VII. По поводу толковъ о конституціи. *Ю. Ѳ. Самарина* 61

VIII. Славянофильская теорія государственности. *А. Д. Градовскаго.* 66

IX. Возраженіе А. Д. Градовскому. *И. С. Аксакова* 77

X. Самодержавіе и самоуправленіе. *С. Ѳ. Шарапова* 88

Газета состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: **I. Передовыя статьи** по выдающимся вопросамъ. **II. Общіе вопросы** внутренней жизни Россіи, ея просвѣщенія, управленія, науки, быта. **III. Церковные вопросы.** Религіозная жизнь и бытъ русскаго народа съ точки зрѣнія христіанской любви и свободы. **IV. Иностранный отдѣлъ.** Разборъ выдающихся явленій во внѣшней политикѣ. Письма изъ иностранныхъ земель и статьи. **V. Экономическій отдѣлъ.** Статьи по вопросамъ земледѣлія, промышленности, финансовъ въ духѣ экономической независимости Россіи. Борьба съ нездоровыми экономическими и финансовыми теоріями, строго реальное и дѣловое отношеніе къ нуждамъ русской жизни. **VI. Обмѣнъ мнѣній.** Письма и возраженія редактору и отвѣты редактора. **VII. По душѣ.** Простая и откровенная бесѣда на темы, наиболѣе наболѣвшія въ общественномъ быту (родъ фельетона). **VIII. Литература и искусство.** Оригинальныя и переводныя беллетристическія произведенія. Критика. Чужія мысли и недомыслія (обзоръ газетъ и журналовъ). **IX. Шутки ради.** Серьезная политическая и общественная сатира. Шаржи и пародіи. **X. За недѣлю: дома и заграницею.** Отчетъ о событіяхъ въ самомъ сжатомъ видѣ.

На первой страницѣ обыкновенно помѣщаются портреты русскихъ и иноземныхъ выдающихся дѣятелей, художественно выполненные, а также изображенія важныхъ событій. Техническаго содержанія статьи иллюстрируются чертежами, картами и пр.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ (съ 1 янв.) **8** руб., на полъ-года **4** руб., на три мѣсяца (съ 1 янв. 1 апр., 1 іюля и 1 окт.) **2** руб. совсѣми приложеніями, съ доставкой и пересылкой. Подписка принимается въ Конторѣ Редакціи и главнѣйшихъ книжныхъ магазинахъ; иногородніе обращаются **исключительно** въ Контору Редакціи: С.-Петербургъ, Захарьевская, домъ № 3.

Экземпляры „Русскаго Труда“ за 1897 годъ имѣются въ небольшомъ количествѣ сброшюрованными и продаются за ¼ года по 2 р. съ пересылкой (1-я четверть отдѣльно не продается).

Въ отдѣльной продажѣ „Русскій Трудъ“ имѣется въ кіоскахъ и у газетчиковъ обѣихъ столицъ и во всѣхъ желѣзнодорожныхъ книжныхъ шкафахъ. Цѣна отдѣльному нумеру безъ приложенія **20 к.** (двойному 35 к.).

Редакторъ-издатель **Сергѣй Шараповъ.**

Лг.

СОЧИНЕНІЯ И ИЗДАНІЯ

С. Ѳ. Шарапова.

По русскимъ хозяйствамъ. Путевыя письма въ „Новое Время", пересмотрѣнныя и дополненныя. М. 1893 г. Ц. 2 р.

А. Н. Энгельгардтъ и его значеніе для русской культуры и науки (съ 2 портретами). Публичное чтеніе въ Историческомъ Московскомъ Музеѣ. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.

Собраніе сочиненій С. Ѳ. Шарапова. Т. I. Церковные вопросы. Публичныя рѣчи. Путевыя письма. Т. II. Путевыя письма. Спб. 1894. Цѣна обоимъ томамъ 3 рубля. (Порознь не продаются).

Къ свѣдѣнію будущаго министра Земледѣлія. (Второе изданіе „Писемъ о голодѣ"). Обмѣнъ мыслей между Рцы, N*, Н. П. Аксаковымъ и С. Ѳ. Шараповымъ. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.

Пособіе молодымъ хозяевамъ при устройствѣ ихъ хозяйствъ на новыхъ началахъ. Съ приложеніемъ 16 неизданныхъ писемъ А. Н. Энгельгардта къ А. Н. Куломзину. Спб. 1895 г. Ц. 1 руб.

По садамъ и огородамъ. Путевыя письма въ „Русскую Бесѣду". Спб. 1895 г. Ц. 30 к.

Бумажный рубль. Его теорія и практика. Изслѣдованіе о научныхъ законахъ бумаго-денежнаго обращенія въ самодержавномъ государствѣ. Спб. 1895 г. Цѣна 1 р. 50 к.

По Черноморскому побережью. Путевые очерки изъ поѣздки въ составѣ экспедиціи министра Земледѣлія осенью 1894 года. Спб. 1896. Цѣна 1 руб.

Крестьянскій плугъ. Публичное чтеніе въ Императорскомъ Сельско-Хозяйственномъ музеѣ (съ рисунками). Спб. 1896 г. Цѣна 10 коп.

Кружнымъ путемъ. Романъ въ 5 частяхъ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Русская реклама Ал. Веригина. Спб. 1898 г. Цѣна 10 к.

М. Г. Черняевъ (съ портретомъ). Спб. 1898 г. Цѣна 5 к.

Капиталы и долги (Докладъ С. Ѳ. Шарапова по порученію Г. В. Бутми въ Обществѣ для содѣйствія Русской Промышленности и Торговлѣ). Спб. 1898 г. Цѣна 20 к.

Сѣверный морской путь. Викт. Кельина и Ник. Чукмалдина. Спб. 1898 года. Цѣна 20 к.

Деньги земледѣльческой страны Александра Фролова. Спб. 1898 г. Цѣна 20 коп.

Измѣненіе денегъ. А. Шабри. Переводъ съ французскаго Сергѣя Шарапова.

Еще о сѣверномъ морскомъ пути Виктора. Кельина. Цѣна 20 к.

Бѣглый солдатъ Скрыпа и мое ученье. Николая Чукмалдина. Спб. 1898 г. Ц. 20 коп.

Мнимое перепроизводство серебра Павла Оля и Сергѣя Шарапова. Ц. 20 к.

О русскомъ церковномъ управленіи. Протоіерея А. М. Иванцова-Платонова. Спб. 1898 г. Цѣна 40 коп.

Царь Освободитель. Изъ воспоминаній А. А. Пороховщикова. (Съ портретомъ Императора Александра II). Ц. 10 к.

Русско-Китайская торговля Докладъ Николая Зинченко Ц. 10 к.

Теорія государства у славянофиловъ. Сборникъ статей И. С. Аксакова, К. С. Аксакова, Аѳ. В. Васильева, А. Д. Градовскаго, Ю. Ѳ. Самарина и С. Ѳ. Шарапова. Ц. 50 к.

Гг. выписывающіе непосредственно изъ Конторы „Русскаго Труда" (Захарьевская 3) за пересылку не платятъ.

Типографія А. Пороховщикова, Бассейная, 3—5.